

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

**ДЕВИАНТНОСТЬ, ПРЕСТУПНОСТЬ
И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ
В «НОВОМ МИРЕ»**

Сборник статей

УДК 343.9

ББК 67.51

Г47

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета Т. Г. Бочина;

доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета Л. П. Семеновко;

доктор филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова О. Е. Фролова.

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор Орловского госуниверситета, Заслуженный деятель науки РФ Ф. А. Литвин.

Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей/Гилинский Я. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 352 с.

ISBN 978-5-905966-04-0

Третий по счету сборник статей автора (более ранние изданы в 2004 и 2009 годах) включает в себя работы, опубликованные в период с 2009 по 2012 годы. В них представлен авторский взгляд на преступность, отдельные виды преступлений и иные девиантные проявления (пьянство, самоубийства и др.) в современном обществе - «обществе потребления». Уделено внимание характеристике «Нового мира», в котором мы живем, с позиций криминологии и социологии девиантности (девиантологии). В сборник также включен ряд статей на английском языке, изданных за рубежом в 2009-2011 годах.

Книга рассчитана на специалистов – юристов, социологов, политологов, а также широкую читательскую аудиторию.

ББК 67.51

ISBN 978-5-905966-04-0

9 785905 966040

© Гилинский Я., 2013

© Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Социология девиантности: новеллы и перспективы

Конструирование девиантности: проблематизация проблемы

Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор

Преступления против личности: криминологический анализ

Преступность в обществе потребления

Интолерантность: репрессивное сознание

и репрессивные практики

Уголовное право: возможности и пределы

Криминология сегодня: достижения, проблемы, перспективы

Алкоголь и мы

Преступность несовершеннолетних:

криминологический анализ

Террор и терроризм: что нам угрожает?

Криминология и девиантология

Самоубийство как социальный феномен

Российская полиция: вчера, сегодня, завтра

Социальное насилие

Исключенные навсегда

Новый мир? Размышления профана

Два лица экономической свободы

Современные тенденции мировой криминологии

Modern terrorism: who is to blame and what can be done?

Russia: an overview of crime and criminology

Contemporary organized crime in Russia

Torture by the Russian Police: An Empirical Study

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2004 г. к моему 70-летию был подготовлен и опубликован Издательством Р. Асланова «Юридический центр Пресс», которому я приношу благодарность, сборник статей «Девиантность, преступность, социальный контроль», включивший некоторые из моих ранее опубликованных работ (1988-2003 гг.).

В 2009 г. к моему 75-летию Издательство ДЕАН, которое я также благодарю, опубликовало подготовленный мною сборник статей («Глобализация, девиантность, социальный контроль»), опубликованных в 2004-2008 годах.

Представляемый читателю настоящий сборник статей имеет некоторые особенности. Во-первых, предполагается его выход в свет в 2013 г., т.е. не дожидаясь моего 80-летия. Слишком стремителен бег времени, слишком много событий произошло после 2009 г., да и годы жизни заставляют спешить... Во-вторых, в сборник включается несколько статей, не опубликованных в печати, а помещенных с Интернетом. И это – дань времени. В-третьих, впервые я счел возможным поместить в данном сборнике несколько моих англоязычных статей. Они были опубликованы в 2009, 2011 гг., и я вряд ли подготовлю очередной сборник своих англоязычных работ¹.

Как и в прежних сборниках, все статьи публикуются в хронологическом порядке, без последующих дополнений и изменений. Сохранен порядок ссылок, принятых в том или ином издании.

Считаю необходимым извиниться за неизбежные повторы, когда принципиальные для автора положения кочуют из статьи в статью.

1. Ранее опубликованы сборники англоязычных статей и глав книг: Gilinskiy Y. Crime and Deviance: Stare from Russia. St. Petersburg, 2000. 224 p.; Gilinskiy Y. Crime and Deviance: Russian Survey. St. Petersburg, 2009 (2011). 309 p.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОСТИ: НОВЕЛЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

*Феномен девиации – интегральное
будущее общества.*

P. Higgins, R. Butler

Не стоит заблуждаться: социология девиантности и социального контроля (*девиантология*) всегда находилась на окраине социологических знаний. Если порядковый номер исследовательского комитета (ИК) Международной Социологической ассоциации принять за своеобразный рейтинг, то ИК девиантности и социального контроля стоит под номером 29 из 48 возможных. Местечко так себе... Да, и действительно, есть теория социологии, ее методология, экономическая социология, социология науки, образования, города, семьи и т.п. – вполне уважаемые отрасли социологии. А объект девиантологии – преступность, наркотизм, пьянство, коррупция, терроризм, проституция, самоубийства и т.п. безобразия, о которых еще царский министр народного просвещения г-н А.С. Шишков начертал: «Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение» [1]. Этому завету многие годы следовала и советская власть. И даже вполне корректный профессор Кембриджа Колин Самнер в 1994 г. объявил о смерти социологии девиантности [2].

Но со временем все чаще и чаще в самых различных странах тематика девиантности стала приобретать все большее значение и т. н. «общественное звучание», а проблемы социального контроля перемещались из поля научных дискуссий в сугубо практическую сферу: как предупредить, сократить вал преступности, массовую алкоголизацию/наркотизацию насе-

1. Опубликовано в: Социологические исследования, 2009, №8.

ления, непредсказуемые террористические акты, разъедающую экономику и общественную нравственность коррупцию.

Не случайно новое столетие и тысячелетие ознаменовалось выходом *четырёхтомной* энциклопедии криминологии и девиантного поведения [3].

История становления и развития отечественной социологии девиантности и социального контроля изложена в ряде работ автора [4]. Ниже будут рассмотрены лишь два вопроса: основные *новации* (новеллы) зарубежной и отечественной девиантологии и – *перспективы* ее развития. Разумеется, будет представлена *авторская* точка зрения, отнюдь не претендующая на «истинность» и полноту.

Итак, чем характеризуются последние десятилетия развития девиантологии?

Во-первых, во всем мире произошло гигантское накопление *эмпирических сведений* о многочисленных проявлениях негативной девиантности (хуже с позитивной – творчеством): различных видах преступности, наркотизме, алкоголизации населения, коррупции, торговле людьми, суицидальном поведении, сексуальных перверсиях и др.

Во-вторых, развитие (*step by step*) девиантологической теории и эмпирической базы закономерно привело к формированию относительно самостоятельных *научных направлений* внутри девиантологии. Это нормальный путь развития науки (вспомним диверсификацию физики, биологии и др.).

Прежде всего, это *криминология* – социология преступности, которая и прежде была наиболее развитой наукой девиантологического цикла. Правда, я рискую вызвать гнев коллег-криминологов, которые считают криминологию совершенно самостоятельной наукой, не испорченной сомнительной социологией девиантности. Но это наш семейный спор [5].

Вполне оформилась *суицидология* – социология суицида. Собственно начало было положено хорошо известным классическим трудом Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд» (1897). Менее известна работа П. Сорокина «Самоубийство, как общественное явление» (1913). Обзор суицидологических концепций представлен в одной из современных работ [6].

Постепенно складывается *аддиктология* – социология за-

зависимостей (алкогольной, наркотической, игровой, компьютерной). Поскольку аддикции – большое место большинства современных стран, постольку широко распространены их исследования, как национальные, так и международные. Им посвящен, в частности, т. IV вышеназванной Энциклопедии. Если в отношении социальных проблем пьянства/наркотизма имеется Монблан литературы, то социологическое исследование игровой и компьютерной зависимостей только начинается [7].

Сексология, как медико-психологическая дисциплина, активно дополняется социологическим подходом. И хотя сексология в целом наука о «нормальном» поведении, но все большее место в ней занимает исследование сексуальных «отклонений» [8].

За последнее десятилетие появились такие направления (подсистемы) девиантологии, как *военная девиантология* [9], *пенитенциарная девиантология* [10], *экономическая девиантология* [11]. Список открыт!

В-третьих, диверсификация девиантологии сопровождается ее *интеграцией* с другими науками и их взаимовлиянием. Так, объяснение генезиса девиантности и ее отдельных проявлений невозможно без анализа структурных изменений общества, исследования роли социально-экономического неравенства и процессов включения/исключения (*inclusion/exclusion*), как девиантогенных факторов. Эта тема заслуживает специального обсуждения, выходящего за рамки данной статьи [12]. Отметим только, что идеи К. Маркса, А. Кетле, Ф. Турати, Р. Мертона, Я. Тэйлора о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности и иных девиантных проявлений подтверждаются современными эмпирическими исследованиями [13]. А проблема *inclusion/exclusion*, впервые поднятая французскими социологами в 60-е-70-е годы минувшего века [14], приобрела особое значение для девиантологии. «Исключенных» (стран и групп населения) из активной экономической, политической, социальной, культурной деятельности становится все больше. Разрыв между «включенными» и «исключенными» все глубже. Между тем именно «исключенные» составляют социальную базу девиаций [15].

Социологический анализ девиантности и ее разновидно-

стей, как социальных феноменов, на поведенческом уровне дополняется психологией девиантного поведения [16].

В-четвертых, процессы *глобализации* в современном мире не могли не затронуть девиантность и социальный контроль. Мировые процессы глобализации сопровождаются глобализацией различных девиантных проявлений (прежде всего, организованной преступности, коррупции, торговли людьми, торговли наркотиками, терроризма) и социального контроля над ними (Интерпол, Европол, соответствующие международные соглашения и т.п.) [17].

Уже к середине XX в. начала осознаться неэффективность и неадекватность традиционных мер социального контроля («кризис наказания», Т. Матиссен). Если наказание не эффективно как реакция на преступления (отсюда концепции «восстановительной юстиции», «ювенальной юстиции», *community policing* – взаимодействие коммунальной полиции с населением микрорайона, электронного слежения вместо лишения свободы и др.), то тем более наказание – не средство противодействия наркотизму, пьянству, сексуальным перверсиям. Обоснование некарательных мер превенции некриминальных видов девиантности – важная составляющая мировой девиантологии. К сожалению, в России продолжается вера в силу репрессий и «борьбы» [18].

В-пятых, завоевывает все большее признание отношение к различным видам девиантности как к социальным *конструкциям*. Власть, политический режим, общественное мнение, СМИ конструируют «преступность», «наркотизм», «коррупцию», «проституцию» и др. Все они лишены онтологической реальности. В реальной жизни, в природе нет ни одного из названных феноменов по своему содержанию, *suī generis, per se*. Курение марихуаны нормально (легально) в современной Голландии, потребление вина «преступно» в странах ислама, курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Испании. В СССР преступлением являлись «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» — основа современной экономики. Умышленное лишение жизни человека может быть тяжким преступлением (ст. 105 УК РФ), может быть «подвигом» — убийство врага на войне, или же оно юридически «нейтрально» — со-

вершено в состоянии необходимой обороны (умышленное причинение смерти нападающему).

И тогда все большее значение приобретает изучение субьектов, мотивов, механизмов, последствий конструирования [19].

В-шестых, утверждается понимание того, что все виды девиантности *функциональны* («Все действительное разумно», Гегель). Нефункциональные формы жизнедеятельности давно элиминированы в процессе человеческой истории. Так, функции коррупции — упрощение бюрократических процедур, ускорение принятия управленческих решений и др. Функции алко- и наркопотребления — анестезирующая, седативная, интегративная, психостимулирующая, протестная. Функция проституции — сохранение моногамного брака. Отсюда — необходимость реалистического подхода к возможностям и методам социального контроля над девиантными проявлениями.

Каковы перспективы развития девиантологии?

В современном глобализирующемся и глобально-локально кризисном мире масштабы и социальная значимость различных девиантных проявлений возрастают. Самая благополучная часть самых благополучных обществ — «средний класс» Европы и Северной Америки — испытывает «моральную панику» и «страх перед преступностью» (С. Коэн). Как следствие — растет репрессивность сознания, влекущая репрессивность политики. Сбывается предсказание, отраженное в эпиграфе. Все это требует основательного *теоретического* осмысления, изучения закономерностей развития девиантности, прогноза и возможных рекомендаций управляющим структурам. А, следовательно, настоятельно требуется развитие девиантологии и ее подотраслей — криминологии, аддиктологии, суицидологии, социальной сексологии и др.

Будет происходить дальнейшая диверсификация девиантологии, отпочковываться все новые ее направления.

Как и ранее, необходим *мониторинг* и компаративистские исследования всех основных видов девиантности.

Остаются мало изученными *позитивные* девиации (научное, техническое, художественное творчество). Пробел тем более нежелателен, что обеспечение их развития представля-

ет собой важный потенциал сокращения негативных девиаций («баланс социальной активности», Я. Гишинский).

К частным задачам относится выявление конкретных механизмов конструиования различных видов девиантных проявлений и последствий такого конструиования.

Отдаленной перспективой остается создание *Общей теории девиантности* – в физическом (флуктуации), биологическом (мутации) и социальном (девиации) мирах.

Список литературы

1. Цит. по: Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С.370-371.

2. Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. NY., 1994. Напомним, что obituary – некролог.

3. Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. I-IV, 2001. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group.

4. Гишинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля. В: Социология в России/ред. В.А. Ядов. Изд.2-е. М., 1998. С.587-609; Он же. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд.2-е. СПб, 2007; Он же. Российская социология девиантности и социального контроля. В: Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века / ред. А.О. Бороноев. СПб, 2007. С.101-123.

5. Ср.: Гишинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е издание. СПб, 2009, и – Криминология. Учебное пособие/ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 2006.

6. Гишинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологи. Учебное пособие. СПб, 1999.

7. Гишинский Я. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М., 2007; Tsytsarev S., Gilinskiy Y. Gambling in Russia. In: Gambling in Europe: Extent and Preventive Efforts. NY: Springer, 2008.

8. Антонян Ю.М. и др. Криминальная сексология / ред. Ю.

Антонян. М., 2000; Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб, 2007; Старович З. Судебная сексология. М., 1991.

9. Ворошилов С., Гишинский Я. Военная девиантология. Кишинев, 1994.

10. Осинский И.И., Гайдай М.К. Пенитенциарная девиантность. Улан-Удэ, 2006.

11. Оленев Р. Введение в экономическую девиантологию. СПб, 2007.

12. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд.2-е. СПб, 2007, с. 164-189.

13. Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование)//Государство и право, 2004, №8; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005; Grover Ch. Crime and Inequality. Willan Publishing, 2008.

14. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования//Журнал социологии и социальной антропологии. 1996, Т.П. С.140-156.

15. Гишинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций//Труды СПб Юридического института Ген. прокуратуры РФ, 2004. №6; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.

16. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2003; Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М.- Ульяновск, 2005.

17. Глобализация и девиантность/ред. Я. Гишинский. СПб, 2006; Гишинский Я. Глобализация и девиантность в России. В: Глобализация в российском обществе/ред. И. Елисеева. СПб, 2008. С. 399-508.

18. Гишинский Я. Наказание: криминологический подход// Отечественные Записки, 2008, №2. С.73-92.

19. Гишинский Я. Конструирование девиантности. В: Феноменология и профилактика девиантного поведения. Т.1.

Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2008. С.86-93; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004; Maguire M., et all. The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. OxfordUniversity Press, 2007, pp. 179-340.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ¹

Девиянтность создается обществом.

Говард Беккер

Классификация и оценка – основа интеллектуальной деятельности человека. Мы сами создаем мир вокруг себя.

Нильс Кристи

Осознание того, что многие привычные общественные явления не что иное, как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия². «Рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно различные «реальности»³.

Есть два подхода в социальных науках: (1) *объективистский* (социальные феномены и соответствующие социальные проблемы – преступность, наркотизм, проституция, коррупция и др. - существуют объективно) и (2) *интеракционистский* (социальные проблемы конструируются обществом – властью, общественным мнением, СМИ). «Внутри» интеракционистского (=конструктивистского) подхода существуют два направления. Согласно одному (строгому, феноменологическому), в обществе нечто («предполагаемое»⁴) имеется (люди убивают друг друга, воруют друг у друга, потребляют наркотики, кончают жизнь самоубийством), но *это становится проблемой* в результате конструирования *этого как проблемы*. Как

1. Опубликовано в: Петербургская социология сегодня. СПб: Нестор-История, 2009. С. 327-344.

2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С.11.

4. Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. Menlo Park, 1977.

верно заметил В.А. Ядов⁵, конструктивисты-радикалы мыслят в соответствии с «теоремой Томаса»: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям»⁶. Согласно другому, мягкому (*контекстуальный конструкционизм*), конструируется проблема с учетом *социальных условий*. «Каждая социальная проблема состоит из объективного условия и субъективного определения... Социальные проблемы – это то, что люди считают социальными проблемами»⁷.

Я полагаю, что конструируются как сами социальные феномены («преступность», «наркотизм», «проституция», «терроризм», «коррупция» и др.), так и результат их осознания как проблемы (*«проблематизация»* феномена). Другое дело, что конструирование происходит на основе «объективных условий». Так, в СССР были и торговля и потребление наркотиков («наркотизм» как конструкт), и проституция (конструкт «проституция»), и весьма развитая коррупция (конструкт «коррупция»), но по идеологическим причинам их как бы не было, они были якобы только в «капиталистическом обществе». Следовательно, ни проституция, ни наркотизм, ни коррупция не были *проблемами* в СССР, что усвоило общество вслед за государством и его пропагандой. Эти феномены-конструкты не были *проблематизированы*. И так – вплоть до реально-анекдотического: «У нас секса нет!». С другой стороны, теперь «Нам непрерывно навязывают многообразные конструкции российской действительности, равно как и образы врага»⁸.

Взгляд на *девиантность* и ее различные проявления как определенные *конструкты*, «изготовленные» в процессе *ре-агирования* общества на нежелательные виды поведения, преобладает в современной социологии девиантности и является, с нашей точки зрения, весьма продуктивным, смягчающим необоснованно жесткое противопоставление «мы» и «они». Процесс конструирования девиаций (с помощью

5. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. 2-е изд. СПб: Интерсоцис, 2009. С.18.

6. Thomas W. Das Kund in Amerika//Person und Sozialverhalten. Neuwild, 1965. S. 114.

7. Fuller R., Myers R. Some Aspects of a Theory of Social Problems/American Sociological Review, 1941. Vol. 6, February, pp. 24-32. См. также: Tibbetts P. The Sociology of Scientific Knowledge: The Constructivism Thesis and Relativism//Philosophy of the Social Science. 1986. Vol. 16, pp. 39-57.

8. Ядов В. А. Там же. С. 17.

политических решений, общественного мнения, статистики, средств массовой информации — СМИ и др.) подробно описан во многих трудах⁹. Роли СМИ в процессе конструирования девиаций посвящен раздел «Медиа и конструкция преступлений и девиантности» в сборнике статей «Социология преступности и девиантности»¹⁰. Более того, конструктивистский подход к социальным реалиям все чаще реализуется в иных областях социологии, например, в социологии потребления¹¹.

Применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму: *ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* (преступления возникают из сенатских и народных решений). Любопытное наблюдение мы встречаем у Кампанеллы. В «Городе Солнца» (1623) Томмазо Кампанеллы (1568-1639) нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них (жителей Города Солнца – Я.Г.) встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, - они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка»¹². Итак, в «переводе» на язык современной девиантологии: определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, но тогда общество *конструирует* новый набор проступков, подлежащих наказанию; при этом меры «наказания» достаточно либеральны и не связаны ни с отнятием

9. Curra J. The Relativity of Deviance. SAGE Publications, Inc., 2000; Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: the Social construction of Deviance. Blackwell Publishers, 1994; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University press, 2007 (pp.179-340); Petrovec D. Violence in the Media. Ljubljana: Mirovni Inštitut, 2003; Pfuhl E., Henry S. The Deviance Process. Third Edition. NY: Aldine de Gruyter, 1993.

10. Caffrey S., Mundy G. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance: Selected Issues. Greenwich University Press, 1995.

11. Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПбГУ, 2008.

12. Кампанелла. Город Солнца. М.-Л.: АН СССР, 1947. С.40.

жизни, ни с лишением свободы. Впрочем, утопия она и есть утопия...

Преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт и по мнению Бенедикта Спинозы (1632-1677). «В естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию... В естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в заслугу»¹³.

Однако в современной девиантологии и криминологии признание преступности и иных проявлений девиантности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется многими западными учеными¹⁴. Это четко формулируют германские криминологи Хесс и Шеерер¹⁵: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»¹⁶.

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым

13. Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С.554.

14. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995; De Keseredy W., Schwartz M. Ibid., 1996, pp. 45-51; Hester S., Eglin P. (1992) Ibid., pp. 27-46; Muncie J., McLaughin E. (Eds.) The Problem of Crime. SAGE, 1996, p.13.

15. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

16. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. N10, pp.63-80.

является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. Преступность не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей», - пишет М. Робинсон¹⁷.

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов¹⁸. А отсюда казалось бы парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*)¹⁹.

Криминология, как социология преступности, наиболее развитая отрасль (элемент) социологии девиантности (девиантологии). Поэтому не удивительно, что именно в криминологии полнее всего представлена конструктивистская парадигма.

Каковы же основные положения конструктивистских представлений о преступлении, преступности и криминологии?²⁰

Во-первых, «преступление не онтологическая реальность», о чем говорилось выше.

Во-вторых, «криминология увековечивает миф о преступности». Думаю, все же не наука (криминология) увековечивает этот миф, а власть и общество. Хотя криминология, следуя реальности, «соучаствует» в этом.

В-третьих, ««преступность» включает много мелких проступков». Дело в том, что «преступление» — это всегда очень серьезное деяние, причиняющее значительный вред. Между тем уголовный закон криминализирует множество незначительных проступков, а их субъекты подвергаются последствиям признания их проступков «преступлением». Так, наличие ст. 130 УК РФ «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» превращает всех (почти всех) жителей России, включая автора этих строк, в уголовных преступников... Большинство уголовных законов в современном мире не скупится на превращение граждан в преступников. Неслучайно согласно мас-

17. Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004, p.2.

18. Christie N. Ibid., p.1.

19. Christie N. A suitable Amount of Crime, pp. 10-11.

20. См.: Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D. Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. Pluto Press, Fernwood Publishing, 2004, pp. 11-18.

совым опросам населения США, от 91% до 100% респондентов подтвердили, что им приходилось в течение жизни совершать то, что уголовный закон признает преступлением (данные Уоллерстайна и Уайля, Мартина и Фицпатрика, Портфельда, и др.).

В-четвертых, ««преступность» исключает (не включает – Я.Г.) многие серьезные деяния, причиняющие тяжелый вред». В качестве примера авторы приводят многочисленные корпоративные преступления, домашнее насилие, преступления полиции и т.п., которые оказываются *de jure* или *de-facto* вне уголовной ответственности. Отечественный пример: в уголовном законе современной России, милиция которой славится массовым применением пыток²¹, отсутствует «применение пыток» в качестве самостоятельного состава преступления. Стыдливо спрятанные в ч. 2 ст.302 УК, пытки предполагают ответственность, если они применены для «принуждения к даче показаний». А во всех остальных бесчисленных случаях их применения – из мести, по пьянке, в качестве «наказания», по садистским мотивам?

В-пятых, «сконструированность «преступлений»». Отсутствие четких (онтологических!) критериев того, что же по своему содержанию является «преступлением», приводит к тому, что оно оказывается всего-навсего «конструктом», более или менее искусственным. Канадский криминолог John Hagan рассматривает преступления и девиации как «континуум (протяженность) вариаций» («*continuosus variable*»). Он, на основании опроса, попытался проранжировать (от 0 до 100) степень воспринимаемой населением опасности, тяжести различных видов «отклонений» и получил шкалу от «прогулов 16-летних школьников» (0,2 балла) и «бродяжничества» (0,3 балла) до «изнасилования» (52,8 балла) и «закладывания бомбы в общественное здание, в результате взрыва которой

21. Насилие в органах внутренних дел: иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия судебной реформе. 1997; Пытки в России: Хроника 1988-1998 гг. // К праву. Информационный бюллетень. 1998, вып. 5; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Международная амнистия, апрель 1997; Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 года). М., 2004; Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Львова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004-2005 г. М., 2005; Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007.

погибло 20 человек» (72,1 балла)²². Сколько баллов «необходимо и достаточно», чтобы признать отклонение преступлением?..

В-шестых, «криминализация и наказание причиняют боль». Это известное положение Нильса Кристи о том, что уголовное правосудие есть процесс причинения боли, и пользоваться этим допустимо лишь в крайних случаях²³.

В-седьмых, ««контроль над преступностью» не эффективен». Социальная практика XX века с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, Холокостом, геноцидом, правым и левым экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т.д., и т.п. – разрушила все иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля (кто-то из современников заметил: человеческая история разделилась на «до» Освенцима и «после»). Постмодернизм в социологии конца XX в., начиная с Ж.Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями. «Победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной... Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»²⁴. Со второй половины XX в. пришло понимание неэффективности традиционных средств и методов противодействия преступности, «кризиса наказания»²⁵. И, наконец, известное положение Н. Лумана: «Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля».

В-восьмых, «легитимизация «преступности» ведет к экспансии контроля над преступностью». Смысл этого тезиса состоит в том, что все большая *криминализация* различных деяний (признание их преступными) и нагнетаемый попу-

22. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and Its Control. NY: McGraw Hill, 1985.

23. Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985.

24. Бауман Э. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С.192, 193.

25. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; и др.

листскими политиками и СМИ «страх перед преступностью» и последующая «моральная паника»²⁶ приводят ко все большей *репрессивности* полиции и уголовной юстиции, расширению их деятельности, нередко за счет ограничения прав человека, ко все большему вовлечению людей в жернова уголовной юстиции, к росту тюремного населения, к «призоназации» поведения и сознания масс населения²⁷.

Наконец, в-девятых, ««преступность» служит поддержанию (сохранению) властных отношений». Так, уголовное право ведет к сохранению коллективной безответственности в коридорах власти при пренебрежении к индивидуальным поступкам и поведению «улицы». Это увековечивает такие структурные детерминанты нежелательного поведения, как бедность, социальная депривация (неравенство доступа к социальным благам; психологический дискомфорт, вызванный пониманием этого), огромное неравенство между богатыми и бедными, «включенными» (*«included»*) и «исключенными» (*«excluded»*) из активной экономической, политической, социальной, культурной жизни. При этом растет заинтересованность «индустрии контроля над преступностью» в криминализации деяний. Политики используют «преступность» в целях мобилизации электората для поддержки своих партий. В целом «преступность» способствует сохранению властных отношений. Криминализация все новых и новых деяний воспроизводит в массовых масштабах «козлов отпущения», столь удобных объектов реализации известной парадигмы власти – «Разделяй и властвуй». Разумеется, это относится не только к криминализации, но и ко всем видам конструирования «врагов» — наркоманов, гомосексуалистов, «лиц кавказской национальности», «понаехавших тут», бомжей и несть им числа (вспомним «безродных космополитов», «убийц в белых халатах» и просто – «врагов народа»).

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стрем-*

26. Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics*. St. Albans: Paladin, 1973.

27. Подробнее см.: Гилинский Я. Наказание в системе социального контроля над преступностью. В: Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики. СПб.: ЛГУ, 2008.

лени преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в последнем издании Оксфордского пособия (руководства) по криминологии²⁸. *The Oxford Handbook of Criminology* включает четыре главы раздела «Социальное конструирование преступности и социального контроля»:

1. *Правовое* конструирование преступности.
2. Политики права и порядка (группы интересов, группы давления и т.п.).
3. Сведения о преступности и *статистика*.
4. *Media-made criminality* («медиа-делание преступности»).

Это в целом отражает этапы проблематизации и легализации конструкта «преступность».

Основные субъекты конструирования и проблематизации девиантности – власть (режим), «общество» (партии, общественные движения и организации и др.), СМИ.

Можно выделить несколько *этапов* в процессе конструирования девиантных проявлений: наличие множества однородных фактов; осознание их как проблемы («проблематизация»); легитимация проблемы (включая криминализацию и «деликтивизацию»); социальная реакция на феномен-проблему (социальный контроль); последствия (результаты). Определенные стадии конструирования выделяют Г. Блумер, Спектор и Китсьюз.

Как происходит конструирование одной из современных (начиная с середины 80-х гг. XX в.) разновидностей преступности – «преступлений ненависти» («*Hate crimes*»), т.е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро-, испано-, арабо- и азиатоамериканцев, евреев, геев и лесбиянок и т.п.), показано в книге американских крими-

28. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179-337. См. также: Young J. *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE Publications, 2007.

нологов²⁹. В этом конструировании (««Hate crime» is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций обозначена мною в одной из работ³⁰. А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И.Г. Ясавеева³¹. Процесс конструирования «коррупции» прослежен в диссертационном исследовании И. Кузнецова³².

Очень важно видеть и понимать *последствия* конструирования *нечто* как негативной девиации и – соответственно – социальной проблемы. Помимо названных выше (по Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D.), следует назвать конкуренцию между социальными проблемами (наркотизм – пьянство, «беловоротничковая преступность» – «организованная преступность»). Это нашло отражение в концепции «публичных арен» Хилгартнера, Боска (1988): конкуренция между различными определениями реальности обусловлена конфликтом стилей жизни (*Бергер, Лукман*), сфер компетенции (*Фуко, Бурдьё*). Ибо различные определения реальности представляют практическую опасность для институционального порядка, который легитимизирован при помощи определенной системы представлений о «правильном» социальном устройстве.

Конкуренцию проблем успешно использует власть в своих интересах. Так, в современной России государственные структуры, а вслед за ними послушные СМИ неустанно пугают население страшилками о наркотиках и наркоманах, как «угрозе национальной безопасности». Для защиты этого лозунга уголовной ответственностью «за пропаганду наркопотребления» грозят всем, кто придерживается иной точки зрения. А о массовой алкоголизации населения предпочитают

29. Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

30. Гишинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С.39-65.

31. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

32. Кузнецов И. Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование. Дис.... канд. соц. наук. СПб., 2000.

помалкивать. Между тем, именно повальная алкоголизация таит угрозу обществу: его генофонду, производительности труда, безопасности граждан (свыше 60-70% убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований совершается в состоянии алкогольного опьянения и 0,4-0,6% — в состоянии наркотического опьянения...).

Теоретико-эмпирические исследования, демонстрирующие и обосновывающие различия между идеологически проповедуемыми «опасностями» и реальными, представлены в ряде отечественных диссертационных исследований³³.

С моей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей*. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы – есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей *«здесь и сейчас»* (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Голландии, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т.д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека – пламя, огонь, некоторые языки которого признаются – обоснованно или не очень – опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов).

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, девиантности в частности, совершенно произвольно³⁴. Общество «конструирует» свои элементы на основе не-

33. Мацкевич М.Г. Наркотизм как предмет социологического исследования. Дисс.... канд. социологич. наук. СПб, 2006; Мейлахс П. А. Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге. Дисс. ...канд. социологич. наук, СПб, 2007; Теплоухова О.В. Экспертные суждения о риске потребления алкоголя, табака и наркотиков в контексте трансформации общества. Дисс...канд. социологич. наук, Владивосток, 2005.

34. См., например: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. С.292-306.

которых бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный *вред*, наносят *ущерб*, а потому *негативно* воспринимаются и *оцениваются* другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализованных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний не причиняют вреда другим, а потому криминализованы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта³⁵.

Итак, сторонники понимания девиантности как «реагирующей конструкции» исходят из того, что общество и государство, считая необходимым *реагировать* на те или иные социально значимые поведенческие формы, *конструируют* вид очередного «козла отпущения» — «мафия», «наркотизм», «гомосексуализм», «коррупция», «терроризм» и т. п.

Конечно, за этими «этикетками» скрываются некие объективные реалии, формы человеческой жизнедеятельности и их носители, субъекты действий. Но общественная или государственная *оценка* этих проявлений девиантности, само отнесение определенных форм деятельности к *девиантным* — результат сознательной работы властных, идеологических институтов, формирующих общественное сознание.

Рассмотрим кратко, лишь в качестве иллюстрации, некоторые вопросы конструирования отдельных видов девиантности.

Организованная преступность

Ст. 35 п.4 УК РФ дает уголовно-правовое (и, с моей точки зрения, крайне неудачное) определение преступного сообщества (преступной организации), что совершенно недостаточно для понимания *организованной преступности* как сложного социального феномена. Насколько понятие «организованная преступность» — социальный *конструкт* и как долго не было

35. Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965.

достигнуто согласие по его поводу, свидетельствуют хотя бы следующие факты.

В мировой криминологической литературе есть *три* различных модели организованной преступности: этническая или локальная; иерархическая; организованная преступность как предпринимательство, бизнес.

Многие российские криминологи до конца 80-х – начала 90-х годов не признавали наличие организованной преступности в стране.

Профессор В. Юстицкий вообще отрицает научную обоснованность этого понятия: «В современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушениями уголовного закона, понятие «организованная преступность» оказывается синонимом понятий «общество», «государство», «социальная действительность», «социальное явление». И как вывод: «Понятие «организованная преступность» выполняет социальную функцию «персонификации общественного зла». Следует отказаться от понятия «организованная преступность» как криминологического и уголовно-правового, признав его бытовым понятием³⁶. В целом с проф. Юстицким можно согласиться. Только традиция заставляет нас не отказываться от этого термина³⁷.

А разновидность преступной организации – мафия давно стала ее синонимом, расхожим термином, применяемым преимущественно в быту.

Коррупция

Во всем мире отсутствует обоснованное и единообразно понимаемое понятие «коррупция». Имеется множество эмпирически известных ее проявлений (от взяточничества до российского блата). Различные авторы по-разному понимают «коррупционные преступления»: понятно, что к ним относится получение взятки (ст.290 УК РФ). А дача взятки (ст.291 УК)? А злоупотребление должностными полномочиями

36. Юстицкий В. Организованная преступность – смена парадигм. В: Преступность и криминология на рубеже веков / ред. Я. Гилинский. СПб., 1999. С.46,47.

37. Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С.236-249.

(ст.285 УК)? А превышение должностных полномочий (ст.286 УК)? А присвоение полномочий должностного лица (ст.288 УК)? А служебный подлог (ст.292 УК)? Всегда ли эти деяния – проявление (или способы) коррупции? А сколько проявлений коррупции не криминализировано? Каких и почему?

Я уже не говорю о легальной коррупции – «кормлении».

Наркотизм

Наркотизм как социальное явление, выражающееся в потреблении некоторой частью населения наркотических и токсических средств и соответствующих последствиях, - классический пример *искусственного* социального конструкта. Алкоголь по своему воздействию на центральную нервную систему тоже наркотик. Почему его потребление не входит в объем «наркотизма»? Различие чисто юридическое: потребление алкоголя легально (не всегда и не везде, вспомним мусульманские страны), а наркотиков – нелегально (не всегда и не везде, напомним о современных Нидерландах).

Производные каннабиса, кокаин, галлюциногены не дают физической зависимости в отличие от алкоголя³⁸. Почему алкоголь легализован, а перечисленные наркотические средства запрещены?

Какие средства признаются наркотическим? Ведь их список меняется от страны к стране, от одного времени к другому. Сегодня потребление наркотиков в России популистскими политиками и СМИ признается едва ли не «угрозой национальной безопасности». А до мая 1928 г. в стране не было запрета на оборот *наркотиков*. Фактически существовало индифферентное отношение к наркопотреблению и наркотизму как социальному явлению. Лишь в 1934 г. устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли.

Еще и еще раз: власть, режим решает, что и когда объявить «незаконным», а популистские политики, некоторые общественные и религиозные организации, СМИ внедряют в сознание населения «что такое хорошо, и что такое плохо». Или – создают «козлов отпущения», на которых так удобно

38. Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. Edizioni Gruppo Abele, 1993, p.36.

списывать просчеты и неудачи собственной социальной политики (о преступниках как «козлах отпущения» см. подробнее книгу А.М. Яковлева «Теория криминологии и социальная практика»³⁹).

Терроризм

И страшный терроризм – тоже социальный конструкт. Можно соглашаться или нет с определением терроризма в ст. 205 УК РФ, но сущность этого явления остается за рамками уголовного закона. На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще W. Laqueur: «Один – террорист, другой – борец за свободу»⁴⁰. Че Гевара – террорист или борец за свободу? Чеченские боевики – террористы или борцы за свободу (*свою свободу*)? Сказанное не преследует цель «оправдания» терроризма и террористов, от чьих рук гибнет множество ни в чем не повинных людей. Но задуматься о сущности *терроризма*, о том, что он, как правило, является ответом на государственный *террор*, – нелишне. Я уже не говорю о том, как конструкт «терроризм» помогает властям решить свои задачи по ограничению демократических свобод.

Гомосексуализм

Хотя гомосексуальное поведение лишь разновидность сексуального поведения и, - не сопряженное с насилием, - не является преступлением, однако советское государство умудрилось долгие годы преследовать добровольный мужской гомосексуализм (мужеложство) как преступление.

После октября 1917 г. новая российская власть, для утверждения которой немало сделала демократическая, революционно настроенная студенческая молодежь и интеллигенция, пыталась какое-то время сохранить имидж прогрессивности, либерализма, демократичности. В декабре 1917 г. была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалась уголовная ответственность за гомосексу-

39. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. С.17-29 и др.

40. Laqueur W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977, p.79.

ализм и в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. В первом издании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) 1930 г. говорилось: «Понимая неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину... на носителей этих особенностей... Наше общество... создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее»⁴¹.

С постепенным утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу». Резко меняется отношение и к гомосексуализму. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет). В 1936 г. народный комиссар юстиции РСФСР Н. Крыленко сравнил гомосексуалистов с фашистами и иными врагами большевистского строя (надо ли напоминать, что в гитлеровской фашистской Германии гомосексуалистов уничтожали физически). Во втором издании БСЭ мы можем прочитать: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным... В буржуазных странах, где гомосексуализм представляет собой выражение морального разложения правящих классов, гомосексуализм фактически ненаказуем»⁴².

В современных цивилизованных странах преступен не гомосексуализм, а гомофобия – преследование гомосексуалистов по мотивам ненависти или вражды к представителям «нетрадиционной ориентации», наряду с другими преступлениями ненависти. У нас же гомофобия не наказуема, что позволяет властям Москвы, Санкт-Петербурга и других городов запрещать какие бы то ни было протестные действия гомосексуалистов, выступающих за равноправие и против дискриминации.

Порнография

Ст. ст. 242 и 242.1 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за различного рода действия, связанные с рас-

41. Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. 1930. М. Т.17. С.594-598.

42. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М. 1952. Т.12. С.35.

пространением порнографических материалов, предметов, изображений. При этом ни в России, нигде в мире нет признанного определения понятия «порнография» и ее критериев⁴³. Такого общепринятого определения и быть не может, поскольку каждое время, каждое сообщество, каждая конфессия имеет свои представления о дозволенном и недозволенном в сексуальных отношениях и их изображении. Иначе говоря, предусмотрена уголовная ответственность за то, неизвестно что...

Однако репрессивная политика властей (прежде всего, Государственной Думы), подогреваемая и раздуваемая популистскими политиками и СМИ, привела к тому, что население страны готово поддерживать любые действия «против порнографии», включая запрет и уничтожение выставок произведений живописи, литературных произведений, кинопродукции.

Проституция

И это, казалось бы такое «очевидное» явление – социальный конструкт. Так, называют «храмовую проституцию», которая вовсе не была проституцией, поскольку не преследовала цели наживы, а была религиозным ритуалом. И когда бабушки на лавочке говорят «проститутка» о девушке, у которой меняются кавалеры, они вероятнее всего не правы, поскольку речь, скорее всего, идет об отношениях, основанных на чувстве, а не деньгах. С другой стороны, никто не назовет «проституткой» даму, женившую на себе богатого старца. Я уже не говорю о проституирующих политиках, журналистах, да и ученых.

И отношение к проституции в сфере сексуальных отношений различно в разных обществах и в разное время. Так, в 20-е годы в советской России вполне терпимо воспринимали проституцию. Меры социального контроля сводились в ос-

43. Вот одно из определений, предлагаемое Википедией: «Порнография (греч. πόρνος – разврат и γράφω – пишу, рисую, описываю) – непосредственное, вульгарно-натуралистическое изображение или словесное описание половых органов и полового акта (коитуса), имеющее целью сексуальное возбуждение». В правоприменительной деятельности возникают вопросы: что такое – непосредственное? Что есть вульгарно-натуралистическое? А если цель не сексуальное возбуждение? А если эта цель не достигается? А если в результате «вульгарно-натуралистического» изображения наступает отвращение, а не возбуждение?

новном к попыткам реабилитации женщин, вовлекаемых в сексуальную коммерцию, путем привлечения их к труду и повышения образовательного и профессионального уровня. А вот в 30-е годы сворачивается система социальной реабилитации женщин, занимавшихся проституцией, на смену приходит репрессивная политика по отношению к ним. С другой стороны, поскольку проституции в советском обществе якобы нет, появился эвфемизм «женщины, ведущие аморальный образ жизни»⁴⁴. И никакой проституции!

Наконец, еще один сюжет, связанный с проблемой конструирования девиантности в том или ином обществе. Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость – все эти свойства преступности и других видов девиантности заставляют думать о них как *культурном феномене*, как элементе культуры.

Имеется множество определений культуры. Нам представляется наиболее общим и отвечающим своему предмету понимание *культуры как способа человеческого существования, способа человеческой деятельности*⁴⁵. Культура включает также объективированные результаты этой деятельности. Культура служит наиболее общим внебиологическим механизмом накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Для нашей темы важно, что при таком – не аксиологическом – понимании культура включает не только «позитивные», одобряемые способы деятельности, но и «негативные», порицаемые, не только «образцы культуры» со знаком «+», но и со знаком «-». В культуру входят способы технического, научного, художественного творчества, но и способы взлома квартиры (с помощью «фомки» или «слоника» или путем отжима ригеля), нормы христианской морали, но и нормы воровской культуры (субкультуры), не только лучшие образцы мирового зодчества, но и надписи на заборах...

44. См., например: Горяинов К.К., Коровин А.А., Побегайло Э.Ф. Борьба с антиобщественным поведением женщин, ведущих аморальный образ жизни. М., 1976.

45. Маркряян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван: АН Армянской ССР, 1969. С.66; Он же. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М., 1983.

Каждое общество имеет ту преступность (виды преступлений, их качественное своеобразие), те разновидности девиантности, которые соответствует культуре данного общества, является ее элементом. В современных странах Западной Европы вряд ли кто из психически нормальных людей воспользуется таким способом убийства, как колдовство, или таким способом причинения вреда здоровью, как «сглаз». Компьютерные преступления возможны только в обществах соответствующей «информационной» культуры. В российскую культуру традиционно интегрирована культура «блатная», тюремная (начиная от знаменитых «Гоп-со-смыком» и «Мурки» и кончая творчеством С. Есенина, В. Высоцкого, А. Галича и др.). Культура «подсказывает» образцы поведения, образцы разрешения конфликтов, жизненных коллизий (перестать встречаться, «выяснить отношения», вызвать на дуэль, покончить жизнь самоубийством, запить, украсть, поменять место работы и др.). Культурно обусловлены не только характер и способы совершения преступлений, но и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание.

Конечно, конструктивизм в девиантологии – не единственно возможный концептуальный подход. Очевидно, принципиально невозможна разработка «единственно правильной» теории. Вообще я сторонник мультипарадигмальности в науке. Но, конструктивизм эвристичен, позволяет по-новому оценивать те или иные девиантные проявления, а также стратегию и тактику социального контроля над ними.

ЗАПРЕТ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ (ДЕВИАНТОГЕННЫЙ) ФАКТОР¹

*Каждый человек имеет право
жить так, как хочет, если
уважает права других.*

Д. Боуз

*Право и экономика не вполне
сходятся по всем вопросам.*

Р. Познер

Преступность, как и иные виды девиантности, – суть социальный *конструкт*². Уже поэтому единственная «причина» преступности – воля «конструктора» — законодателя и порожденный ею уголовный закон (это понимали еще древние римляне: *ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений).

Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «преступен» сам по себе, по своему *содержанию*, независимо от социального контекста. Так, «преступное» употребление наркотиков, в частности производных каннабиса, было допустимо, «нормально» во многих азиатских странах, да и в современных Нидерландах; широко распространенное легальное потребление алкоголя – незаконно, преступно в странах мусульманского мира; легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Голландии; умышленное причинение смерти – тягчайшее преступление (убийство), но и ... - подвиг в отношении противника на войне. И даже изнасилование может быть деянием

1. Опубликовано в: Российский криминологический взгляд, 2009, №3.

2. Подробнее см.: Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб, 2009. С. 37-44; Он же. Конструирование преступности. В: Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией. Саратов, 2009.

легальным, обычным: феодальное *jus prima noctis* или обряд инициации девушек в некоторых обществах.

Вместе с тем ясно, что, во-первых, уголовно-правовой запрет «имеет основания»: есть виды деятельности, подлежащие запрету ради существования и благополучия других людей и общества в целом (убийство, различные виды насилия, кражи, грабежи, разбой и некоторые иные действия). Другое дело – каков объем (перечень) действительно опасных деяний. Во-вторых, пока и поскольку существует то, что законодателем определено как «преступление», существуют и факторы, влияющие на состояние и динамику преступности и ее видов (помимо изменения самого уголовного закона). Отчасти представление о том, что существуют деяния объективно вредные для общества и деяния, сконструированные как «преступления» законодателем, отражено в зарубежной литературе в виде деления на *mala in se* (зло как таковое) и *mala prohibita* (зло запрещенное)³.

На протяжении многовековой истории криминологии назывались и исследовались десятки криминогенных факторов: экономические, политические, демографические и даже космические. Наряду с этим все больше криминологов и представителей других общественных наук склонялись в пользу *социально-экономического неравенства* как одного из главных (наиболее значимых) криминогенных факторов. Придерживается этого взгляда и автор⁴.

Анализу *объективных* криминогенных (вообще девиантогенных) факторов (от социально-экономического неравенства до солнечной активности) посвящено немало трудов⁵. Между тем в криминологии почти не исследовался такой «объективно-субъективный» фактор как сам уголовно-пра-

3. Burke R. An Introduction to Criminological Theory. Third Edition. Willan Publishing, 2009, pp. 5-7; Hagan F. Introduction to Crimonology. Theories, Methods, and Criminal Behavior. 6th Edition. SAGE Publications, 2008, pp. 8-9;

4. Гилинский Я. Криминология. Указ. соч. С.184-193; Он же. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права 2007. СПб ГУ, 2008. С. 382-398.

5. См., например: Burke R. Ibid.; Grover Ch. Crime and Inequality. Willian Publishing, 2008; Hagan F. Ibid; Maguire M., Morgen R., Reiner R. (EDS.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007; White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005; etc.

вовой (административно-правовой, гражданско-правовой, моральный) *запрет*. Хотя в целом ряде случаев именно он выходит на первое место в так называемом «причинном комплексе».

В одной из своих работ я писал: «Следует постоянно иметь в виду некоторую двусмысленность, «шизофреничность» объяснения преступности. С одной стороны, рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя по конструированию «преступности». С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой жизнедеятельности (убить или ранить другого, завладеть имуществом другого, обмануть другого с выгодой для себя и т.д.), возможно выявление факторов, условий, обстоятельств, при которых эти виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме»⁶. До сих пор максимальное внимание уделялось второму проявлению шизофреничности (поиск объективных криминогенных факторов). Между тем представляется немаловажным обратиться к первому проявлению шизофреничности – действиям творцов правовых (да и моральных) запретов – законодателя, политиков, к общественному мнению – и их *последствиям*.

Это весьма обширное исследовательское поле лишь отчасти вспахиваемое при анализе субъектов и процесса *конструирования* преступности (наркотизма, коррупции, терроризма, проституции и т.п.)⁷. Вместе с тем, насколько мне известно, в криминологической литературе почти не рассматривается роль *запрета* как значимого криминогенного фактора.

Попробуем разобраться в этом.

Будем надеяться, что магистральный путь развития человечества, при всех поворотах и зигзагах истории, – расши-

6. Гилинский Я. Генезис преступности... Указ. соч. С. 384.

7. Гилинский Я. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы. В: Девиантное поведение и интернет (опыт социологического анализа). М., 2008; Он же. Конструктивизм в современной криминологии // Криминалист №1 (4), 2009; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004; Maguire M., Morgen R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179-337.

рение степеней свободы каждого индивида. «Общий вектор развития человеческой цивилизации в тенденции можно определить как расширение степеней свободы человеческой деятельности в пределах ограничений, заданных состоянием среды обитания»⁸. Человек – в тенденции – стремится к максимальной самореализации, самоутверждению в творчестве, труде, досуге, быту. И если на пути такой самореализации возникают социально нормируемые препятствия (закон, мораль, обычай, традиция), люди либо смиряются с требованиями общества, либо нарушают их. Выбор вариантов поведения зависит от ряда объективных и субъективных обстоятельств: насколько значима для индивида деятельность, нарушающая социальные нормы данного общества; в какой степени общество обеспечивает легальные условия для самореализации, самоутверждения; каковы санкции за нарушение и вероятность подвергнуться таковым; насколько обоснованы социальные запреты здесь и сейчас; существует ли противоречивость самих социальных норм (право – обычай, право – мораль), и если – да, то какие из запретов (правовые, моральные) более значимы для индивида, и др.

Вообще, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условиях, сексуальных или в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); духовных или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям). Эмпирически установлено, что наибольшие «девиантогенные» риски таятся в неудовлетворенности *социальных* потребностей. Это, прежде всего, относится к насильственным действиям, а также к ретретистским формам девиантности – пьянству, наркотизму, самоубийствам.

Обозначенная Э. Фроммом дилемма «иметь» или «быть»⁹, не так проста для решения. Конечно, престижно в мире, погрушем в потреблении, Быть вопреки «иметь». Но суще-

8. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. М., 2009. С.83.

9. См.: Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.

ствуется более сложная, более «интимная» взаимосвязь между «иметь» и «быть». К сожалению, чтобы «быть», надо что-то «иметь». Для самого высшего Быть (творцом, ученым, художником, поэтом) необходимо нечто Иметь – минимально приличное жилье, приемлемую пищу, средства для приобретения книг (полотна, красок), а сегодня еще и компьютера, средства на лечение, когда под угрозой самое «быть» и т.д., и т.п. А еще для того, чтобы когда-нибудь «быть», надо получить приличное образование, вооружиться знанием языков. А в сегодняшнем глобализирующемся мире и покататься по свету весьма желательно для творчества. Кроме того, есть еще такие недалекие, несознательные, ущербные люди, которые несмотря ни на что предпочитают *иметь*. И как можно больше, и как можно гламурнее... И несть числа этим людям, в отличие от бытийствующего меньшинства...

Поэтому презируемое, но совершенно необходимое «иметь» ведет нас к проблемам экономики. А уж в этой сфере свобода или несвобода предпринимательства, степень такой свободы, равно как и возможности иметь потребителям – вопрос вопросов. И оказывается, что в сфере экономической жизни любой запрет, любое ограничение порождает их нарушения – от аморальных поступков до преступных деяний. Обратимся к экономистам, которые широко обсуждают проблему «теневой (нелегальной)» экономики¹⁰.

Во-первых, «с юридической точки зрения, теневой экономикой можно называть экономические процессы, вступающие в противоречие с правовыми нормами»¹¹. Иначе говоря, юридически теневая экономика — *shadow economy* (она же «неформальная экономика» — *informal economy*, она же «подпольная экономика» — *underground economy*, она же «скрытая экономика» — *hidden economy*, она же «вторая экономика» - *second*

10. Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003; Бурова Н.В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб, 2006; Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000; Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. М., 2006; Теневая экономика – 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности / ред. Л.М. Тимофеев. М., 2008; Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория – анализ - модели. М., 2008.

11. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория – анализ - модели. М., 2008. С.31.

есопоту, она же «черная» или «серая» экономика – *black, gray esopotu*) это нелегальная экономика, действующая вне правового поля или вопреки ему.

Во-вторых, «сама теневая экономическая практика приобрела систематический характер только на определенном этапе экономического прогресса – в ответ на усилившиеся в XX в. претензии государства все в большей степени контролировать и регулировать рыночные операции»¹². Опрос американцев Институтом Гэллага в 1995 г. показал, что, по мнению большинства, «федеральное правительство стало настолько огромным и могущественным, что представляет собой угрозу правам и свободам простых граждан»¹³. Вам это ничего не напоминает, уважаемый читатель?

В-третьих, «в последние десятилетия теневая экономика приобрела во всем мире небывалый размах»¹⁴.

В-четвертых, «причину этого явления следует искать не в глобальном падении нравов, но в стремлении правительств и легального бизнеса поставить как можно более жесткие правовые и институциональные рамки для любой экономической практики – настолько жесткие, что подчас элементарная предпринимательская инициатива оказывается вне закона... Рациональная система теневых экономических отношений есть прямая и неизбежная реакция на обременительные для бизнеса экстерналии – в частности, на стремление государства зарегулировать рынки тех или иных товаров, пользующихся спросом»¹⁵.

Поэтому, в-пятых, именно в России «в парламентских кабинетах и на обочинах больших дорог, в банках и офисах таможенных терминалов, в сибирских лесах и в водах дальневосточных морей, в милиции, в суде, в больнице, даже в церкви, даже на кладбище – теневые экономические обмены происходят повсюду и охватывают самые различные социальные и профессиональные категории российских граждан»¹⁶. Так, по официальным статистическим данным, на конец 2009 г. –

12. Тимофеев Л.М. Там же. С. 13-14.

13. См.: Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. М., 2004. С. 1.

14. Тимофеев Л.М. Там же. С. 12.

15. Тимофеев Л.М. Там же. С. 12, 18.

16. Тимофеев Л.М. Там же. С. 9.

начало 2010 г. доля теневой экономики в России составляет примерно 20%. Об этом заявил руководитель Федеральной службы государственной статистики Александр Суринов в интервью «Российской газете». По мнению Суринова, существует несколько форм теневой экономики: производство товаров и услуг, которые запрещены к производству и реализации на территории страны; скрытое производство, при котором скрываются его размеры, чтобы уйти от налогов, или от исполнения трудового законодательства; так называемая неформальная легальная деятельность (например, репетиторство); личные подсобные хозяйства населения и все, что производится внутри семьи для себя (сельскохозяйственная продукция, строительство для себя и т.п.). Поскольку все эти виды теневой экономики не поддаются точному учету, есть основания полагать, что теневой сектор составляет более названных 20%.

Экономисты не перестают подчеркивать, что преступная, правонарушающая, девиантная деятельность поддается такому же экономическому анализу, как и любая человеческая деятельность (напомним — направленная на удовлетворение потребностей). Во всяком случае, если это — *рациональная* деятельность, а не поступки психически нездорового человека. «Экономический подход исходит из посылки, что преступная деятельность — такая же профессия, которой люди посвящают полное или неполное рабочее время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступниками по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что «прибыль» от решения стать преступником — приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными, — превосходит «прибыль» от занятия иными профессиями»¹⁷.

Для дальнейших рассуждений оговоримся: во-первых, социологам и криминологам известно, что в действительности не все так просто. Имеется множество факторов — большей или меньшей «силы» («веса»), влияющих на девиантное, включая криминальное, поведение людей, социальных

17. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение//THESIS. Т.1. Вып. 1. 1993. С. 33-34.

групп, сообществ¹⁸. Во-вторых, далее мы сознательно сужаем проблему до рассмотрения одного вопроса – роль юридического запрета как одного из криминогенных (деликтогенных, девиантогенных) факторов. Кроме того, существует огромное число проявлений теневой экономики¹⁹. В рамках нашей темы будут затронуты лишь немногие из них.

Торговля алкоголем

Надо ли напоминать, что потребление алкоголя присуще человечеству с древнейших времен и далеко не всегда приводит к злоупотреблению, включая зависимость (*addiction*) – *алкоголизм* как заболевание. Более того, некоторые виды алкоголя в определенных дозах рекомендуются врачами в медицинских целях (например, 30 г. водки в день для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, бокал красного сухого вина в сутки при гипотонии и др.).

Потребление алкогольных изделий, как и все сохранившиеся в процессе эволюции виды человеческой жизнедеятельности, выполняет определенные социальные функции – седативную, психостимулирующую, интегративную, престижно-статусную и др.²⁰ Для некоторых – это радость человеческого общения, для других – уход от мерзостей бытия. Нужно ли запрещать легальную торговлю алкогольными изделиями ради удовлетворения нравственного чувства некоего (как правило, незначительного) меньшинства пуритан? Я сейчас не говорю о некоторых разумных ограничениях и запретах: продажи алкогольных изделий детям и подросткам, вовлечения их в потребление алкоголя и т.п.

Накоплен значительный мировой опыт ограничения или запрещения легальной торговли алкогольными изделиями и последствий таких запретов. Через так называемый «сухой закон» прошли многие страны: Исландия (1912-1923), Норвегия (1919-1926), Финляндия (1919-1932), некоторые регионы

18. Это хорошо показано в: Калягин Г.В. Экономический анализ криминального поведения. В: Экономическая школа. Аналитическое приложение. №3. 2006. С. 91-124.

19. Обзор многочисленных классификаций (по разным основаниям) представлен в: Бурова Н.В. Указ. соч. С. 9-47; Тимофеев Л.М. Указ. соч. С. 30-37.

20. См.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007. С. 287, 307-322.

Канады (начало XX века). Однако распространившиеся в годы запрета торговли алкоголем контрабанда и самогонование каждый раз заставляли правительства отменять «сухой закон». Так, в Финляндии контрабандисты в годы запрета ежегодно ввозили в страну до 6 млн. литров спирта.

Ограничения в торговле алкоголем существовали в Швеции с 1865 г., а некоторые действуют до сих пор, в частности, монополия принадлежит одной единственной компании.

Наиболее известен по негативным последствиям «сухой закон» в США (1920-1932). Именно на его основе родилось массовое бутлеггерство – нелегальная продажа алкоголя преступными организациями. К концу 20-х годов их доход достиг 2 миллиардов долларов в год. С отменой «сухого закона» криминал перепрофилировался на торговлю наркотиками...

Многokrратно запрещалась или ограничивалась торговля алкоголем в России – СССР: в 1914 г., 1917 г., 1919 г. Надо ли говорить, что все эти попытки запретить алкопотребление заканчивались провалом. Равно как «полусухой закон» 1985 года. Несмотря на улучшение некоторых демографических показателей, массовое самогонование и потребление заменителей – от одеколона и лосьонов до жидкости для чистки окон и тормозной жидкости – привели к провалу компании. Автор этих строк своими глазами видел в 1986 г. объявление в одном из сельских магазинов Ленинградской области: «Продажа питьевого одеколона производится с 16 часов»...

В настоящее время полный запрет на производство и продажу алкоголя существует лишь в ряде стран мусульманского мира (Иран, Египет, ОАЭ, штаты Бомбей и Мадрас в Индии). Но там это имеет рациональное основание в виде массового религиозного сознания мусульманского населения.

Является ли массовая алкоголизация населения злом? Да, конечно. Но антиалкогольная политика должна включать хорошо продуманную систему мер социального, экономического, воспитательного характера.

Вместе с тем *запрет* на продажу алкогольных изделий – безусловно *криминогенный фактор*, провоцирующий контрабанду, подпольное изготовление алкоголя, нередко грозящего здоровью и жизни людей (фальсификат), самогонование, и создающий поле деятельности организованной преступности.

Наркотики

Проблема торговли наркотиками одна из наиболее острых и дискуссионных в современном мире. Надо ли напоминать, что власти и правоохранительные органы России придерживаются политики безусловного запрета потребления и торговли наркотиками и уголовной ответственности за любые действия, связанные с наркотиками: незаконное изготовление, переработка, приобретение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка наркотических средств и психотропных веществ, культивирование наркосодержащих растений и др. - ст. ст. 228-234 УК РФ. Венцом этой политики стало предложение мэра Москвы Ю.М. Лужкова ввести смертную казнь за торговлю наркотиками.

Между тем наркотики сопровождают человечество всю известную историю. Еще «отец истории» Геродот описывал употребление древними египтянами производных каннабиса, а «отец медицины» Гиппократ использовал опий в медицинской практике. О снотворном действии опия упоминается в Шумерских таблицах, т.е. 6 тысяч лет назад. Раскопки в Перу и Эквадоре свидетельствуют об употреблении листьев коки около 2300 лет назад. Очевидно, человеку, как и некоторым животным (вспомним кошку и валерьянку, собаку, которая что-то откопала в лесу и «ловит кайф», валяясь на спине), присуще стремление изменять психику с помощью каких-либо средств – будь то наркотики, алкоголь, токсические вещества, табак или же крепкий чай (включая «чифир»), крепкий кофе и т.п.

Долговечность наркопотребления, как и любого социального «зла», свидетельствует о том, что оно выполняет вполне определенные *социальные функции*. Как и алкоголь (который тоже является наркотиком, различия между ними не в характере воздействия на центральную нервную систему, а в юридической оценке), наркотики выполняют функции анестезирующую (снятие или уменьшение боли), седативную (успокаивающую, снижающую напряжение), психостимулирующую (наряду с чаем или кофе), интегративную (наряду с табаком; вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков может

служить формой социального протеста, средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из них – «элитарных», «престижных» (например, кокаина) играет престижно-статусную роль. Другое дело, что за все *приходится платить*, и потребители наркотиков или иных психотропных веществ расплачиваются здоровьем, потерей работы, учебы, семьи, жизнью.

В наркомании видят бегство не только от жестоких условий существования (Р. Мертон, Дж. Макдональд, Дж. Кеннеди и др.), но и от всеобщей стандартизации, регламентации, запрограммированности жизни в современном обществе (Ж. Бодрияр).

«Наркотики сами по себе не составляют сущности проблемы. Злоупотребление ими – это симптом глубоких противоречий, с которыми сталкивается личность в попытках преодолеть стрессовые жизненные ситуации, в поисках положительных межличностных контактов в виде понимания, одобрения, а также эмоциональной и социальной поддержки. При их отсутствии наркотики выполняют роль своеобразных костылей, которые, к сожалению, не лечат, а калечат»²¹. Это высказывание лишней раз показывает, как недостаток «*позитивных санкций*» (одобрения), эмоциональной поддержки приводит к ситуации, которую пытаются «исправить» негативными санкциями.

На личностном уровне «*уход*» в наркотики (равно как в пьянство или тотальный уход из жизни – самоубийство) – результат, прежде всего, *социальной неустроенности, исключенности (exclusion)*, неблагополучия, «заброшенности» в этом мире, утраты или отсутствия смысла жизни. «Если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов»²².

Государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различались и различаются во времени и по странам: от тер-

21. Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // ИМПАКТ, 1985. С. 98.

22. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 30.

пимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета (прогибиционизм) и преследования. Причем это касается не только тех наркотиков, которые сегодня изъяты из легального оборота, но и таких, как алкоголь, никотин (табак), кофеин (кофе) и др. «По иронии судьбы, в противовес своей теперешней популярности, алкоголь и никотин, так же, как кофеин, были запрещены в прошлом... В 1642 г. Папа Урбан VIII издал буллу об отлучении от церкви всех употреблявших табак. Некоторые европейские государства запретили его, а султан Османской империи Мурад IV даже назначил смертную казнь за курение табака. Тем не менее ни одна из стран, в которую попал табак, не достигла успеха в его запрете, несмотря ни на какие наказания. Аналогичным образом провалились все попытки запрета чая, кофе и какао»²³. Не та же ли судьба уготована наркотикам?

История знала и вполне мирное сосуществование общества и наркотиков, и антагонизм вплоть до сражений («опийные войны» в Китае, военные действия США против латиноамериканских наркобаронов). Однако, «мы не выиграли ни одного сражения с наркотиками и никогда не выиграем», ибо «мы не можем изгнать наркотики и наркоманов из нашей жизни»²⁴. Как говорил Уполномоченный по вопросам наркомании г. Гамбурга г-н Х. Боссонг, выступая с докладом в Санкт-Петербурге (февраль 1995 г.), «Употребление наркотиков и наркозависимость не исчезнут при системе запретов уголовного закона... Нельзя научить человека вести здоровый образ жизни под угрозой уголовного наказания». А криминолог Шончек политику «войны с наркотиками» рассматривает как результат мистификации проблемы, ложного сознания и лицемерия²⁵. «Общество без наркотиков – это разрушительная иллюзия», говорил К. Бруун – один из соавторов замечательной книги «Удобный враг», в которой дается отповедь сторонникам запрета наркотиков²⁶.

23. Криминология / ред. Дж. Шели. СПб, 2003. С. 312.

24. Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. №12. С. 145.

25. Schoncheck J. On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law. Kluwer Academic Publishers, 1994.

26. Кристи Н., Бруун К. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии. М., 2004.

Именно поэтому в настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» («*War on Drugs*») к политике «меньшего вреда» («*Harm reduction*»). Об этом говорится в Докладе Национальной Комиссии США по уголовной юстиции²⁷, в трудах ученых и выступлениях политиков. Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия²⁸. «Третий путь» – сочетание запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам – избрала Швеция.

Трезвую оценку запрета наркоторговли с экономической точки зрения дает Л.М. Тимофеев: «Из всех возможных способов регулирования отрасли – налогообложение, национализация, запрет – запрет как раз наименее продуктивен. Запретить рынок – не значит уничтожить его. Запретить рынок – значит отдать *запрещенный*, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций... Запретить рынок значит обогатить криминальный мир сотнями миллиардов долларов, предоставить криминальным силам широкий доступ к общественным благам. И, наконец, самое главное. Запретить рынок – значит дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства»²⁹.

Пожалуй, самое удивительное, что мировое сообщество начинает осознавать последствия многолетней «войны с наркотиками» (*War on Drugs*).

В марте 2009 г. вышел в свет Доклад Директора-исполнителя Управления ООН по наркотикам и преступности под характерным названием: «Организованная преступность и угроза безопасности. Борьба с *разрушительным последствием* [выделено мной – Я.Г.] контроля над наркотиками». В докладе говорится об одном «трагическом и неожиданном» последствии «борьбы с наркотиками» – колоссальном расширении

27. Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996.

28. Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications. 1998.

29. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М., 1998. С. 107.

криминального рынка. С *неожиданностью* трудно согласиться. Иначе и быть не могло: запрет на легальный рынок с неизбежностью влечет формирование нелегального, криминального рынка. В результате, продолжает автор доклада, «ряд стран сталкивается сегодня с криминогенной ситуацией, которая возникла в значительной степени из-за их собственного выбора». А «самым серьезным разрушительным последствием стало появление весьма прибыльного черного рынка контролируемых веществ, подчиненного могущественным преступным картелям, и как следствие этого беспрецедентный рост насилия и коррупции... Наркокартели покупают не только недвижимость, банки и коммерческие структуры, они покупают выборы, кандидатов и партии. Словом, они покупают власть». В докладе отмечается, что «потребителей запрещенных наркотиков значительно меньше, чем людей, употребляющих разрешенные, но обладающими аддиктивными свойствами и нередко оказывающие смертельное действие вещества, такие, как табак и алкоголь». Напомним, кстати, что, в отличие от алкоголя, кокаин, галлюциногены и производные каннабиса не порождают физическую зависимость³⁰.

Одно из важнейших достижений Доклада - предлагаются некоторые направления несиловой антинаркотической политики: «осуществление мероприятий, направленных на изменение социальных условий, с целью оказать воздействие на обстановку, в которой процветают рынки наркотиков»; социальная интеграция наркоманов и групп риска - жителей городских трущоб; предоставление возможностей выбора для реальных или потенциальных безработных, молодых людей с низким образовательным уровнем. Кроме того, «потребители наркотиков... не должны привлекаться к уголовной ответственности. С учетом состояния их здоровья их нужно отправлять на реабилитацию, а не за решетку».

И как будто специально для России: «Именно государства должны проявлять сдержанность, находя альтернативные пути решения проблем наркотиков и преступности. Политическую и административную некомпетентность нельзя ошибочно использовать для оправдания нарушений прав чело-

30. Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. Edizioni Gruppo Abele, 1993, p. 36.

века, и правительства, прежде всего, должны разорвать этот ужасный замкнутый круг».

Есть правительства, которые быстро откликнулись на призыв Комиссии ООН. «Так и не одержав победы, США завершают многолетнюю войну с наркотиками». Новый руководитель Управления по национальной политике в области контроля за распространением наркотиков Джил Керликовске заявил: «Независимо от того, как вы это называете – войной с наркотиками, или войной с продуктом, или как-то еще, - люди рассматривают ее как войну с ними лично. А мы не воюем с собственным народом»³¹. О такой войне с собственным народом свидетельствует, в частности, то, что в американских тюрьмах доля осужденных за преступления, связанные с наркотиками, выросла с 16% в 1995 г. до 27% в 2007 г.

У администрации США нашлось разума и мужества признать провал политики «войны с наркотиками». А как другие правительства?

Автор этих строк убежден, что рано или поздно мир придет к необходимости легализации наркотических средств. Ибо, во-первых, потребление их - это личное дело каждого (так же, как потребление вредных для здоровья табака, алкоголя и т.п.). Во-вторых, без легализации наркотиков не избавиться от наркобизнеса, без избавления от наркобизнеса невозможно противостоять терроризму, в значительной степени финансируемому за счет наркодолларов. В-третьих, в принципе ни одну социальную проблему никогда еще не удавалось решить путем запретов и репрессий, а лишь изменением социальных условий, порождающих ее.

Гемблинг

Гемблинг (*gambling*) или лудомания – игровая зависимость, патологическая склонность к азартным играм, которая «заключается в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, что доминирует в жизни субъекта и ведет к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей, не уделяется должного внимания обязанностям в этой сфере» (МКБ-10, 1994).

31. Ж. «Власть». №22 (825), 2009.

Гемблинг как аддикция (зависимость) относится к ретристским формам девиантности наряду с алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. Страсть к азартным играм проходит через всю человеческую историю. Далеко не всегда азартная игра приводит к игровой зависимости. Точно также как не всякое употребление алкоголя или некоторых наркотиков приводит к патологической зависимости.

Да, гемблинг, как и иные виды зависимости, приносит страдание близким лудомана, подрывает экономику семьи, иногда доводит его самого до самоубийства. Но запрет легальных игорных заведений (казино, залов игорных автоматов) приводит к легко ожидаемым последствиям – уход их в нелегальное подполье (*катраны*, известные в России еще с советских времен), расширение коррупционного рынка, обеспечение организованной преступности еще одним видом деятельности. Не говоря уже о том, что налоги, которые имело государство, уходят в зону теневой экономики, черного рынка.

В 2007 г., когда обсуждался путинский проект закрытия всех игорных заведений с переносом их в специальные зоны, я писал: «С учетом российских расстояний и российских дорог... реализация этого проекта вызывает существенные сомнения. Если же проект будет реализован, ... то легко предсказуемыми последствиями может стать широкое распространение нелегального, подпольного бизнеса, полностью подконтрольного криминальным структурам... Сегодня лишение масс населения привычных занятий, отлучение от игры не может не породить уход в подполье при запрете легальной деятельности игрового бизнеса»³².

Как в воду глядел! Еще до 1 июля 2009 г. – даты запрета на игорный бизнес – стали создаваться «рестораны», вход в некое заднее помещение которых не менее 5000 у.е., «развлекательные интернет-центры», «уютные домашние условия» (Казань), «спортивные покерные клубы», а то и просто подпольные катраны, крышуемые милицией. Стоимость крыши

32. Гилинский Я.И. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В.: Онлайн исследование в России: тенденции и перспективы / ред. А.В. Шашкин, М.Е. Позднякова. М., 2007. С. 87-88. См. также: Tsytsarev S., Gilinsky Y. [Gambling in] Russia. In: Meyer G., Hayer T., Griffiths M. (Eds.) Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions. Springer, 2009, pp. 243-256.

– около \$2000³³. Разумеется, ни одна из четырех планируемых «зон» (à la Лас-Вегас) не построена...

Итог запрета: тысячи сотрудников игорных заведений пополнили растущие ряды безработных, казна не получает налоги, на радость криминалитету выстраивается надежная сеть подпольных заведений, вырос рынок коррупционных услуг. Что следующее запрещать будем?

Проституция

Ревнителям нравственной чистоты очень хочется запретить – под страхом административной, а лучше – уголовной ответственности и проституцию. Между тем, ее не случайно именуют «древнейшей профессией». Древнейшая-то она не совсем, до нее существовали как минимум земледелие и пастушество, но продажа тела стала возможной с возникновением товарно-денежных отношений, как и любая купля-продажа: знаний, умений, силы, да и совести.

Древние были рациональнее многих нынешних. Исследователи связывают институционализацию проституции с дейтериевыми (или доктериевыми) – первыми публичными домами, основанными Солоном (VI в. до н. э.), установившим и единую плату для всех посетителей – один обол. За это один из современников Солона воспеваает его: «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими молодыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». В этом величании «выдается» одна из социальных функций проституции: служить предохранительным клапаном моногамного брака. Позднее эту функцию проституции понимали (или догадывались о ней?) и отцы церкви. Так, святой Августин восклицает: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторит Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!». Так этого хотят наши сегодняшние святоши?

Конечно, продажность дело неблагородное. Кстати это в неменьшей степени, чем к торговле телом относится к продажным политикам, ученым, журналистам («вторая древ-

33. The New Times, 23.03.2009. С.22-23; Новая газета, 02.04.2009. С.12-13.

нейшая профессия») и т.п. Но, повторюсь, в условиях товарно-денежных отношений была, есть и будет торговля телом, знаниями, умениями, вещами, услугами. И как во всех других случаях, любой запрет порождает лишь подпольный, криминальный рынок и коррумпированность тех, кому надлежит следить за исполнением запрета.

Поэтому общество и государство должны не запрещать проституцию, а обеспечить безопасность деятельности ее жриц – от сутенеров, от маниакальных клиентов, от ЗППП (заболеваний, передающихся половым путем). И не надо посмеиваться над объединением зарубежных проституток в профсоюзы, призванные отстаивать профессиональные интересы работниц сексиндустрии.

Гомосексуализм

Гомосексуализм, строго говоря, нельзя отнести к числу социальных «девиаций». Это, как правило, одно из врожденных выражений разнообразия сексуальных ориентаций, наряду с гетеросексуальной, бисексуальной, гермафродитизмом, транссексуализмом. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древней Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме.

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1-6% мужчин и 1-4% женщин. Даже если исходить из минимальных показателей 1-2%, в России должно быть не менее 1,5-3 млн. человек устойчивой гомосексуальной ориентации. Локальные же исследования свидетельствуют о значительно большем распространении гомосексуализма. Не удивительно: гомосексуалистов гораздо больше за счет «социального фактора»: закрытые учебные заведения, тюрьмы, казармы. Таким образом, в гомосексуализме «виноваты» либо генетика, либо общество. Будем запрещать и наказывать?

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм нормальны в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы

все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора. Заметим, кстати, что и многие животные виды не без гомосексуального «греха». О «нормальности» гомосексуализма свидетельствует его относительно постоянный удельный вес в популяции³⁴.

Уже в силу сказанного запрет гомосексуализма, в том числе, уголовно-правовой (печально известная ст.121 УК РСФСР), противоречит и здравому смыслу и элементарным правам человека.

Более того, в современных цивилизованных обществах и государствах уголовным преступлением, одной из разновидностей «преступлений ненависти» (Hate crimes) является гомофобия, т.е. действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, либо на унижение достоинства человека или группы лиц по признаку сексуальной ориентации. Так что наш любитель смертной казни Ю.М. Лужков, неоднократно выступавший с гомофобными заявлениями и запрещающий демонстрации геев и лесбиянок в Москве, был бы вполне обоснованно привлечен к уголовной ответственности в странах Западной Европы.

Порнография

Никто не знает, что такое «порнография». Юридически значимое определение порнографии отсутствует в мировой законодательной практике. Каждый конструирует это в меру своего понимания (отсюда – противоположные заключения различных экспертов по данному предмету).

Одно из неофициальных определений порнографии: «Непосредственное, вульгарно-натуралистическое изображение или словесное описание половых органов и полового акта, имеющее целью сексуальное возбуждение».

Что такое «непосредственное»? Что такое «вульгарно-натуралистическое»? А если не имеет целью сексуальное возбуждение? А если вызывает не возбуждение, а отвращение? А если возбуждает чтение литературы (А. Куприн, Г. Миллер), или разглядывание скульптуры (Венера Милосская)? А если не возбуждает «непосредственное, вульгарно-натуралисти-

34. Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантология... Указ. соч. С. 391-397.

ческое изображение или словесное описание половых органов и полового акта»?

Таким образом, предусмотрена уголовная ответственность (ст.ст. 242, 242-1 УК РФ) за то, неизвестно за что...

И вообще «список книг, запрещенных по обвинению в порнографии, выглядит как доска почета: Джойс, Пушкин, Маяковский, Пруст, Флобер...».

Однако репрессивная политика властей (прежде всего, Государственной Думы), подогреваемая и раздуваемая популистскими политиками и СМИ, привела к тому, что население страны готово поддерживать любые действия «против порнографии», включая запрет и уничтожение выставок произведений живописи, литературных произведений, кинопродукции.

Ожидаю возражение: а как же использование детей для производства «порнографической» продукции? Вы и это хотите разрешить? Нет. Возможно такое решение проблемы: декриминализация деяний, предусмотренных ст.ст. 242, 242-1 УК и введение нового состава преступления. Что-то вроде: «Привлечение детей в возрасте до ... лет к изготовлению продукции с сексуальными, эротическими сценами».

Производство аборта

Американский криминолог Э. Шур к числу не подлежащих криминализации «преступлений без жертв» относит, помимо потребления наркотиков, гомосексуализма, азартных игр, проституции, также производство аборт³⁵. Возражения сторонников запрета аборт (кроме как по медицинским показаниям) на первый взгляд представляются весомыми. Что ни говори, аборт – лишение жизни еще не родившегося, но зачатого и живого существа.

И все же нельзя не поддержать американского коллегу и высказаться за абсолютную недопустимость запрета аборт. И в этом случае, как и в рассмотренных выше, родить ребенка или сделать аборт – свободное волеизъявление матери, сколь бы драматичным оно ни было. Женщина решается на

35. Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965; Шур Э. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. М., 1977. С. 262-309.

аборт не от хорошей жизни. Это может быть уход из семьи отца зачатого ребенка или отказ признать отцовство при незарегистрированном браке. Это может быть нежелательная беременность при наличии у матери других детей и тяжелом материальном положении. Беременность может быть результатом случайных отношений, никогда и не предполагавших перейти в семейные. Во всех этих и подобных случаях аборт, по мнению матери, является «крайней необходимостью». И запрет на аборт легальный, в медицинском учреждении приводит лишь к нелегальному, криминальному аборту со всеми негативными последствиями – от невозможности в дальнейшем иметь ребенка до гибели женщины. Ибо женщина, твердо решившая не рожать ребенка, совершит аборт в любом случае, в том числе, с помощью бабки-знахарки в антисанитарных условиях.

Аборт был запрещен (кроме как по медицинским показаниям) Уголовными кодексами РСФСР 1926 г. (ст. 140) и 1960 г. (ст. 116). В конце 1950-х - начале 1960-х годов я был на практической работе и не понаслышке знаю, сколько женщин погибло или было изувечено в результате криминальных абортов. Хорошо помню, как я присутствовал на судебно-медицинском вскрытии трупа молодой женщины, погибшей в результате аборта, а вокруг морга метался вдовец, оставшийся с двумя другими детьми на руках.

И в этом случае запрет – криминогенный фактор, порождающий криминальный подпольный рынок соответствующих медицинских (или знахарских) «услуг». Есть спрос (пусть вынужденный) – будет предложение.

Экономические преступления (*mala prohibita*) и коррупция Менее всего я хочу «оправдать» многие экономические, беловоротничковые (*white-collar crime*) преступления. Однако зарегулированность, чрезмерная деликтолизация и криминализация экономической деятельности лишь способствует бурному развитию теневой, полулегальной и криминальной экономики, о чем говорилось выше со ссылкой на соответствующую экономическую литературу.

Что касается коррупции, то она возникает, формируется и приобретает тотальный характер именно на основе бес-

численных запретов, обойти которые бывает жизненно необходимо (в здравоохранении, образовании, при решении жилищных и бытовых проблем), а возможно лишь с помощью взятки³⁶.

Заключение

Затронутая тема имеет общемировое значение. О росте репрессивности сознания, «моральной паники» особенно среднего класса, пораженного «страхом перед преступностью» (С. Коэн), о растущем вмешательстве государства в экономику стран и негативных последствиях этого пишут многочисленные зарубежные исследователи³⁷. Об этом же свидетельствует правоприменительная практика и пенитенциарная политика³⁸. Но наиболее актуальна эта тема для стран с «пережитками» тоталитаризма, авторитаризма или с их проявлениями в реальной действительности. Не секрет, что к числу таких стран относится и современная Россия. Давнишняя российская традиция «тащить и не пущать», святая вера в могущество запрета и максимально жестких санкций за их нарушение – многовековая трагедия России, к сожалению поддерживаемая, а то и раздуваемая сегодняшней политической «элитой».

О неразвитости свободолюбия и толерантности в российском обществе (равно как и о некотором прогрессе в этом) свидетельствуют, в частности, результаты массовых опросов населения, проводимых Левада-центром: за ликвидацию или изоляцию от общества проституток выступало 60% опрошенных в 1989 г. и 39% в 2005 г.; аналогично предложили поступать с гомосексуалистами 63% в 1989 г. и 48% в 2005 г.; за ликвидацию или изоляцию наркоманов было 53% всех опро-

36. Тимофеев Л. Институциональная коррупция. Очерки теории М., 2000; Гилинский Я. Девиантология... Указ. соч. С. 265-284.

37. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006; Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008; Познер Р. Экономический анализ права. В 2-х томах. СПб., 2004; Walmsley R. World Prison Population List // Home Office. Finding 166. 2002; Walmsley R. Further Developments in the Prison Systems of Central and Eastern Europe. Achievements, Problems and Objectives. Helsinki, 2003.

38. Соответствующие данные см.: Гилинский Я. Криминология... Указ соч. С. 420.

шенных в 1989 г. и 48% в 2005 г. Иная динамика отношения к членам религиозных сект: за их ликвидацию или изоляцию от общества было всего 10% в 1989 г. и уже 54% - в 2005 г.³⁹. Сказалась активность РПЦ?

Свободолюбивый пафос настоящей статьи, разумеется, не исключает использование государством системы запретов, ограничений и санкций за их нарушения. Вся проблема в разумном, рациональном, умеренном их применении. Так, по мнению Всемирного Банка «высокий рейтинг в степени свободы предпринимательства не означает, что в стране отсутствует регулирование... Все страны, обладающие высоким рейтингом, регулируют экономическую деятельность, но делают это с меньшими затратами и возлагают меньшее бремя [на граждан]»⁴⁰. Кстати, по данным различных источников на 2005 г., наименьшее бремя ограничений экономической свободы в Новой Зеландии, Сингапуре, Австралии, Гонконге, Китае и Великобритании. Россия занимает 79-е место из 155 стран. На последнем месте – Конго⁴¹.

И последнее: понимание того, что *запрет часто служит значимым криминогенным (девиантогенным) фактором, порождает многочисленные «теневые» последствия, расширяя поле коррупции, деятельности организованной и экономической преступности*, призвано способствовать совершенствованию законотворческой и правоприменительной практики, а также целенаправленному формированию правосознания населения и воспитанию толерантности.

Правда, автор не столь наивен, чтобы верить в реализацию сказанного.

39. Заостровцев А.П. Идеалы конституционной экономики и российская реальность. В: Актуальные экономические проблемы России / ред. Л. Лимонов. СПб., 2005. С. 142.

40. Хопкинс Т. Регулирование в США и его контекст. В: Экономическая школа. Аналитическое приложение. №№. 2006. С. 135-144.

41. Хопкинс Т. Там же. С. 143-144.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

*Человек является единственным видом, в котором борьба
носит уничтожающий характер.*

Н. Тинберген

Преступления против личности (насильственные преступления) направлены против самого ценного для человека – его жизни, здоровья, физической целостности и неприкосновенности. Тягчайшее из насильственных преступлений – убийство – является и тягчайшим из всего арсенала преступных посягательств. Но насильственные преступления – лишь часть насилия, распространенного в человеческом обществе. Поэтому следует предпослать общую характеристику насилия конкретному анализу насильственных преступлений против личности.

Социальное насилие

Насилие – в различных его проявлениях – неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия.

Жизненно важная проблема насилия породила обширную литературу и науку о нем – виолентологию (от лат. *violentia* – насилие) или вайоленсологию (от англ. *violence*). В России только за последние годы издан ряд фундаментальных трудов, посвященных проблеме насилия². При этом само понятие «насилие» остается многозначным и дискуссионным.

Наиболее широким является понимание насилия как по-

1. Опубликовано в: Криминалист, 2009, №2 (5).

2. Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. СПб: Всемирное слово, 1999; Бассиони К. Воспитание народоубийц. СПб: Академический проект, 1999; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000; Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000; Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб: РНБ, 2000.

ведения, наносящего вред другим³; как принуждение, ограничение свободы выбора, «узурпация свободной воли»⁴. Более узкое понимание ограничивает насилие причинением *физического, психического или материального (имущественного) вреда*. Наконец, в самом узком смысле под насилием понимается причинение *физического вреда, нарушение физической неприкосновенности*.

Не меньше споров о природе насилия: имеет оно преимущественно животное происхождение или же – социальное.

Внутривидовое убийство среди животных – крайняя редкость. У животных акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются серьезными травмами и смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигналы «капитуляции» немедленно прекращают самую жестокую схватку. Агрессия среди животных всегда *инструментальна*: из-за пищи, из-за самки, при защите детеныша, но никогда не превращается в самоцель, не бывает, как у людей, «просто так», куражу ради, «из хулиганских побуждений».

В человеческом обществе, по неполным подсчетам, с 3600 г. до н.э. на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тыс. войн унесло около 3,5 млрд. человеческих жизней. Только за 80 лет XX века в мире произошло 154 войны, стоивших человечеству свыше 100 млн. жизней. По данным Р. Руммела, за 87 лет минувшего столетия помимо 39 млн. жертв межнациональных и гражданских войн, около 151 млн. человек было убито собственными правительствами⁵. Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?

Но «если проявление истребительной внутривидовой агрессии – это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что *характерно* именно для человека, что его *отличает* от животных, а не в том, что его роднит с ними?... Специфические особенности агрессивности у человека есть следствие

3. Tutt N. (Ed.) Violence. L.: Her Majesty's Stationary Office, 1976, p. 613.

4. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. №6. С.36.

5. См.: Аснер П. (1999) Указ. соч. С.15; Kressel N. Masse Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996, pp. 252-253.

специфических же для человека условий жизни, т.е. следствия особенностей той социальной среды, которую он в процессе своего исторического развития для себя создал. При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех *социальных причин*, которые агрессивность вызывают»⁶.

Важнейшим элементом механизма сохранения-изменения системы служит *адаптация* (как приспособление к среде и «приспособление» среды). Чем выше уровень организованности системы, тем более энергичны, активны способы ее адаптации.

В результате естественного отбора и «борьбы за существование» повышается информационное содержание, «емкость» биологических систем, степень их организованности⁷. Однако, *за все приходится платить*. «Сохранение вида всегда достается ценой гибели подавляющей массы его представителей... Для противодействия энтропии хищник вынужден истреблять травоядных животных... Следовательно, хищник как «самоорганизующаяся система» живет за счет дезорганизации травоядных, вызывая эту дезорганизацию в масштабе, оставляющем далеко позади масштаб собственной самоорганизации»⁸.

«Сверхадаптация» общественного человека осуществляется путем активного *силового* изменения среды. Биологическая «борьба за существование» перерастает в социальную «сверхборьбу за лучшее существование («сверхсуществование»)».

Род *Homo Sapiens* служит «ступенью» перехода к более высокому (более сложному) уровню организации материи – социальному. При этом человек остается биологическим существом, сохраняя выработанное в процессе эволюции «наследство», включая *агрессивность*, которая была необходима слабосильному существу в среде более сильных, вооруженных клыками, рогами, когтями.

Со временем адаптация человека как биологического су-

6. Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий. В: Диалоги. М., 1979. С. 51, 55.

7. Современные понимания эволюции и естественного отбора см.: Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987; Чайковский Ю. К общей теории эволюции // Путь. 1993. №4. С.101-141.

8. Камшилов М.М. Эволюция биосферы. М.: Наука, 1979. С.216.

щества «доразвилась» до сверхадаптации социального организма – общества (которое само возникло и функционирует как механизм адаптации *Homo Sapiens*). Агрессивность, уходящая корнями в биологию, выступает теперь в форме социального насилия, обусловленного законами социального развития. Возможно, основное отличие сверхадаптации социальных систем от адаптации биологических заключается в том, что общество не столько приспосабливается к среде, сколько пытается приспособить ее к себе. Но рано или поздно такое «подчинение» среды, природы оборачивается против общества и человека экологическими, техногенными катастрофами.

Известна роль *социально-экономического неравенства* в генезисе преступности⁹. В основе социального насилия вообще, криминального, в частности, лежат те же механизмы. При этом в детерминации различных форм социального насилия особую роль играют неудовлетворенные социальные потребности: в престиже, статусе, самоутверждении. Если неудовлетворенная витальная потребность (в пище, продолжении рода, защите от холода и т.п.) приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворенная социальная потребность – к «сверхборьбе за сверхсуществование». Насилие выступает раньше и чаще других средств и способов самоутверждения, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные (или приемлемые), творческие способы. И тогда «как предельный случай самоутверждения – убийство»¹⁰. Даже казалось бы такое «очевидное» по своей мотивации преступление как изнасилование часто служит способом самоутверждения, а не удовлетворения витальной – сексуальной потребности¹¹. Вообще «насилие имеет место тогда, когда создается препятствие для полной соматической или духовной

9. Подробнее см.: Гишинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права. 2007. СПбГУ, 2008; Он же. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право. СПб: Наука, 2009.

10. Туровская М. «Преступления века» и «массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. №7. С.236.

11. Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980. С.241-242; Гишинский Я., Позднякова М., Рыбакова Л. Криминологическая характеристика изнасилований. В: Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. М.: ИС РАН, 1988. С.150-160.

реализации потенциалов человека» (J. Galtung)¹².

«Власть» вожака стаи (стада) животных трансформируется во властные структуры человеческого общества, начиная с родо-племенных вождей. А власть – всегда порождение и источник *насилия*. Исторически позже возникает еще одна форма удовлетворения потребности в самоутверждении: накопление *богатства*. Этот процесс подробно рассмотрен американским экономистом Т. Вебленом. *Насилие* (война), *Власть* (государственное управление), *Богатство* (материальные ценности) – вот основные исторически сложившиеся распространенные «средства» самоутверждения общественного человека¹³. Есть, правда, альтернатива: в терминологии Веблена – «инстинкт мастерства» (творчество), который «рождает чувство отвращения к бесполезному существованию или пустым расходам». «Инстинкт мастерства», дан каждому, но, увы, не каждым востребован.

Если насильственное разрешение конфликтов в первобытном обществе еще близко по своей природе агрессивному поведению животных, то с общественным разделением труда и сопровождающей его дифференциацией общества *насилие* все больше приобретает характер социального, как способ разрешения общественных конфликтов и антагонизмов, принуждения некоторых классов (слоев, групп) к деятельности, не соответствующей их интересам, как средство «разрешения» межкультуральных, этнических, конфессиональных, межличностных конфликтов. Социальное *насилие* становится средством осуществления внешней и внутренней политики государства, средством борьбы за власть. При этом государство монополизировало право на умерщвление – от смертной казни и внесудебной расправы до военных действий.

Насилие приобретает *системный* характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное *насилие*» (J. Galtung), «воспитательное *насилие*» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «*насилие* экономики» (Luhmann), «структурное *насилие*» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный строй, Galtung), «право поражено *насилием*» (Benjamin). Фактически «наси-

12. Цит. по: Денисов В.В. Социология насилия. М.: Политиздат, 1975. С.58.

13. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С.80.

лие встроено в систему»¹⁴.

Насилие сопровождает человека всю его историю. Более того, прослеживается эскалация насилия и средств его осуществления: от войн «племени против племени» с помощью топора, копий и стрел до мировых войн XX столетия и угрозы тотального самоуничтожения человечества («омницид») в результате применения современных средств массового уничтожения. Насилие как адаптационное средство, выйдя из-под контроля, угрожает самому существованию человечества.

Американские исследования 186 обществ и культур, последствий вьетнамской войны и российских – афганской и чеченской войн свидетельствуют о том, что *интенсивность агрессивности в обществе прямо пропорциональна его участию в войнах*. В обществе, не ведущем войны, уровень насилия в течение десяти лет падает¹⁵.

Социальное насилие многолико: от семейного до межгосударственного, от индивидуального до массового (геноцид), от легального (от имени государства) до криминального, от инструментального до немотивированного и т.д. Соответственно существует множество типологизаций и классификаций социального насилия¹⁶.

Тщательный социально-психологический анализ агрессии и насилия представлен в известном труде Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности»¹⁷. Фромм различает оборонительную, «доброкачественную» агрессию, которая служит сохранению индивида и рода, и «злокачественную» агрессию, которая присуща только человеку и отсутствует у других животных. Приходится признать, отмечает Фромм, что «человек отличается от животных именно тем, что он убийца»¹⁸. А вот результаты эмпирического исследования, осуществленного Фроммом с М. Маккоби: «Все опросы показали, что антижизненные (деструктивные) тенденции весьма примечательно коррелируют с политическими воззрениями

14. Бекер Д. Понятие системного насилия. В: Проблемы теоретической социологии. СПб: Петрополис, 1994. С.68.

15. См.: Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде. М., 1996. С. 57.

16, Дмитриев А.В., Залысин И.Б. Указ. соч. С.30-57.

17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

18. Фромм Э. Указ. соч., с.23.

тех лиц, которые выступают за усиление военной мощи страны... Лица с деструктивной доминантой считали приоритетными следующие ценности: более жесткий контроль над недовольными, строгое соблюдение законов против наркотиков, победное завершение войны во Вьетнаме, контроль над подрывными группами и их действиями, усиление полиции и борьба с мировым коммунизмом»¹⁹.

Из современных криминологических объяснений насильственной преступности можно назвать концепцию «образа повседневной жизни» (A.Havley, L.Cohen, M.Felson): изменение привычного образа жизни, повседневных практик, большая независимость членов семьи, взаимная отчужденность способствуют насильственному «решению» конфликтов.

Криминологический анализ преступлений против личности

Название «насильственные преступления» или же «преступления против личности», принятые в литературе, условны, поскольку все преступления – суть проявления насилия в широком смысле этого слова, все преступления так или иначе затрагивают интересы личности.

В узком смысле под насильственными преступлениями против личности понимаются *запрещенные уголовным законом деяния, посягающие на жизнь, здоровье, физическую (в том числе, половую) неприкосновенность личности*. К таким деяниям относятся преступления, предусмотренные гл.16, гл.18 УК РФ, ст.ст.126-128, 205-206, 277, 317-318, 333-335, 353, 356, 357, 360 УК РФ, а также иные преступления, когда они посягают на жизнь, здоровье или физическую неприкосновенность граждан (например, хулиганство сопровождаемое насилием, грабеж с насилием или разбой, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшие вред здоровью или смерть и т.п.).

Однако в силу традиции и с учетом имеющихся статистических данных, мы вынуждены в дальнейшем анализе ограничиться теми преступлениями, *непосредственным объектом*

19. Там же, с.293.

которых является жизнь, здоровье, половая неприкосновенность и свобода (гл.16 и 18 УК РФ).

Динамика тяжких преступлений против личности в России представлена в табл. 1. Кроме того, обширный материал содержится в монографии В.В. Лунеева (2005)²⁰. Поэтому вначале ограничимся краткой характеристикой некоторых качественных изменений преступлений против личности.

Большинство исследователей отмечают: увеличение числа заказных убийств по экономическим и политическим мотивам, а также вследствие «разборок» криминальных структур (по некоторым данным, значительно превосходящим официальные, ежегодно в стране совершается 500-600 убийств «по найму»²¹); рост количества актов и жертв терроризма; взятие заложников; вымогательство с применением изощренных методов насилия (пытки). Нередко называется рост числа серийных убийств на сексуальной почве, включая педофилию. Однако скорее мы имеем дело с эффектом быстрого реагирования средств массовой информации. По мнению психологов и психиатров, доля лиц с патологией влечений (в том числе сексуального характера), которые являются основными субъектами таких преступлений, относительно стабильна в популяции.

Очень высок уровень латентных насильственных действий, включая преступные, по отношению к детям. Чрезвычайно высока и латентность жертв «дедовщины» в армии²². К этому следует добавить «закрытость» статистики военной юстиции.

И еще несколько соображений по поводу «заказных» убийств. *Убийства по найму* были известны всегда. В силу разных причин лицо, задумавшее уничтожить кого-либо, действовало не само, а «поручало» это другому (другим) лицам. Чаще всего – за вознаграждение, но это могла быть и

20. Лунеев В.В. преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., М.: Wolters Kluwer, 2005. С.397-455.

21. Преступность и культура / ред. А.И. Долгова. М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. С.146.

22. См.: Дедовщина в армии / ред. С.А Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования, 1991; Мацкевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М.: Юрист, 1994; Нарушения прав человека в армиях стран СНГ. М.: МОПЧ, 1992; Правозащитник. 1994. №2. С.62-66.

«идейная» или дружеская услуга. Условно можно выделить две группы заказных убийств: бытовые (устранить ненавистного супруга, отделаться от кредитора, нежеланного ребенка, обеспечить скорейшее получение наследства и т.п.) и «элитарно-конкурентные» - «освободить» место на престоле, устранить конкурента в политике, бизнесе и т.п. Кроме того, по характеру исполнения можно различать «тайные» заказные убийства (чаще всего – бытовые) и «на публику» - открытые, явные, рассчитанные на устрашение других конкурентов (дабы не повадно было!). Все эти разновидности убийств по найму сохранились по сей день.

Современной новеллой является формирование института и корпуса профессиональных наемных убийц – киллеров, специально подготавливаемых, различной степени квалификации, а, соответственно и таксой оплаты «труда».

Место преступлений против личности в структуре преступности

Удельный вес рассматриваемых преступлений в общем объеме преступности в России составлял: 1986 г. – 5,3%; 1987 г. – 5,4%; 1988 г. – 6,0%; 1989 г. – 5,8%; 1990 г. – 5,5%; 1991 г. – 4,6%; 1992 г. – 4,4%; 1993 г. – 5,2%; 1994 г. – 5,8%; 1995г. – 5,2%; 1996 г. – 4,8%; 1997 г. – 4,9%; 1998 г. – 4,6%; 1999 – 4,1%; 2000 – 4,3%; 2001 – 4,6%; 2002 – 5,6%; 2003 – 5,2%; 2004 – 5,2%; 2005 – 4,5%; 2006 – 4,0%; 2007 – 3,8%²³. Это относительно невысокая и стабильная доля (от 3,8% в 2007 г. до 6,0% в 1988 г.). Напомним, однако, что в Японии в 1995 г. удельный вес преступлений против личности составил всего 0,7%.

Структура преступлений против личности

С середины 90-х годов минувшего века наблюдается возрастание доли убийств (с покушениями) в структуре преступлений против личности и сокращение удельного веса изнасилований (с покушениями) и привилегированных составов убийств при относительной стабильности иных преступлений. 2006 и 2007 гг. вносит некоторые коррективы в эту дина-

23. Здесь и далее основной статистической базой служат ежегодники «Преступность и правонарушения», а также ежегодники «Состояние преступности в России».

Годы	Тяжкие телесные повреждения (тяжкий вред здоровью)		Умышленные убийства (с покушениями)	
	Абсол. кол-во	уровень	Абсол. кол-во	уровень
1985	12 160	8,5	28 381	19,9
1986	9 437	6,6	21 185	14,7
1987	9 199	6,3	20 100	13,9
1988	10 572	7,2	26 639	18,2
1989	13 543	9,2	36 872	25,0
1990	15 566	10,5	40 962	27,7
1991	16 122	10,9	41 195	27,8
1992	23 006	15,5	53 873	36,2
1993	29 213	19,6	66 902	45,1
1994	32 286	21,8	67 706	45,7
1995	31 703	21,4	61 734	41,6
1996	29 406	19,9	53 417	36,2
1997	28 285	19,9	46 131	31,4
1998	29 551	20,1	45 170	30,8
1999	31 140	21,3	47 669	32,6
2000	31 829	21,9	49 784	34,2
2001	33 583	23,1	55 739	38,4
2002	32285	22,5	58469	40,7
2003	31630	22,1	57087	39,9
2004	31553	21,9	57352	39,8
2005	30849	21,5	57863	40,3
2006	27462	19,2	51429	36,0
2007	22227	15,6	47348	33,3
2008	20056	14,1	45436	32,0

Табл. 1. Тяжкие преступления против личности
в России (1985-2008)

мику (сокращение доли убийств), но насколько это случайно или закономерно покажет будущее.

Однако трудно сказать – отражает ли это реальную динамику и структуру рассматриваемых преступлений или же является следствием относительно меньшей латентности убийств при очень высокой латентности изнасилований и других преступлений против личности.

Хотя убийства всегда и везде относятся к числу преступлений с наименьшей латентностью («труп не спрячешь!»), однако за последнее десятилетие в России и это тягчайшее преступление становится высоко латентным. «Прятать трупы» удается, прежде всего, за счет лиц «пропавших без вести» и не найденных. Так, в 1995 г. было объявлено в розыск лиц, без вести пропавших – 57850, установлено (с учетом прошлых лет) – 47863, осталось в розыске – 25232, всего разыскивалось (с учетом прошлых лет) – 78781, всего установлено – 57382 (72,8%); в 1998 г. было объявлено в розыск лиц, без вести пропавших – 52677, установлено – 46577, осталось в розыске 25485, всего разыскивалось ранее объявленных в розыск (прошлых лет) – 26107, всего установлено из ранее объявленных в розыск – 4245, процент установленных в данном году – 88,4, процент установленных за прошлые годы – 16,3; в 2003 г. всего разыскивалось 518260 человек, из них были разысканы 318015 (61,4%), остались в розыске 192957 человек. Далее, среди все возрастающего числа неопознанных трупов (в 1990 г. – 2837, в 1995 г. – 18381, в среднем за последние годы – свыше 16-18 тыс. ежегодно) по многим не удастся определить причину смерти (вследствие гнилостных и иных изменений), а потому не регистрируются возможные случаи убийств. Не попадают в данные уголовной статистики и деяния (в том числе, лишение жизни), совершенные лицами, не подлежащими уголовной ответственности в связи с недостижением возраста уголовной ответственности или же невменяемостью.

Приведем некоторые данные московских коллег по результатам анонимного экспертного опроса в 2001-2006гг.²⁴ Средневзвешенный коэффициент латентности за эти годы составил: убийство – 1,42; умышленное причинение тяжкого

24. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / ред.С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

вреда здоровью – 1,12; изнасилование – 3,69²⁵. При этом уровень латентности рос год от года, особенно по убийствам²⁶. По данным В.В. Лунеева, В.С. Овчинского и автора этих строк латентность убийств еще выше: реальное их число в 2-4 раза выше регистрируемого.

Велико количество жертв преступлений. Так, в результате различных преступлений погибло людей: 1987 г. – 25706 человек; 1988 г. – 30403; 1989 г. – 39102; 1990 г. – 41634; 1991 г. – 44365; 1992 г. – 213590²⁷; 1993 г. – 75365; 1994 г. – 75034; 1995 г. – 75510; 1996 г. – 65368; 1997 г. – 62598; 1998 г. – 64545; 1999 г. – 65060; 2000 г. – 76651; 2001 – 78697; 2002 – 76803; 2003 – 76921; 2004 – 72317; 2005 – 68554; 2006 г. – 61378; 2007 г. – 53987 человек. Всего за 1987 - 2007 гг. погибли 1446588 человек.

Социально-демографический состав лиц, совершивших преступления против личности

Увеличивается доля женщин, совершающих убийство и – особенно –причиняющих тяжкий вред здоровью. Существенно растет удельный вес несовершеннолетних в таких преступлениях как убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при наметившемся сокращении в 2005-2006 гг. Но уменьшается их доля среди совершивших изнасилование. Резко сокращается (в 4 раза!) удельный вес рабочих по всем тяжким насильственным преступлениям, что, очевидно, легко объяснить уменьшением это социальной группы в населении. Наконец, значительно возрастает по всем рассматриваемым преступлениям доля лиц, не имеющих постоянного источника доходов и безработных (сведения о последних публикуются только с 1993 г.).

Устойчиво высок удельный вес лиц, совершивших преступления в состоянии *алкогольного опьянения* (68-78% среди убийц, 75-81% среди причинивших тяжкий вред здоровью и 60-78% совершивших изнасилование). Доля совершивших преступления под воздействием наркотиков не превышает за отдельные годы 0,7-0,8% (в среднем же – 0,2-0,4%).

25. Там же, с.317.

26. Там же. с.75, 76, 78.

27. Такой всплеск в 1992 г. вызывает сомнения, однако эта цифра повторяется во всех статистических сборниках.

Неравномерно *территориальное распределение тяжких преступлений против личности по регионам России.*

Так, если средний по России уровень убийств (с покушениями) составлял в **1998 г.** 20,1, в Тыве он достиг 60,1 (в 1994 г. этот «рекордный» показатель составил в республике 82,1); в Иркутской области – 41,1; свыше 30 – в Бурятии, Хакасии, Хабаровском крае, Кемеровской и Читинской областях. Самые низкие показатели (ниже 13) оказались в Башкортостане, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Белгородской, Воронежской, Пензенской областях. В **2007 г.** средний по стране уровень убийств (с покушениями) составил 15,6. Максимальный уровень в этом году был в республике Тыва – 64,6; в областях Сахалинской – 33,0; Читинской – 35,9; Чукотском А. О. – 35,7; Республике Бурятии – 32,6. Минимальный уровень – в республиках Дагестан – 6,4; Адыгее – 7,7; в Белгородской области – 7,9.

Уровень *умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в 1998 г.* при среднероссийском показателе 30,8 составил в Тыве 163,0; в Иркутской области – 66,7; свыше 50 – в республике Алтай (57,5), Бурятии, республике Саха (Якутия), Хакасии, Красноярском и Хабаровском краях, Еврейской АО, Кемеровской (58,6), Пермской, Сахалинской, Читинской (59,6) областях. Самые низкие показатели в 1998 г. (ниже 15) были в Дагестане (6,5), Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Москве. В **2007 г.** среднероссийский уровень – 33,3. Максимальный уровень – в республиках Тыва – 223,3 (!); в областях Читинской – 91,7; Иркутской – 92,1; в Чукотском А.О. – 99,0. Минимальный уровень в республиках Ингушетия – 3,2; Чечня – 3,5; Дагестан – 7,6.

При среднероссийском уровне *изнасилований* (с покушениями) в **1998 г.** – 6,1, в Тыве он достиг – 26,8; свыше 14 – в республиках Алтай, Коми, Удмуртия; ниже 4 – в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии, Белгородской, Владимирской, Мурманской, Пензенской областях, в Москве и Санкт-Петербурге. В **2007 г.** средний по России уровень изнасилований – 4,9. Максимальный уровень – в республиках Тыва – 39,7; Алтай – 27,8; Хакасия – 15,5. Минимальный уровень – в республиках Ингушетия – 0,2; Чечня – 1,9; в Мурманской области – 1,3.

В целом по тяжким насильственным преступлениям от-

мечаются высокая криминальная активность в Приморском и Хабаровском краях, Восточной Сибири, в некоторых регионах Западной Сибири и Урала. Катастрофическими показателями характеризуется Тыва. Наиболее благополучными, по данным официальной статистики, являются регионы Северного Кавказа, ряд областей Центральной России, а также оба столичных мегаполиса.

Конкретные причины существенной неравномерности территориального распределения преступлений против личности требуют специального, углубленного изучения²⁸. В общем виде они объясняются различиями в условиях жизни, особенностями демографического состава населения. Не исключено, что низкие показатели в республиках Северного Кавказа зависят от специфических форм социального контроля, когда общинные (этнические, клановые) отношения, во-первых, удерживают от крайних проявлений насилия, а, во-вторых, неформальный контроль подменяет формальный, и случаи насилия не становятся известными правоохранительным органам.

Различен уровень насильственных преступлений *в городах и сельской местности*. Так, уровень (на 100000 жителей соответствующих типов поселений) убийств в городах и поселках городского типа составил в 1990 г. – 9,0, в сельской местности – 14,6 (в 1,6 раза выше), в 1998 г. соответственно – 18,4 и 24,8 (в сельской местности выше в 1,3 раза), в 2005 г. соответственно – 14,6 и 25,3 (в сельской местности выше в 1,7 раза). Уровень причинения тяжкого вреда здоровью среди городского населения в 1990 г. составил 27,6, среди сельского населения – 27,9; в 1998 г. этот разрыв оказался более значительным: соответственно 29,0 и 35,6 (в 1,2 раза); в 2005 г. соответственно 39,2 и 42,8. Уровень изнасилований в 1990 г. в сельской местности (13,5) был в 1,5 раза выше, чем в городах и поселках городского типа (8,9), в 1998 г. – в 1,7 раза (уровни 8,8 и 5,1 соответственно), в 2005 г. – в 1,4 раза (уровни 5,8 и 8,1). Мы привели для иллюстрации данные лишь по трем годам (исходя из городского населения в 1990 г. – 109,2 млн. человек, в 1998 г. – 107,3 млн. человек, в 2005 г. – 105 млн. человек, сель-

28. См., например: Ростов К.Т. Преступность в регионах России. СПб: Академия МВД РФ, 1998; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор Бук, 2005.

ского – соответственно 38,8 млн., 39,4 млн. и 38 млн. человек), однако они отражают ситуацию в целом: уровень зарегистрированного насилия в сельской местности в России существенно выше, чем в городах (и это при более высокой латентности преступлений на селе).

Существуют различные этому объяснения. С нашей точки зрения, во-первых, жители села традиционно решают возникшие межличностные конфликты с помощью физической силы. Во-вторых, выше уровень алкоголизации сельского населения, а большинство тяжких насильственных преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Наконец, в-третьих, нельзя исключить обычного для сельских жителей более «простого», чтобы не сказать – пренебрежительного отношения к ценности жизни вообще («бог дал, бог и взял»; к медицинской помощи, особенно – квалифицированной, в условиях российских расстояний обращаться гораздо сложнее, чем горожанам; убийство домашних животных – на мясо – дело привычное и «наглядное» с детского возраста).

Распределение тяжких насильственных преступлений во времени также имеет свои закономерности. Они хуже изучены, чем пространственные различия. Лишь в качестве примера заметим, что по нашим данным, в Ленинграде 80-х гг. минувшего столетия недельный максимум тяжких телесных повреждений и изнасилований приходился на субботу (соответственно 21,5 и 20,9% недельного количества), минимум наблюдался в начале недели (понедельник, вторник). Убийства были распределены по дням недели более равномерно, но с резким сокращением в воскресенье. Суточное распределение всех рассматриваемых видов тяжких насильственных преступлений было примерно одинаковое: максимум с 20 до 23 часов (38,5% суточного числа убийств, около 48% тяжких телесных повреждений, 33,6% изнасилований), далее по частоте преступлений следовал интервал с 16 до 19 часов, лишь изнасилований относительно больше приходилось на ночное время – 0–3 часа, меньше всего насильственных преступлений совершалось в период с 4 до 11 часов. Что касается сезонной волны, то убийства имели три максимума (в порядке убывания): апрель, июль, ноябрь и три минимума – в феврале, июне, октябре. Максимум тяжких телесных повреждений также приходился на апрель, июль, ноябрь, а минимум на-

блюдался в декабре, феврале, сентябре. Что касается изнасилований, то их максимум располагался в августе-декабре (с «пиком» в сентябре и ноябре), а минимум в марте-мае²⁹.

Большинство тяжких насильственных преступлений совершаются в *семейной и бытовой* сферах³⁰. Женщины, как правило, чаще становятся жертвами семейного насилия.

Первоначально в США, а затем и в ряде других государств, включая современную Россию, серьезную опасность представляют преступления против личности с применением *огнестрельного оружия*. Региональные межэтнические конфликты, частичная дезорганизация и коммерциализация воинской службы, формирование устойчивых преступных сообществ привели в России к резкому росту преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия: 1987 г. - 2164 зарегистрированных случаев, в том числе 534 убийств или покушений на убийства, 1991 г. - 4481 случай (из них 970 убийств или покушений на убийства), 1993 г. - 19154 случая (из них 2957 убийств с покушениями), 1997 г. - 19650 случаев, 1999 г. - 15591 случай, 2006 г. - 18727 случаев. В 2003 г. зарегистрировано 54203 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2006 г. - 30055 таких преступлений. Динамика преступлений, совершенных с использованием огнестрельного и газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств за последние годы (в тысячах) относительно благоприятная: 2004 - 9,6; 2005 - 9,2; 2006 - 7,6; 2007 - 5,5 и 2008 - 4,4.

Особого внимания заслуживает изучение *жертв* насильственных преступлений. Полицейская статистка в ряде стран (прежде всего, в Германии и Великобритании) столь же подробно учитывает сведения о жертвах, сколь и о преступниках. К сожалению, в России представлены сведения только об общем числе жертв преступлений. Мне известна лишь одна

29. Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: методология, методика, техника. СПб: Акад. МВД, 1991. С. 221-222.

30. Старков О.В. Бытовые насильственные преступления. Рязань: ВШ МВД РФ, 1992; Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб: Юридический центр Пресс, 2003; Elliot D., Hamburg B., Williams K. (Eds.) Violence in American Schools. Cambridge University Press, 1998; Wallace H. Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Allyn and Bakon, Needham Heights, 1996.

отечественная монография, специально посвященная этой проблеме³¹.

Самостоятельного анализа заслуживают преступления против *половой* неприкосновенности и половой свободы личности³². Однако, статистические сведения о них весьма скромны в силу очень высокой латентности.

Это характерно для многих стран, но, пожалуй, особенно для России: традиционная мораль нередко обрушивается на потерпевших, и те не заявляют в органы расследования о посягательствах. Кроме того, последние нередко исходят со стороны знакомых и родственников, что в еще большей степени ограничивает желание жертв предавать огласке случившееся.

Проблемы профилактики (первичной, вторичной и третичной) преступлений против личности заслуживают специального рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи.

31. Вандышев В.В. Жертвы тяжкого преступного насилия. СПб: МИЭП, 2007.

32. Подробный криминологический анализ таких преступлений представлен в: Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб: Юридический центр Пресс, 2007. См. также: Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. М.: Спарк, 1999

ПРЕСТУПНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ¹

Проблема сложных взаимоотношений (1) благ высокого экономического уровня развития общества и (2) *потребительской культуры* с ее *негативными* побочными эффектами - в той или иной степени давно обсуждались в научных трудах и литературных произведениях. Достаточно вспомнить «Новое индустриальное общество» Дж. Гэлбрейта (1967), «Теорию праздного класса» Т. Веблена (1934), «Иметь или быть?» Э. Фромма (1976) или же «Квоту, или Сторонники изобилия» Вернора и Коронеля (1966), «Хищные вещи века» А. и Б. Стругацких (1965).

Современный отечественный опыт также свидетельствует о том, что безусловно прогрессивный переход от казарменного полугодного социализма с постоянным «дефицитом» всего и вся к рыночной экономике принес не только переполненные товаром магазины, заполненные иномарками улицы, возможность путешествовать по всему миру и обучать детей в Оксфорде или Гарварде, но и значительные негативные последствия: беспрецедентный разрыв между богатым меньшинством и бедным большинством населения (что отражается динамикой соответствующих экономических показателей - децильного коэффициента и индекса Джинни); господство масскульта; призыв «обогащайтесь!» и воцарившаяся мораль «все на продажу» и «деньги не пахнут» с закономерным возрастанием девиантных проявлений - преступности, коррупции, алкоголизации, наркотизации, торговли людьми, суицидом.

Экономическим и социальным последствиям становления и развития «общества потребления» посвящено немало исследований. Некоторое влияние потребительства на уро-

1. Опубликовано в: Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009, №4.

вень и динамику преступности просматривается в криминологической литературе. Ниже предлагаются некоторые суждения об особенностях различных девиантных проявлений, включая преступность, в обществе потребления.

Основные понятия

Происхождение термина «общество потребления» связывают с именами Э. Фромма, Дж. Гэлбрейта (в варианте «общество изобилия»), Ж. Бодрийяра (с его книгой «La Société de consommation», 1970). Имеется, как всегда, множество определений и интерпретаций этого понятия.

Во всяком случае, «общество потребления» такой же релятивный, искусственный социальный *конструкт*, как и большинство порождений любого общества – преступность, наркотизм, коррупция, социализм, коммунизм, христианство, буддизм, протестантизм, «социалистический лагерь», «общество благоденствия», и т.д. Но, *будучи сконструирован, конструкт живет своей жизнью*, налагая множество обязательств и ограничений на членов породившего его общества.

Одно из определений *общества потребления* – «это совокупность общественных отношений, в которых ключевое место играет индивидуальное потребление, опосредованное рынком»².

Общество потребления обычно рассматривается как фаза (стадия) развития капитализма.

Основные особенности общества потребления сводятся к нижеследующему³:

◁ Растущее *изобилие* (в развитых странах) как основа формирования общества потребления.

◁ Потребление становится экономической потребностью, а идентичность индивидов основывается на их деятельности как потребителей. «Потребление... превращается в инструмент конструирования социальной идентичности» (В. Ильин).

◁ Сокращается продолжительность рабочего времени, возрастает время потребления (включая отдых и досуг).

2. Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб: Интерсоцис, 2008. С. 109.

3. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. С.345; Ильин В.И. Потребление как дискурс. Указ. соч.; Ильин В. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. СПб: Интерсоцис, 2007.

◁ Растут потребительские настроения, повышается удельный вес товаров длительного пользования и предметов роскоши⁴.

◁ Эстетизация повседневной жизни (вплоть до ее «гламуризации»). «Разве я этого не заслуживаю?» - рекламный вопрос по поводу очередного гламурного «прибамбула».

◁ Основная оценка индивида по тому, что он потребляет. Отсюда – *престижное потребление*. Приобретение «позиционных товаров» как показателей принадлежности к определенной статусной группе.

◁ Различия потребления приходят на смену классовым, гендерным, расовым различиям.

◁ Потребители приобретают власть и авторитет за счет производителей (рабочих, инженеров, врачей, учителей, ученых и др.).

◁ Рынок распространяется на все сферы жизни (от сексуальной до «шоппинга»).

◁ Общество потребления сопровождается процессами включения / исключения (*inclusion / exclusion*), когда «недопотребители» исключаются из активной экономической, социальной, политической, культуральной жизни (или же исключенные становятся «недопотребителями»). Исключенные (*excluded*) составляют основную социальную базу различных девиантных проявлений⁵.

◁ Безгранично «потребляется» природа. Сверхпотребление природных ресурсов порождает многочисленные *очаговые* экологические кризисы и катастрофы, интегрирующиеся в *глобальный* экологический кризис.

◁ «Общество потребления порождает небывалое напряжение в отношениях людей и природы» (В. Ильин). *Strain theory* («теория напряжения») Р. Мертона в действии⁶.

4. См.: Ибрагимова Д.Х., Николаенко С.А. Индекс потребительских настроений. М.:НИСП, 2005.

5. Гилинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6.

6. См.: Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. С.138-140.

Криминогенность общества потребления

Оговоримся: каждое общество – «криминогенно» постольку, поскольку порождает вообще все позитивные и негативные социальные феномены. Нас же интересует некоторая специфика криминогенности исследуемого общественного типа⁷. При этом думается, что криминогенность богатого общества все же лучше, чем нищего.

Экономика

Конечно, в основе «общества потребления» («общества изобилия», «общества благоденствия») лежат успехи экономического развития ведущих капиталистических стран после Второй мировой войны. Но наряду с «чисто экономическими» негативными последствиями развития капитализма – периодическими экономическими кризисами, возникают некоторые новые проблемы (имеющие, впрочем, давние корни), тающие повышенный криминогенный эффект. Имеется в виду, прежде всего, углубляющееся экономическое неравенство между странами и социальных страт внутри каждой страны, а также расцвет «теневой экономики» («серой экономики», «неформальной экономики», «второй экономики», «скрытой экономики», «подпольной экономики»). «Теневая экономика – это разветвленная, всепроникающая и всеобъемлющая система взаимосвязанных экономических отношений, которые имеют место вне рамок действующих законов и недоступны прямому и регулярному статистическому учету и налоговому контролю»⁸.

Авторская позиция по поводу криминогенного значения социально-экономического неравенства отражена во многих

7. См. также: Hall S., Winlow S., Ancrum C. Criminal Identities and Consumer Culture. Crime, exclusion and the new culture of narcissism. Portland: Willan Publishing, 2008.

8. Тимофеев Л.Н. Теневые экономические системы современной России. Теория, анализ, модели. М.: РГГУ, 2008. С.33.

работах⁹.

Что касается «теневой экономики», то об этом лучше читать экономистов¹⁰.

Значительная часть «теневой экономики» – криминальна, а ее акторы – девианты, но наиболее опасные ее проявления – организованная преступность, включая торговлю наркотиками, оружием, людьми, и коррупция. «Можно сказать вполне решительно и определенно: коррупция и теневая экономическая деятельность в России – два имени единого явления, и рассматривать их следует только вместе, в их взаимной обусловленности и функциональном взаимодействии»¹¹.

Если «цена» человека определяется стоимостью потребляемого, а государство платит «бюджетникам» по принципу «кормления» («остальное сами доберете» – воровством или взяточками), то «максимизирующий свое благосостояние индивид распределяет свое время между криминальной деятельностью и деятельностью в рамках закона»¹².

Политика

Теневая экономика не может не вовлекать в свою орби-

9. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2007. С.164-189; Он же. Криминология: Теория, история, эмпирическая реальность, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. С. 182-200; Он же. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право / ред. А. Заостровцев. СПб: Наука, 2009. С.169-188; и др. См. также: Ольков С.Г. Аналитическая криминология. Казань: Познание, 2007; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор Бук, 2005.

10. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2004; Бурова Н.В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб: ГУЭИФ, 2006; Клямкин И.М., Тимофеев Л.Н. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000; Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. М.: Норма, 2006; Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999; Теневая экономика – 2007. Указ. соч.; Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России: теория, анализ, модели. Указ. соч.; и др.

11. Тимофеев Л.Н. Теневые экономические системы современной России. Указ. соч. С.28.

12. Калягин Г.В. Экономический анализ криминального поведения. В: Экономическая школа. Аналитическое приложение. 2006, №3. С. 95.

ту политику. Происходит сращивание теневой экономики и теневой политики, образуя теневую реальность, теневую действительность, невольными участниками (и жертвами) которой оказываются все граждане страны¹³. «Развитие теневой экономики создает угрозу стабильности таких фундаментальных институтов, как государство, правовая система, система общественной морали... В сфере внезаконных экономических связей... возникает и укрепляется некое теневое парагосударство – со своими «законами», со своей иерархией власти, со своей системой безопасности»¹⁴.

Отсюда – коррупционные сети на высшем государственном уровне¹⁵, управляемые суды, коррумпированные «правоохранительные» органы, политические убийства, выборы без выбора.

Быт

Если теневая экономика и теневая политика находятся в «тени» ежедневного массового наблюдения и поведения, то бытовые проявления негативных сторон общества потребления у всех на виду. И хотя теневая экономика и политика наиболее опасны, гнев населения обрушивается на повседневные, бытовые следствия консюмеризма (потребительства). В мире, где «все на продажу» и «деньги решают все», погоня за деньгами нередко не знает границ, ни правовых, ни моральных. Как сказала двадцатилетняя девушка-крупье, присвоившая в сговоре с клиентом около двух миллионов рублей, когда ее поймали и стали стыдить: «Стыдно? Да я за деньги мать родную убью!»¹⁶. И убивают – родителей, стариков-пенсионеров, жен и мужей, конкурентов¹⁷. И воруют, и грабят, и

13. См.: Барсукова С.Ю. Сращивание теневой экономики и теневой политики (на примере финансирования избирательных кампаний и деятельности политических партий). В: Теневая экономика - 2007. Указ. соч. С. 82-112.

14. Теневая экономика – 2007. Указ. соч. С.12.

15. Сатаров Г.А. Диагностика российской коррупции: социологический анализ. М.: Фонд ИНДЕМ, 2002.

16. См.: Гишинский Я. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М.: ИС РАН, 2007. С.89.

17. 09.10.2009 было сообщение по радио, что в Великобритании десятилетняя девочка выставила в Интернете на продажу свою бабушку. У моих студентов возник единственный вопрос: «По какой цене?».

разрабатывают хитроумные операции по обману «лохов» - законопослушных членов общества.

Престижное потребление, погоня за модой, гламурный мир, создаваемый рекламой и СМИ, подтачивают элементарную мораль совместного проживания и общения людей, способствуя распространению различных девиантных проявлений, включая преступность.

Секс становится видом потребления с целью развлечения. Другим видом «отдыха» и развлечения является шоппинг.

Если вышесказанное наблюдается во всех «обществах потребления», то для России негативные его последствия проявляются особенно остро. Это связано с тем, что можно назвать *бурной реакцией на отложенный спрос*. В СССР для подавляющего большинства жителей были недоступны естественные для развитых стран продукты питания и промышленные товары, зарубежные путешествия (не считая групповых туров по разрешению комиссии РК КПСС, с легальным обменом на валюту от 30 до 100 руб. и с руководителем — гласным или негласным сотрудником КГБ), обучение и работа за рубежом. С переходом к рыночной экономике и появлению максимума возможного при минимуме возможностей (для значительного большинства населения), консюмеризм стал проявляться в самых диких и нецивилизованных формах, включая преступное завладение деньгами и ценностями. Помимо «обыкновенного» воровства, грабежей и разбоя — тотальная коррупция, хищения «в особо крупных размерах», корыстные должностные преступления, заказные убийства, как метод конкурентной борьбы, «рейдерские захваты», развитие организованной преступности, как бизнеса и ее слияние с легальным бизнесом и властными структурами¹⁸.

Преступные и иные девиантные проявления в обществе потребления (краткий обзор)

Преступность

Имеется несколько показателей, свидетельствующих о динамике определенных видов преступности по мере становления и развития в России общества потребления.

18. Подробнее см.: Гилинский Я.И. Криминология. Указ. соч. С.297-326, 263-292.

Одним из таких показателей служит нарастающий рост заказных убийств на экономической почве, отслеживаемый Агентством Федеральных Расследований (1990-2008 гг.)¹⁹.

Другой показатель – динамика *грабежей и разбоев* (в связи с очень высокой латентностью *краж* рассмотрение их официальной динамики нецелесообразно). Данные табл. 1 достаточно характерны: уровень (на 100 тыс. населения) грабежей в 1987 г. – 21,0, в 2006 – 250,3, рост за 20 лет почти в 12 раз; уровень разбойных нападений в 1987 г. – 3,9, в 2006 г. – 41,9, рост за те же годы в 10,7 раза. Сведения за 2007-2009 г., хотя и показывают некоторое снижение этих показателей, но вызывают серьезные сомнения у криминологов (профессора М.М. Бабаев, С.М. Иншаков, В.В. Лунеев, В.С. Овчинский, Я.И. Гишинский и др.) в связи с растущей латентностью за счет сокрытия преступлений от регистрации (так называемая, «искусственная латентность») ²⁰.

Хорошим показателем мог бы быть тренд экономической преступности. Но в силу очень высокой латентности и зависимости от правоприменительной практики данные о зарегистрированных преступлениях в сфере экономической деятельности демонстрируют скорее снижение их количества. Пожалуй, редким исключением является рост зарегистрированных случаев отмывания денежных средств, приобретенных в результате совершения преступлений (рост со 132 в 2003 г. до 8670 в 2007 г.), незаконного использования товарного знака (с 303 в 2002 г. до 924 в 2007 г.) и контрабанды (с 3498 в 2002 г. до 6983 в 2007 г.)²¹.

Организованная преступность

Организованная преступность бурно развивается и меняет свой облик, срачиваясь с легальным бизнесом и властны-

19. <http://www.flb.ru/subview/82/>

20. См., например: Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / ред. С.М. Иншаков. М.: Юнити, 2007.

21. Преступность, криминология, криминологическая защита / ред. А. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2007; Экстремизм и другие криминальные явления / ред. А. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008.

ми структурами²². Это – одно из важнейших следствий развития консюмеризма в стране.

Российский *наркобизнес* успешно вписался в мировой под «крышей» милиции (низовой уровень), Госнарконтроля и ФСБ (верхний уровень).

Хотя официальные данные о *торговле людьми* (ст. 127-1 УК РФ) невелики (от 17 зарегистрированных случаев в 2004 г. до 104-106 в 2006-2007 гг.), однако по данным сравнительного мирового исследования Россия входит в тройку стран, занимающих первые места по этому виду преступлений: Россия, Украина, Нигерия²³.

Нелегальная *торговля оружием* приобретает характер государственного-криминального бизнеса.

Не брезгает организованная преступность и традиционными видами деятельности: кража и перепродажа автомобилей, «крышевание» мелкого бизнеса и сексиндустрии (в конкуренции с «ментовскими» крышами, которые вытесняют бандитские²⁴).

Алкоголизация населения

Пьянство – старое российское зло – в обществе потребления превратилось в символ достатка и моды («престижное потребление»): от немецкого или чешского пива для молодежи до французского коньяка и шотландского виски для «Middle class» и «элиты». Россия с середины 90-х годов минувшего века вышла на первое место в мире по душевому потреблению алкоголя (свыше 15 л чистого алкоголя в год), опередив традиционных лидеров – винодельческую Францию и Испа-

22. Авторская позиция представлена в: Девиантология. Указ. соч. С. 236-248; Криминология. Указ. соч. С.263-292; а также: Гишинский Я., Костюковский Я. Организованная преступность: понятие, история, деятельность, тенденции. В: Частная криминология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С.362-402.

23. Кангаспунта К. Отображение ситуации, касающейся торговли людьми: предварительные выводы анализа базы данных о торговле людьми//Форум по проблемам преступности и общества. 2003. Т.3, №№1-2. С.91-114. См. также: Гишинский Я., Овчинникова Г. Торговля людьми: криминологический и уголовно-правовой анализ: Учебное пособие. СПб.: Юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры. 2008.

24. См.: Гишинский Я. Криминология. Указ. соч. С.285-287.

нию²⁵. По данным ВОЗ (Всемирной Организации Здравоохранения), при уровне душевого потребления алкоголя свыше 8 л начинается «необратимое угасание этноса». «По официальным данным Роспотребнадзора (экспертные оценки даже выше), душевое потребление поднялось до 18 литров чистого алкоголя в год. Порог безопасности, определенный ВОЗ для любой страны в 8 литров, превышен, по крайней мере, вдвое – без принятия самых экстренных мер деградация России, ее народа неизбежна» (Н. Герасименко, академик РАМН, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья²⁶). При этом структура потребления самая неблагоприятная – водка и другие крепкие напитки, включая самогон.

Следует напомнить, что совершение тяжких насильственных преступлений в большинстве случаев происходит в состоянии алкогольного опьянения: убийства – 60-65%, причинение тяжкого вреда здоровью – 51-63%, изнасилование – 60-67%²⁷.

Наркотизация населения

Потребление наркотиков и психотропных веществ, строго говоря, не входит в арсенал потребительства (это не гламурно), но является следствием исключенности, как одного из порождений общества потребления, и процветающего наркобизнеса. Аутсайдеры, маргиналы, исключенные, оказавшись на обочине общественной жизни, за рамками официальной структуры общества (или в самом ее низу), ищут утешение в алкоголе, наркотиках или добровольно уходят из жизни (суицид).

По Р. Мертону, это – ретристское поведение и результат «двойной неудачи» (первая неудача – самоутвердиться, «включиться» посредством активной легальной деятельности

25. Немцов А. Алкогольная ситуация в России. М., 1995; Он же. Алкогольная смертность в России, 1980-90-е годы. М., 2001; Он же. Алкогольный урон регионов России. М., 2003.

26. Ж. «Российская Федерация», 2009, № 4.

27. Преступность и правонарушения (2004-2008) Статистический сборник. М.: МВД РФ, 2009.

и вторая неудача — самоутвердиться, самореализоваться путем нелегальной, криминальной активности).

Проституция

Растет добровольная и принудительная (в результате торговли людьми) продажность в сфере сексуальных услуг и, что характерно для общества потребления – проституирование политиков, журналистов, писателей, деятелей искусства, науки, спортсменов. За многочисленными примерами из жизни отечественной «элиты» не надо далеко ходить. Представители киноискусства, журналистики, театральные деятели, мастера шоу-бизнеса не стесняются продаваться и перепродаваться за реальные или мнимые материальные блага.

Самоубийство

Уровень (в расчете на 100 тыс. населения) и динамика самоубийств лишь косвенно отражают потребительские интенции населения: «исключенные» чувствуют себя все более обездоленными и, наряду с «уходом» в алкоголь и наркотики, могут решиться на тотальный уход из жизни. Некоторая динамика завершеного суицида в России представлена в табл. 2. При этом, во-первых, следует учитывать неполноту регистрации и публикаций соответствующих данных. Во-вторых, динамика суицида испытывает двойственное воздействие консюмеризма: с одной стороны, растущее благосостояние и возможности им воспользоваться все же возрастают, нейтрализуя суицидальное поведение, с другой стороны, исключенность особенно остро чувствуется на фоне якобы «всеобщего» благополучия. В-третьих, все познается в сравнении. Поэтому отметим, что Россия с 1984 г. занимает одно из первых мест в мире по уровню самоубийств. Всего с 1995 по 2003 год в России покончили с собой 500 тыс. человек. Количество самоубийств в России в расчете на 100 тыс. жителей в 3 раза превышает среднемировой показатель. Россия с 2004 г. стабильно занимает второе место в мире по уровню завершенных суицидов (после Литвы). По непроверенным данным, Литве удалось существенно сократить количество самоубийств и,

возможно, Россия вышла на первое место в мире и по этому страшному показателю. Тем более что по данным Минздравсоцразвития, за первую половину 2009 г. количество самоубийств выросло в стране на 1,5% по сравнению с соответствующим периодом 2008 г.

По сведениям ВОЗ, уровень самоубийств 20 (на 100 тыс. населения) считается критическим, в России этот показатель устойчиво выше в полтора-два раза.

Позитивные девиации

Конечно, общество потребления предъявляет повышенный спрос и на творцов – позитивных «девиантов». Консюмеризм, сверхпотребительство может удовлетворяться и в результате творческой активности («Инстинкт мастерства», по Т. Веблену). «Творческие люди ценятся. Это не исключает возможности забрасывания камнями или поливания грязью в случае определения их большинством как разрушителей устоев»²⁸. Но это - тема специального исследования.

Социальный контроль

С изменениями динамики и структуры преступности и иных девиантных проявлений меняется и социальный контроль над ними.

Во-первых, официальный социальный контроль, в частности, со стороны полиции и юстиции не поспекает за растущей преступностью²⁹. Нарастает «кризис наказания»³⁰.

Во-вторых, общественное сознание – прежде всего, нарождающегося среднего класса – под воздействием растущей преступности, алкоголизации и наркотизации населения, а также призывов популистских политиков и СМИ становится все более репрессивным, на что официальные государствен-

28. Ильин В.И. Потребление как дискурс. Указ. соч. С.129.

29. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005. С. 65 и след.

30. Mathiesen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974. См. также: Гилинский Я. Криминология. Указ. соч. С.404-410.

ные органы с радостью отвечают усилением репрессивности правоприменения³¹.

В-третьих, «система массового потребительского кредита превращается в основу новой формы социального контроля, которая оказывается эффективнее репрессивных инструментов. Когда дом, автомобиль, мебель и т.д. приобретены в кредит, благополучие семьи очень жестко зависит от рабочего места... Всем есть что терять, кроме цепей. И система массового кредита делает риск потери особенно чувствительным»³².

В-четвертых, наряду с глобализацией преступности происходит глобализация социального контроля (международно-правовые акты, регулирующие реакцию обществ и государств на те или иные виды преступности, соответствующие межгосударственные договоры, в частности, — об экстрадиции, формирование международных организаций по контролю над преступностью — Интерпол, Европол и др.)³³.

31. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб, 2006; Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008; Познер Р. Экономический анализ права. В 2-х томах. СПб, 2004; Walmsley R. World Prison Population List // Home Office. Finding 166. 2002: Walmsley R. Further Developments in the Prison Systems of Central and Eastern Europe. Achievements, Problems and Objectives. Helsinki, 2003.

32. Ильин В.И. Потребление как дискурс. Указ. соч. С. 113-114.

33. Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006. С.10-11, 315-343.

Годы	Грабежи		Разбойные нападения	
	Абсол. кол-во	уровень	Абсол. кол-во	уровень
1985	42 794	29,9	8 264	5,8
1986	31 441	21,8	6 018	4,2
1987	30 441	21,0	5 656	3,9
1988	43 822	29,9	8 118	5,5
1989	75 220	51,0	14 551	9,9
1990	83 306	56,3	16 514	11,2
1991	101 956	68,8	18 311	12,4
1992	164 895	110,9	30 407	20,4
1993	184 410	124,3	40 180	27,0
1994	148 546	100,4	37 904	25,6
1995	140 597	95,0	37 651	25,5
1996	121 356	82,2	34 584	23,4
1997	112 051	76,2	34 318	23,3
1998	122 366	83,4	38 513	26,2
1999	138 973	95,0	41 138	28,1
2000	132 243	91,0	39 437	27,1
2001	148 814	102,5	44 806	30,9
2002	167 267	116,5	47 052	32,8
2003	198 036	138,4	48 673	34,0
2004	251433	174,4	55 448	38,5
2005	344 440	240,1	63 671	44,4
2006	357 302	250,3	59 763	41,9
2007	295 071	207,5	45 318	31,9
2008	243957	171,8	35 366	24,9
2009	205379	144,8	30085	21,2

Табл. 1. Динамика грабежей и разбойных нападений
(Россия, 1985-2009)¹

1. Ежегодники «Преступность и правонарушения. Статистический сборник». М.: МВД РФ, МЮ РФ, 1985 - .

	1980	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Абсолютное количество (в тыс.)	47,9	54,0	44,6	33,3	33,8	35,7	38,0
Уровень	34,6	38,7	31,1	23,1	23,3	24,4	25,8

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Абсолютное количество (в тыс.)	39,2	39,4	46,1	56,1	61,9	60,9	57,8
Уровень	26,4	26,5	31,0	38,1	41,8	41,4	39,4

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Абсолютное количество (в тыс.)	55,0	51,8	57,3	56,9	57,3	51,8	47,9
Уровень	37,6	35,4	29,3	39,3	39,7	39,5	36,5

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Абсолютное количество (в тыс.)	*	*	42,8	28,8	*	*
Уровень	34,0	32,2	31,5	36,0	27,1	26,5

Табл. 2. Количество и уровень завершённых самоубийств в России (1980 – 2009)

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ: РЕПРЕССИВНОЕ СОЗНАНИЕ И РЕПРЕССИВНЫЕ ПРАКТИКИ¹

*Любите ближнего своего, даже если он употребляет
эти проклятые наркотики*

А.Требач

*Существующий в России веками рабский, холопский дух,
сочетающийся с презрением к иноземцам,
инородцам и иноверцам, я считаю величайшей бедой,
а не национальным здоровьем*

А. Сахаров

Что происходит с нами?

Одно из древнейших различий (в филогенезе и онтогенезе) – «мы» и «они», «свои» и «чужие». «В социальной жизни людей не меньшую роль играет не притяжение к «своим», а обособление от «чужих»².

С развитием цивилизаций, «великими географическими открытиями» прошлого, современной «глобализацией» растет *взаимопроникновение* культур и этносов. Одновременно – как реакция на глобализацию – происходит и усиление «самодентификации» (от «нормального» патриотизма до крайнего национализма, нацизма). Этот факт зафиксирован неологизмом Роланда Робертсона – «глокализация».

Эти две разнонаправленные тенденции противоречиво проявляются в современном мире. С одной стороны, полицейская политика «Zero tolerance» в США, «расовые инциденты» в Великобритании (их количество увеличилось за период с 1996/97 по 2002/03 гг. в графстве Dorset с 67 до 260, в графстве Humberside с 55 до 350, в Wiltshire с 35 до 332, в Лондоне с 5621 до 15453³). С другой стороны, хорошо известная «по-

1. Опубликовано в: Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПбГУ, 2009. С.177-182.

2. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1969.

3. Hall N. Hate Crime. Willan Publishing, 2005.

литкорректность» в США и других развитых странах, осенние события 2006 г. в Париже, когда, несмотря на разгул жителей окраин в центре города, разбитые витрины, сожженные автомобили – ни капли пролитой полицией и населением Парижа крови.

Россия, с одной стороны, исторически многонациональная, поликонфессиональная страна со множеством этнических, региональных «культур» и культов, с многолетним «пролетарским интернационализмом». С другой стороны, разгул ксенофобии в современной России. Так, нападений по мотивам ксенофобии было: 2004 г. – 267 пострадавших, 49 убитых; 2005 г. – 464 пострадавших, 47 убитых; 2006 г. – 552 пострадавших, 56 убитых; 2007 г. – 605 пострадавших, 85 убитых; 2008 г. – не менее 525 пострадавших, 97 убитых. «Лидеры» экстремизма на почве ксенофобии - Москва, Санкт-Петербург, Воронеж.

В Москве «Свидетели Иеговы» запрещены судебным решением (напомним, что в гитлеровской Германии преследование «Свидетелей Иеговы» предшествовало «окончательному решению еврейского вопроса»...). Выступления против гомосексуалистов (в странах Западной Европы мэром Москвы Ю. Лужков был бы привлечен к уголовной ответственности за гомофобию, одно из «преступлений ненависти»). 60% отозвавшихся на радиопередачу о трагедии в московском аквапарке «Трансвааль» выразили... удовлетворение и радость по поводу гибели отдыхающих там богатых! (Новая газета, 2004. №12; Московские новости, 2004. №6).

Рост – реальный или воспринимаемый – преступности наряду с беспомощностью полиции порождает *репрессивное сознание*: «Страх перед преступностью» и «моральную панику»⁴. Особенно - репрессивность сознания «среднего класса» (страх за ценности класса) и репрессивность сознания женщин (страх за детей и семью). Так, по результатам многочисленных исследований, включая наши, среди женщин значимо больше сторонников смертной казни, чем среди мужчин. Объяснение: женщины живо представляют, что жертвами тяжких насильственных преступлений могут стать их дети, члены семьи.

Власть и правоохранительные органы используют репресс-

4. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans, Paladin, 1973.

сивное сознание, усиливая *репрессивность практики*.

Так, в большинстве стран растет тюремное население⁵. Некоторые сведения об этом приводятся в табл. 1.

Российские суды практически отвыкли от назначения за преступления наказания, не связанные с лишением свободы. Так, например, в 2003-2007 гг. к исправительным работам осуждалось в среднем всего 4,8% осужденных, к штрафу – 10,0%, а к лишению свободы (безусловному и условному) – свыше 80% осужденных⁶.

В практику входит небывало широкое применение насилия со стороны «правоохранительных» органов⁷. Некоторые виды пыток распространены в различных регионах России и подробно описаны в прессе («словник» — применение противозащитного газа с прерыванием дыхания, «ласточка» - растяжка на веревках, «распятие Христа» — название говорит за себя, «конвертик» — пытаемого складывают как конверт для отправки).

Сектором социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН в 2005-2006 гг. была исследована практика применения пыток в пяти регионах России⁸. Краткие результаты представлены в табл. 2.

Еще одним следствием интолерантности, ксенофобии явилось распространение «преступлений ненависти» (*Hate Crimes*), совершаемым по мотиву расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды.

Впервые термин «Hate Crimes» («преступления ненависти») был использован в работе: John Coneys, Barbara Kennekky, Mario Biaggi (1985) «Hate Crime Statistical Act». Преступления ненависти это преступления, порождаемые *предубеж-*

5. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к Гулагу западного образца. М, 2001; Walmsley R. World Prison Population List // Home Office. Finding 166. 2002.

6. Преступность и правонарушения (2003-2007). Статистический сборник. М., 2008.

7. Пытки в России: Хроника 1988-1998 гг. // К праву. Информационный бюллетень. 1998, вып. 5; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Международная амнистия, апрель 1997; Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 года). М.: За права человека, 2004; Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Львова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004-2005 г. М., 2005.

8 & См.: Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Н. Новгород. 2007.

	1990	1999	2005/2006
Австралия	83	108	126
Англия и Уэльс	88	125	143/148
Бельгия	59	80	90/91
Венгрия	119	161	162
Испания	-	111	142/145
Италия	45	89	102
Колумбия	99	-	134
Литва	230	-	233/240
Мексика	108	-	196
Нидерланды	46	84	134/128
Норвегия		56	67/66
Польша	120	142	216/230
Россия	470	729	611
США	465	682	738
Финляндия	68	46	73
Чехия	80	224	186/185
Швеция	61	111	78/82
Эстония	220	303	327
ЮАР	-	327	413
Япония	38	43	62

Таблица 1. Число заключенных в некоторых странах
(на 100 тыс. населения)

Регион	Кол-во респондентов	Доля жертв (%)	Распространенность пыток (ответы в%)
С.-Петербург	2000	3,4	64,3
Псков	600	4,3	56,0
Н. Новгород	1000	3,4	64,4
Коми	1100	2,8	72,7
Чита	850	3,6	54,6

Таблица. 2. Практика применения пыток
в некоторых регионах России

дением, предрассудком (bias, prejudice) по отношению к лицам другой расы, нации, цвета кожи, религии, сексуальной ориентации и др.⁹

Понятие «преступление ненависти» включено во многие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Например: «Убийство... совершенное по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды или кровной мести» (ст. 105 ч.2 п. «л» УК РФ). Имеется и самостоятельный состав преступления «Возбуждение ненависти или вражды...» (ст.282 УК РФ).

Кто виноват?

Ответ на этот вопрос требует специального изучения применительно к тому или иному государству и обществу. Антисемитизм в Австрии, гитлеровской Германии, Польше, России имеет свои специфические особенности и «причины». Расовая нетерпимость по отношению к неграм в южных штатах США и нетерпимость к «черным» в современной России имеют различные корни.

Каковы же факторы распространения интолерантности, ксенофобии?

Во-первых, «природные» — вышеназванное противопоставление «мы» и «они».

Во-вторых, — социальные. Они, в свою очередь, бывают объективные и субъективные.

Объективные причины — резкое социально-экономическое неравенство, поляризация населения на «включенных» (*included*) и «исключенных» (*excluded*), ускоренное процессами глобализации¹⁰. Так, децильный коэффициент (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных людей) по официальным данным составлял в России в 1991 г. 1:4,5, а в 1999 г. — 1:15, к 2008 г. — 1:16-17. По мнению экспертов — 1:25, а в Москве — 1:40 — 1:50.

Коэффициент Джини (степень различий в реальном распределении доходов) в России — 0,456, тогда как в Бельгии — 0,250; Германии — 0,283; Дании — 0,247; Японии — 0,249.

9. Jacobs, J., Potter, K. Hate Crimes. Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

10. См.: Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб, 2006.

Близки к российским показателям Боливия – 0,447; Камерун – 0,446; Кения – 0,445; Кот-д’Ивуар – 0,452.

Не удивительно, что за десятилетие 1990-1999 гг., исследованное С. Ольковым, в год с максимальным индексом Джини (1994 г. - 0,409) в России было зарегистрировано наибольшее количество убийств – 32,3 тыс., а в год с минимальным индексом Джини (1990 г. - 0,218) – наименьшее их количество 15,6 тыс¹¹. К аналогичным результатам по данным за 25 лет (1980-2004) приходит И.С. Скифский в своем исследовании¹².

К этому следует добавить такой бесспорный объективный фактор, как приток иммигрантов, которым не так просто адаптироваться в новой среде, а «среда» не хочет адаптироваться к приезжим. Возникает взаимное недоверие и часто – неприязнь. Среди коренного населения начинают циркулировать идеи повышенной «криминальности» приезжих. Однако, во-первых, эти слухи сильно преувеличены. Так, например, в 2008 г. среди всех лиц, совершивших преступления, удельный вес иностранных граждан и лиц без гражданства составил всего 3,1%, в том числе гражданами государств СНГ – 2,8%¹³.

Субъективные причины

В политике неудачливой власти искать «врагов» и травливать на них «народ» нет ничего нового. Это старо как мир. От древнеримского «Разделяй и властвуй» до советской борьбы с «врагами народа», «безродными космополитами», «убийцами в белых халатах», с «правыми» и «левыми»...

Что делать?

Знание факторов, провоцирующих ксенофобию, позволяет в принципе выстроить хорошо обоснованную систему мер противодействия ей. Но не просматриваются сегодня реальные основания для такого противодействия. Социаль-

11. Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004, №8, с. 73-78.

12. Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование Тюмень: Вектор Бук, 2007.

13. Состояние преступности в России за 2008 г. М., 2009.

но-экономический разрыв сверх богатого меньшинства и нищенствующего большинства не сокращается. Напротив, богатые становятся богаче, бедные беднее (если не абсолютно, то относительно). Доступ молодежи к профессиональному образованию, особенно высшему, сокращается. Недовольство взрослых и подростков увеличивается. Соответственно растет ненависть, которая так легко обращается против «иностранцев», за недоступностью собственной власти... Разрыв между властной «элитой» и «народом» достиг небывалых размеров. Нет и «политической воли», без коей в современной России ничего происходить не может...

Вместе с тем, вместо поиска («придумывания») «национальной идеи» следует формировать, воспитывать, прививать общечеловеческие ценности:

Абсолютная ценность каждой жизни (Veneratio vitae А. Швейцера).

Свобода как высшая ценность.

Ненасилие (без него – гибель, как индивидуальная, так и, в конечном итоге, человечества как рода).

Толерантность, терпимость – политическая, расовая, этническая, конфессиональная, идеологическая (без нее невозможно «ненасилие»).

Интернационализм или космополитизм (без него – нетерпимость).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ¹

*Право – это игорный дом властей,
преступление – их мышеловка.*

S. Henry, D. Milovanovic

Уголовное право: кому и для чего оно нужно? На первый взгляд, постановка вопроса является кощунственной вообще, для юриста – в особенности. Как это – кому? Всему обществу, населению, государству, всем честным и порядочным людям, никогда в жизни не совершающим преступления! Как для чего? Для защиты граждан от преступных посягательств. Ну, насчет «никогда никаких преступлений» мы еще посмотрим чуть позже. Также как «всем людям». А пока порассуждаем над поставленными вопросами.

Сразу оговорюсь: представленный ниже текст - не призыв к отмене уголовного закона. Это, к сожалению, не реально ни в современной России, ни в других государствах. Речь пойдет лишь о попытке понять – что есть уголовный закон, какие задачи он призван решать, каковы его реальные возможности, в чьих интересах он создается и функционирует. И еще: понимая различие между уголовным правом (в его нескольких ипостасях – как отрасль законодательства, отрасль права, отрасль знаний, включая учебную дисциплину) и уголовным законом², в интересах краткости я иногда буду употреблять эти термины как «синонимы» без специальной оговорки, имея в виду, как правило, уголовное законодательство.

Заметим, прежде всего, что в *реальной действительности*

1. Расширенный текст доклада на Международной конференции «Уголовная юстиция: связь времен» (6-8 октября 2010 г., Санкт-Петербург). См. также в: Российский криминологический взгляд. №1., 2011. С. 334-338.

2. См., например: Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб ГУ, 2006. С.11-15; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. СПб: МИЭП, 2009. С.11-17.

нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по содержанию, по своим внутренним свойствам, *sui generis, per se*. Преступление и преступность – понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договарятся» законодатели). Они суть – социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда или в случае крайней необходимости, обман государством своих граждан и т.п.³ А изнасилование может быть элементом обряда инициации, следствием средневекового правила *jus prima noctis* или же легальным, не криминализованным действием в отношении супруги (в некоторых государствах).

Осознание того, что многие привычные общественные явления не что иное как конструкции, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках во второй половине XX столетия⁴. И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется многими зарубежными криминологами⁵. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер⁶: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция,

3. Подробнее см.: Гишинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., переработанное и дополненное. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. С.34-46.

4. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.

5. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995; De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co, 1996, pp. 45-51; Hester S., Eglin P. A Sociology of Crime. NY-L.: Routledge, 1992, pp. 27-46; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. SAGE, 1996, p.13.

6. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»⁷.

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность* не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей», - утверждает М. Робинсон⁸.

Н. Кристи (Норвегия) убежден, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов⁹. А отсюда казалось бы парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*)¹⁰.

Не менее определенно пишут Филмер П., Филипсон М., Силверман Д., Уолш Д. в коллективной монографии: «Преступление – это юридическая категория... И в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон»¹¹.

Посмотрим на нескольких отечественных примерах «сконструированность» преступности, ее отдельных видов.

Немного истории. УК РСФСР 1926 г. Его Особенная часть начинается с печально знаменитой ст. 58, которая в действительности включает не менее 18 составов «контрреволюционных преступлений». Под последними понимается (ст.58-1 УК): «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов... или

7. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. N10, pp.63-80.

8. Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ: Pearson Prentice Hall, 2004, p.2.

9. Christie N. A suitable Amount of Crime. NY-L.: Routledge, 2004, pp. 10-11.

10. Christie N. Ibid., p.1.

11. Новые направления в социологической теории. М. Прогресс, 1978. С.97.

к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции». Столь широкая формулировка, дополненная не менее «гибкими» составами «контрреволюционных преступлений» позволила последовательно уничтожить десятки миллионов граждан СССР.

Ст.58-1а УК – «Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб [? – авт.] военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу [! – авт.]» карается расстрелом с конфискацией всего имущества (правда, при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества).

По своему замечательна ст.58-1в УК (особенно с учетом тезиса вождя всех времен и народов «Сын за отца не отвечает!»): «В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали [! – авт.] о ней, но не довели об этом до сведения властей» караются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества. Более того, «остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления» подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет!... А современные продолжатели славной советской традиции предлагают узаконить («сконструировать») взятие в заложники членов семьи террориста...

Ст. 58-3 УК – «Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями» карается расстрелом... А как быть с теми, кто ныне «шакалит у иностранных консульств»?

Что же касается ст.58-14 УК, то она сегодня грозила бы большинству отечественных чиновников (и не только): «Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное [! – авт.] их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственно-

го аппарата» (лишение свободы не ниже одного года, а при особо отягчающих обстоятельствах – расстрел).

Но УК 1926 г. полон и других волне искусственных, политически мотивированных конструкторов: «Хищнический убой и умышленное изувечение скота» (с.79 УК), «преступно-небрежное обращение с лошадьми и особенно с жеребями матками» (ст.79-4 УК), «кража электрической энергии» (ст. 163 УК), «пользование радиостанцией частного пользования» (ст.191 УК) и др.

А вот «преподавание малолетним или несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах» (ст.122 УК) неплохо бы криминализировать в современной России!

УК РСФСР 1960 г. отчасти избавился от излишков «контрреволюционных преступлений». Правда, сохранилась (конечно, помимо традиционных шпионажа, измены Родине, диверсии, вредительства) «антисоветская пропаганда и агитация» (ст.70 УК), а со временем появилась антидиссидентская ст.190-1 УК – «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», под коим при желании можно было понимать любую критику власти, любое с ней несогласие.

Из других шедевров-конструкторов можно вспомнить такое страшное преступление, как «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» (ст. 153 УК), а также «спекуляция, т.е. скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы» (ст. 154 УК), «скупка в государственных или кооперативных магазинах хлеба и других пищевых продуктов для скармливания скоту и птице» (ст.154-1 УК), «занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни» (ст. 209 УК). Последнее из названных «преступление» обрекало тысячи людей на скотскую жизнь, не говоря уже об осужденном к ссылке «тунеядце», а позднее Лауреате Нобелевской премии Иосифе Бродском...

Задачи, выдвигаемые российским законодателем перед уголовным законом, вполне приемлемы (п.1 ст.2 УК РФ). Осуществляться эти широко сформулированные задачи должны посредством (а) установления перечня деяний, признавае-

мых преступными и (б) установления наказаний за совершение этих деяний (п.2 ст.2 УК РФ).

И вот здесь начинаются проблемы.

Во-первых, какие деяния *столь* «общественно опасны», что должны быть криминализованы (возведены в статус преступления)? Насколько мне известно, четких критериев тому нет ни в отечественной, ни в мировой практике. Законодатель по собственному разумению (точнее, под давлением осознаваемых интересов власти, режима, учитывая исторический опыт, «требования народа», СМИ и т.п.) криминализирует те или иные деяния. И сразу же возникают вопросы *de lege lata*. Почему в России уголовным преступлением считается «оскорбление» (ст.130 УК)? Неужели это *столь* общественно опасное деяние, что заслуживает уголовного наказания и последующей судимости? А вот то, что криминализация оскорбления делает почти всех граждан России старше 16 лет, включая автора этих строк, уголовными преступниками – очевидно. Почему «уничтожение или повреждение имущества *по неосторожности*» (ст. 168 УК, выделено мною) признается преступлением? Административный проступок, гражданско-правовой деликт – да, но причем здесь уголовное право? А многие «преступления» главы 22 УК РФ (ст. ст. 171, 171.1, 174.1, 176, 177, 180, 190, 193, 198, 199.1 и др.), которые не случайно оказались «мертвыми», не применяемыми на практике? Так, в России за 2005-2009 годы были зарегистрированы «преступления», предусмотренные ст. 170 УК - от 1 до 11; ст. 184 УК – от 0 до 1; ст. 185 УК – от 0 до 6; ст. 185.1 УК – от 0 до 1; ст. 190 УК – 0 (за все пять лет) и т.п.¹²

Во-вторых, еще проблематичнее вопрос о наказании, его целях и их реализации. Согласно п.2 ст.43 УК РФ целями наказания являются: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Что касается «восстановления социальной справедливости», то абстрактной «социальной справедливости» не существует. Справедливость с чьей точки зрения? Власти? Потерпевших? Обвиняемых? «Народа»? «Восстановление социальной справедливости» либо красивые слова, либо воз-

12. Экстремизм и другие криминальные явления / под ред. А.И. Долговой. М.: РКА, 2008. С.220-224; URL <http://crimpravo.ru/page/mvdstatic/>

вращение к принципу талиона: «око за око, зуб за зуб».

Если говорить об *исправлении* осужденного, то никогда еще не удавалось никого «исправить» путем наказания. Это хорошо известно педагогам, психологам, да и практическим работникам правоохранительных и уголовно-исполнительных органов. Только очень наивные люди надеются на «исправление» осужденного в тюрьме (колонии). *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.*

Известно, что под предупреждением совершения новых преступлений понимается как частная превенция (чтобы осужденный не совершал новых преступлений), так и *общая* («дабы другим неповадно было»). Большие сомнения вызывает успешность достижения обеих превентивных функций.

О неэффективности частной превенции свидетельствует относительно постоянная доля рецидивной преступности. Именно на этом основании Т. Матисен провозгласил «кризис наказания»¹³. И в России уровень рецидивной преступности относительно устойчив: за период 1987-2007 гг. – от 20,9% в 1994 г. до 29,1% в 2007 г. без выраженной тенденции.

Неэффективность общего *предупреждения* подтверждается динамикой преступности во всем мире (включая Россию): чем больше «предупреждаем» преступления путем наказания осужденных, тем больше совершается преступлений... Известно, в частности, что после отмены столь «эффективной» и желанной для многих граждан и коллег смертной казни, количество преступлений, за которые она могла быть назначена, сокращается или остается неизменным (Австрия, Аргентина, Великобритания и др.).

В результате то, на что, прежде всего, нацелено уголовное право (уголовный закон): *сокращение преступности* путем частной и общей превенции, а также достижение «социальной справедливости» - не срабатывает. *Цели и задачи уголовного законодательства в принципе не достижимы.* «Действующая в современных условиях система уголовного права... не способна реализовать декларированные цели, что во многих странах откровенно определяется как кризис уголовной

13. Mathiesen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-L., 1974.

юстиции»¹⁴.

Единственный реальный эффект – избежать совершения нового преступления тем лицом, которое находится в пенитенциарном учреждении. Но только пока оно там находится. Ибо из уголовно-исполнительных учреждений общество получает назад либо того, кто и без лишения свободы не совершил бы нового преступления, либо человека озлобленного, искалеченного психически, а то и физически, утратившего навыки свободной жизни и готового к новым преступлениям. «Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие – вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества»¹⁵.

В чьих интересах устанавливается уголовный закон?

Хотя власти всех стран утверждают, что уголовный закон охраняет интересы всех граждан, в действительности он в первую очередь служит интересам правящей верхушки и лишь во вторую – интересам населения. В еще большей степени это относится к правоприменению. Селективность полиции и уголовной юстиции давно не является секретом.

Вообще именно политический режим, независимо от формы организации власти (республика президентская или парламентская, монархия абсолютная или ограниченная), определяет, в конечном счете, политическую жизнь страны, реальные права и свободы граждан (или же их бесправие), терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям», включая преступность и реальную политику в отношении «преступников».

Именно режим *конструирует* различные виды девиантности, включая преступность, определяет санкции в отношении девиантов (преступников), формирует отношение к ним населения.

Иначе говоря:

« в большинстве современных государств власть, режим (через законодательный орган) решает, что именно здесь и

14. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Проспект, 2009. С.31.

15. Жалинский А.Э. Указ. соч. С.18.

сейчас следует считать преступлением¹⁶;

◁ власть, режим определяет задачи, которые должно решать уголовное право (уголовный закон);

◁ власть, режим «рекомендует» законодателю структуру и объем деяний, подлежащих уголовному преследованию;

◁ власть, режим убеждают население – через СМИ, парламентские дебаты, выступления политиков – в целесообразности и полезности такого именно уголовного закона;

◁ власть, режим осуществляют через «правоохранительные» органы и уголовную юстицию «правильную» правоприменительную деятельность.

А как же «всеобщая» польза уголовного права? А также как равенство всех перед законом, гуманизм, справедливость и прочие красивые принципы российского (и не только) уголовного закона...

Кризис уголовного права, уголовного законодательства, наказания очевиден во всем мире. Об этом свидетельствуют, помимо многочисленных научных трудов¹⁷, сохранение смертной казни и столетние сроки лишения свободы в США. Об этом пишут немецкие правоведы¹⁸, иногда жестко ставя вопрос о несовместимости уголовного права с правами человека и гражданина¹⁹. Об этом очень корректно пишет в своей блестящей книге А.Э. Жалинский: «Необходимо выявить и правильно использовать механизм действующего уголовного права для достижения позитивных целей при обязательном уменьшении негативных последствий... Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание – это очевидный

16. О роли политического режима см.: Гилинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. С.39-65.

17. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007.

18. Например: Sieber U. Die Zukunft des Europäischen Strafrechts // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. B. 121, 2009.

19. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker und Humblot, 1988. S.3.

расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»²⁰.

Итак:

⟨ преступность и преступление – социальные конструкты;
⟨ они конструируются (в виде уголовного закона), прежде всего, в интересах власти, режима;

⟨ уголовное законодательство *вынужденно* существует, пока и поскольку общество не нашло иных адекватных средств защиты интересов общества и его граждан;

⟨ уголовное законодательство нуждается в принципиальных изменениях с учетом признания *неэффективности* наказания и понимания *вынужденного* характера *его сохранения* (минимизация криминализируемых деяний; безусловная законодательная отмена смертной казни; возможность применения лишения свободы – как высшей меры наказания – только за тяжкие насильственные преступления совершеннолетних, и др.);

⟨ необходима кардинальная реформа полиции (милиции), уголовной юстиции, уголовно-исполнительной системы, обеспечивающая выполнение новых требований уголовного закона.

20. Жалинский А.Э. Указ. соч. С.9, 15, 18, 56, 68.

КРИМИНОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

There are many criminologies and many criminologists²

Ray Michalovskj

1. С чего начиналась криминология.

«Криминологические взгляды» высказывались учеными, философами, политиками во все времена. Но криминология как наука началась с трех знаковых имен и дат: Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1761), Топинар, 1879 (введен в научный оборот термин «криминология»), Р. Гарофало «Криминология» (1885).

2. Место криминологии в системе наук.

Криминология как социология преступности является элементом (частью) социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как подсистемы социологии (наряду с социологией семьи, социологией города и др.).

3. Понятие преступности.

Никто не знает, что такое «преступность»... Но: «Преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно» (Э. Дюркгейм).

В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» по содержанию деяний, по своим *внутренним свойствам, sui generis, per se*. «Преступность» и «преступление» понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* (как договаряются законодатели). Они суть *социальные конструкторы*. Они конструируются властью (режимом), «обществом», СМИ³.

1. Опубликовано в: Криминология: вчера, сегодня, завтра. №1. 2010. С. 66-71.

2. Есть много криминологий и много криминологов.

3. Подробнее см.: The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp.179-337.

Это понимание широко распространено в современной криминологии: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности» (Л. Хулсман); «Понятие преступность есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность* не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей» (М. Робинсон).

Поэтому, по Н. Кристи, «Crime does not exist» («преступности не существует»). Поэтому возможно лишь «формальное» (не «сущностное») определение преступности: «Вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом» (J. Hagan).

Последствия конструирования:

◁ Легитимация «преступности» ведет к экспансии контроля над ней;

◁ «преступность» служит поддержанию (сохранению) властных отношений;

◁ концепция «публичных арен» *Хилгартнера*, Боска (1988): конкуренция между социальными проблемами (наркотизм – пьянство; «беловоротничковая преступность» – «организованная преступность»).

Проблема:

Каков механизм конструирования преступности. Кто конструирует? Почему конструирует? Как конструирует? Qui prodest? (кому выгодно).

4. Основные задачи криминологии.

Состояние и тенденции преступности.

Объяснение преступности («Кто виноват?»).

«Что делать?» (социальный контроль над преступностью). И – никакой борьбы!

Казалось бы, в 2007-2008 гг. наблюдается позитивная динамика общей преступности и наиболее тяжких преступлений. Но: «Ни одной цифре, которая публикуется официально МВД, я – сотрудник МВД, полковник милиции в отставке – не верю. Это бессовестная ложь» (М. Бабаев, март 2009).

Проблема:

Как считать? Как измерять? Как оценивать?

Некоторые данные о зарегистрированной преступности в России.

Годы	Кол-во зарегистрир. преступл.	Уровень (на 100 тыс. населения)	Число выявленных лиц	Число осужденных
1997	2 397 311	1629,3	1 372 161	1 013 431
1998	2 581 940	1759,5	1 481 503	1 071 051
1999	3 001 748	2026,0	1 716 679	1 223 255
2000	2 952 367	2028,3	1 741 439	1 183 631
2001	2 968 255	2039,2	1 644 242	1 244 211
2002	2 526 305	1754,9	1 257 700	859 318
2003	2 756 398	1926,2	1 236 733	773 920
2004	2 893 810	2007,2	1 222 504	793 918
2005	3 554 738	2477,6	1 297 123	878 893
2006	3 855 373	2700,7	1 360 860	909 921
2007	3 582 541	2519,0	1 317 582	916 479
2008	3 209 862	2263,6	1 256 199	-

В следующей таблице представлены некоторые сведения о зарегистрированных убийствах.

Годы	Умышленные убийства (с покушениями)		Годы	Умышленные убийства (с покушениями)
	Абсол. кол-во	Уровень		Абсол. кол-во
1985	12 160	8,5	1997	28 285
1986	9 437	6,6	1998	29 551
1987	9 199	6,3	1999	31 140
1988	10 572	7,2	2000	31 829
1989	13 543	9,2	2001	33 583
1990	15 566	10,5	2002	32285
1991	16 122	10,9	2003	31630
1992	23 006	15,5	2004	31553
1993	29 213	19,6	2005	30849
1994	32 286	21,8	2006	27462
1995	31 703	21,4	2007	22227
1996	29 406	19,9	2008	20567

5. «Причины» (факторы) преступности, или «Кто виноват?»

Нет «причин» (только в механике можно установить «причину – следствие»). Есть *факторы* (социальные, экономические, политические, демографические, культурологические, космические), влияющие на объем, уровень, структуру, динамику преступности. Но разный «вес» факторов в генезисе преступности.

К.Маркс, Р. Мертон, А. Кетле и др. о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности. «Классовые неравенства в обществе служат источником преступлений.... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений» (Турати). Теоретические положения о роли социально-экономического неравенства эмпирически подтверждаются исследованиями С.Олькова, И. Скифского, Э. Юзихановой⁴.

Углубление и глобализация социально-экономического неравенства усиливают деление стран, общества, групп, индивидов на «включенных» (included) и «исключенных» (excluded).

«Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего — Я.Г.) столетия примет метакод включени /исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние» (Н. Луман). Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.).

Проблема:

Установление иерархии факторов для видов преступлений. Мониторинг факторов наряду с мониторингом преступности.

6. «Что делать?»

На основе идеологических, политических, правовых концепций, разделяемых высшими органами государственной

4. Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004, №8, с. 73-78; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор-Бук, 2005.

власти, вырабатывается *уголовная политика* государства, как разновидность государственной политики.

Со второй половины XX в. в цивилизованных странах осознается «*кризис наказания*», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля.

◁ После Второй мировой войны во всем мире наблюдается рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции.

◁ Человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность *общей* превенции). Уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается — неэффективность *специальной* превенции (Т. Матисен, 1974).

◁ Длительное (свыше 5-6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к *необратимым* изменениям психики человека. *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.*

В цивилизованном мире:

◁ Безусловный отказ от смертной казни.

◁ Лишение свободы — «высшая мера наказания», применять которую надлежит в *крайних* случаях (при совершении *тяжких насильственных* преступлений в отношении *взрослых преступников*).

◁ Расширяется применение иных — альтернативных лишению свободы — мер наказания (ограничение свободы, в том числе, с применением электронного слежения; общественные работы; штраф и др.).

◁ *Краткосрочное* лишение свободы. Во всяком случае — до 3-5 лет, т.е. до наступления необратимых изменений психики.

◁ Достойный уровень существования заключенных, режим, не унижающий их человеческое достоинство.

◁ *Общество* прежде всего — больше, чем сами осужденные — заинтересовано в гуманной юстиции и пенитенциарной системе.

◁ Формирование и развитие *альтернативной*, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник — жертва», переход от «возмездной юстиции» (*retributive justice*) к юстиции восстанавливающей (*restorative justice*).

В России:

◁ Сохранение традиционной для советского тоталитар-

ного режима ориентации на «силовые» методы, «усиление борьбы», на репрессию.

◁ Ныне действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1997 года — *самый жестокий* за всю историю страны с 1917 г., включая законы сталинского режима.

◁ Крайне репрессивная правоприменительная практика.

◁ При этом в соответствии с положением России среди «развивающихся стран», уровень преступности в ней существенно *ниже*, чем в «развитых странах». Так, уровень преступности (на 100 тыс. жителей) был: в Великобритании (2001 г.) – 9814, в Германии (2004 г.) – 8037, в России (2008 г.) – 2263,6. Репрессивность сознания и практики наблюдается во многих странах.

Пытки в России

Некоторые виды пыток распространены в различных регионах России и подробно описаны в прессе («слоник» - применение противогаса с прерыванием дыхания, «ласточка» - растяжка на веревках, «распятие Христа» — название говорит за себя, «конвертик» — пытаемого складывают как конверт для отправки).

По результатам нашего исследования пыточной практики в пяти регионах России (2004-2006):

3.4% взрослого населения были жертвами пыток в 2004 в Петербурге и Нижнем Новгороде, 4.3% в Пскове, 2.8% в Коми, 3.6% в Чите.

5.9% взрослого населения Санкт-Петербурга в 2005 г. и 21.3% в течение всей жизни.

40-60% заключенных были жертвами пыток до приговора суда (во время следствия).

Проблема:

Разработка, принятие и *реализация* адекватной, реалистичной научно-обоснованной уголовной политики.

It is absolutely impossible...

Некоторые данные о количестве заключенных
на 100000 населения

	1990	2000	2005
Австрия	90	84	107
Бельгия	59	83	90
Чехия	80	208	186
Англия с Уэльсом	88	124	143
Эстония	220	325	327
Венгрия	119	157	162
Италия	45	94	102
Нидерланды	46	87	134
Польша	120	170	216
Россия	470	729	611
Швеция	61	64	78
США	465	685	738

АЛКОГОЛЬ И МЫ¹

Пить или не пить, вот в чем вопрос!

Не В. Шекспир

Человек выпивает рюмку, рюмка выпивает человека.

Народная мудрость

Алкоголь, как и наркотики, сопровождают человечество всю его письменную историю. В Древней Индии особой симпатией пользовался опьяняющий напиток — *сома*, считавшийся напитком богов. А древнеиндийская *сура* представляла собой, по-видимому, прообраз рисовой водки.

Это не удивительно. Стремление воздействовать на свое сознание присуще – в зародышевых формах – и животным. Достаточно вспомнить кошку и валерьяну, собаку, откапавшую какие-то корешки в лесу и, лежа на спине и задрав лапы, «ловящую кайф» при этом.

Следует различать *потребление* алкогольных напитков – известное тысячелетия и приносящее немалые радости людям, а в некоторых случаях обладающее лечебным эффектом; *злоупотребление* алкоголем или *пьянство*, влекущее противоправное поведение, нарушающее нормальную жизнь других людей, членов семьи, становящееся привычкой, чертой образа жизни; и *алкоголизм* (по Международной классификации болезней, — «синдром алкогольной зависимости») — заболевание, развивающееся в результате пьянства, проявляющееся в виде физической и психической зависимости от алкоголя и приводящее к психической и социальной деградации личности, патологии обмена веществ, внутренних органов, нервной системы. В мировой литературе, характеризуя «пьянство» и

1. Опубликовано в: Вестник Орловского государственного университета. 2010, №2.

«алкоголизм», предпочитают говорить именно о *злоупотреблении* алкоголем – *alcohol abuse*.

С одной стороны, если верить современной медицине, ежедневные 30-50 г. водки способствуют предупреждению инфаркта и инсульта, а 150-200 г. сухого красного вина рекомендуются при гипотонии. Да и 50-80 г французского коньяка в течение дружеской вечерней беседы – пожалуй, не такое уж и зло.

С другой стороны, пьянство, злоупотребление алкоголем – один из отвратительнейших пороков, разрушающий человека, его семейные, служебные, социальные связи, приводящий к полной деградации личности, а если это происходит в массовых масштабах – и общества в целом.

Проблемой являются пьянство и алкоголизм, тогда как потребление алкоголя «нормально» и не относится к девиантному (отклоняющемуся от социальных норм) поведению. Так, по результатам многочисленных исследований, в России изредка и умеренно потребляют алкогольные напитки 70-80% населения, лишь 3-5% – абсолютные трезвенники, 3-5% страдают алкоголизмом, 10-12% – злоупотребляют алкоголем.

Поскольку в русском языке отсутствует термин, обозначающий *злоупотребление* алкоголем как *социальное явление* (термин, аналогичный «преступности» или «наркотизму»), постольку мы вынуждены далее употреблять не вполне корректные понятия «пьянство» и «алкоголизм» - в его широком, не медицинском понимании.

Вообще, как полагал Гегель, «все действительное разумно» (имеет основания). Все, «неразумное», с точки зрения функционирования биологического рода, включая *Homo Sapiens*, элиминируется в процессе исторического развития. Алкоголь, как бы мы к нему ни относились, выполняет (как и наркотики, коим он по существу является) ряд *социальных функций*: анестезирующую, психостимулирующую (наряду с кофе, чаем), седативную, интегративную (вспомним наши застолья, банкеты, новогодний стол), протестную (для «униженных и оскорбленных» и вообще – аутсайдеров). А еще и статусную: одни пьют самогон или одеколон, другие – французский коньяк или шотландский виски... Поэтому потребление алкоголя и сохранилось с древнейших времен.

Другой вопрос, каковы последствия злоупотребления алкогольными напитками.

Для России пьянство — старая и все обостряющаяся проблема. К 1992-1993 гг. Россия вышла на первое место в мире по душевому потреблению алкоголя: 13,9-14,5 л абсолютно-го (100%) алкоголя в год на одного жителя страны, обогнав традиционного лидера — Францию (13,0 л)². Но на этом рост алкопотребления не остановился. «По официальным данным Роспотребнадзора (экспертные оценки даже выше), душевое потребление поднялось до 18 литров чистого алкоголя в год. Порог безопасности, определенный ВОЗ для любой страны в 8 литров, превышен, по крайней мере, вдвое — без принятия самых экстренных мер деградация России, ее народа неизбежна» (Н. Герасименко, академик РАМН, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья³). По упомянутым данным ВОЗ (Всемирной Организации Здравоохранения), при уровне душевого потребления алкоголя свыше 8 л начинается «необратимое угасание этноса»...

При этом *структура* потребления алкоголя в России самая неблагоприятная — водка и другие крепкие напитки, включая самогон (не говоря уже о денатурате, одеколоне и политуре). Напомним, различают три группы стран по видам алкогольных напитков, предпочитаемых населением: «винопьющие» (Франция, Италия, Испания, Португалия и другие винодельческие страны), «пивопьющие» (Чехия, отчасти Германия и Канада) и «крепкопьющие» (Скандинавские страны, Шотландия, Россия).

Страшные последствия массовой алкоголизации населения России, особенно жителей малых городов и сельской местности, связаны не только и не столько с давними традициями, сколько с тяжелейшими условиями бытия большинства населения в XX в., перешедшими в век XXI. За эти годы сложилась «антикультура» питания: «Стародавние питейные привычки в России носили застольный, праздничный характер, и были преимуществом мужчин. Выпивки женщин и молодежи долго оставались позором. В новейшей истории России доминирует

2. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. М., 1995. С. 14,70; Он же. Алкогольный урон регионов России. М., 2003. С.101.

3. Ж. «Российская Федерация», 2009, № 4.

новый стиль потребления, когда пьют и в праздники, и в будни, не только не закусывая, но часто даже не приседая. Или на ящике-таре вместо стола, на газетке вместо скатерти, среди мусора и грязи. Стали привычными выпивки женщин и подростков. Это питейное бескультурье носит массовый характер и является лишь поверхностным отражением деградационных процессов российского общества, прочно связанных с неумным потреблением спиртных напитков»⁴.

Очередные данные о «питейном бескультурье» приводятся в статье Н. Алякринской. «В ход идут средство для протирки стекол с ласковым названием «Максимка» и тонизирующее средство для ванн «Вдохновение», жидкости для разжигания костров «Веселый огонь» и «Астра», противорвотные средства для собак и свиней, препараты для травли бытовых насекомых и даже жидкость для размягчения копыт...»⁵.

И как результат – первое место в мире по уровню самоубийств (на 100 тыс. населения), одно из первых мест в мире по уровню убийств (после Колумбии и ЮАР), одна из самых низких в мире продолжительностей жизни (особенно – мужчин), один из самых высоких уровней смертности...

Вообще же вид предпочитаемых алкогольных изделий, допустимая «норма», ритуал потребления, реакция общества – существенно зависят от культурологических факторов. Хорошо известно, например, что в Древней Греции виноградное вино обычно пили, разбавляя водой. В средневековом Китае групповое пьянство могло караться смертной казнью. Современные японцы пьют свое саке как в охлажденном, так и в сильно подогретом виде (сам пробовал оба варианта – в Киото и Токио). Ритуал грузинского застолья (институт тамады, витиеватость тостов) стал заимствоваться другими народами, хотя перещеголять грузин еще никому не удалось. В современной Европе, США, ряде других стран тосты обычно не приняты. Максимум один-два в начале официального торжества. Россия занимает в этом отношении промежуточное положение между Грузией и Европой. Профессор Манфред Брустен (ФРГ), находясь в России и пользуясь нашим госте-

4. Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980-90-е годы. М., 2001. С.5.

5. Алякринская Н. После «тройного» не закусывают // Московские Новости, 2003.11-17 ноября. С.22.

приимством, тщательно записывал все произносимые тосты, требуя их перевод. А я, признаюсь, в англоязычной компании предлагаю шутя тост «Let's go!», то бишь «Поехали!».

Существуют некоторые культурально-демографические особенности питания.

Так, хорошо известно, что по всем формам девиантности пальму первенства держат мужчины. Не менее известно, что по большинству девиантных проявлений женщины постепенно «догоняют» мужчин. Не представляет исключения ситуация с потреблением алкоголя и его последствиями. Так, по данным ВОЗ, сто лет назад соотношение в мире злоупотребляющих алкоголем мужчин и женщин составляло 10:1, к концу XX в. это соотношение сократилось до 5:1, а по ряду стран до 2:1 (например, в Великобритании). Ускоренной алкоголизации женщин способствуют как эмансипация (все равны во всем!), так и «двойная занятость» женщин – трудовая и «домашняя смена». При этом следует иметь в виду, что женская алкоголизация более «злонакачественна»: женщины крайне неохотно обращаются за медицинской и иной помощью, а когда обращаются, - их лечение оказывается более затруднительным, чем представителей мужского пола. Кроме того, алкоголизация женщин болезненнее сказывается на семейных отношениях и, прежде всего, – на воспитании детей. Да, и с точки зрения обыденных представлений, женский алкоголизм «позорнее» мужского.

Потреблению алкогольных напитков «все возрасты покорны». Поскольку алкоголизм как заболевание развивается постепенно, постольку он поражает в основном лиц старше 30-40 лет. Однако алкоголизм «молодеет». По данным общероссийского опроса молодежи, проведенного Минобразования России по репрезентативной выборке в 2002 г., алкогольные напитки (включая пиво) потребляют 80,8% подростков и молодежи. За десятилетие, с 1993 по 2003 гг., возраст приобщения к алкоголю снизился с 16 до 13 лет. По данным популяционного исследования подростков Санкт-Петербурга в 1999 г., имели опыт потребления алкоголя до 95% респондентов. Из их числа возраст первой пробы алкоголя составил: до 7 лет – 3,7%, 8-10 лет – 8,4%, 11-13 лет – 23%, 14-16 лет – 53,9%,

17-19 лет – 10,9%⁶. Таким образом, большинство современных подростков – жителей крупного российского города знают вкус алкоголя с 14-16 лет. Между тем, ранняя алкоголизация особенно опасна: воздействие алкоголя на молодой организм приводит к более тяжелым медицинским и социальным последствиям; резко сокращаются сроки перерастания пьянства в алкоголизм (известен случай пивного алкоголизма у 6-летнего мальчика, которого отец брал с собой пить пиво и давал «попробовать» сыну); повышается вероятность криминального поведения; увеличивается риск рождения детей с физическими и психическими аномалиями у лиц, рано пришедших к алкоголю.

Жесткой зависимости между алкоголизацией и семейным статусом не установлено. Как тенденция отмечается некоторое преобладание разведенных среди пьяниц и алкоголиков. Однако характер этой зависимости сложен: иногда разводятся, потому что один из супругов – алкоголик, иногда же пьют от одиночества... Известно также, что 70-80% женщин, обратившихся за медицинской помощью в связи с невротическим состоянием, а равно большинство женщин, подающих в суд заявление о расторжении брака, ссылаются на пьянство мужа как повод для обращения.

Социальная неустроенность, неудовлетворенность жизнью тем вероятнее, чем ниже образовательный и зависящий от него социальный статус индивида. Неудивительно поэтому, что наблюдается вполне определенная тенденция: чем ниже уровень образования, тем выше риск алкоголизации. По сведениям Б.М. Левина и М.Б. Левина (Москва), А. Габини (Грузия), а также по нашим данным (Ленинград – Санкт-Петербург), большинство лиц, страдающих алкоголизмом (45-75%), а также доставленных в медвытрезвители (около 60%), имели начальное или неполное среднее образование. Однако следует иметь в виду, что лица с высшим образованием в аналогичных ситуациях чаще лечатся анонимно, а в медвытрезвители попадают значительно реже в силу характера и условий потребления алкоголя, а также используя «административный ресурс»...

Как и следовало ожидать, повышенный уровень алко-

6. Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. СПб, 2001. С.65.

лизации наблюдается среди представителей тех социальных групп, труд которых является малосодержательным, низкой квалификации или же монотонным (работа на конвейере), а также среди сельскохозяйственных рабочих.

Потребление и, главное, злоупотребление алкоголем – общемировая проблема, затрагивающая, прежде всего, развитые страны.

Злоупотребление алкоголем, как и другие формы ретризма («ухода»), является, в конечном счете, следствием смыслоутраты или отсутствия смысла существования, «экзистенциального вакуума» (В. Франкл⁷), заполняемого алкоголем или наркотиками за отсутствием возможностей (или желания) найти более достойное средство (интересная работа, творчество, увлечение чем-либо). Врачи-наркологи хорошо знают эту закономерность, утверждая: «Людей с хобби нет среди наших пациентов».

При бесспорном вреде пьянства и алкоголизма этому злу нельзя противодействовать запретительно-репрессивными мерами. Накоплен значительный мировой опыт ограничения или запрещения легальной торговли алкогольными изделиями и последствий таких запретов. Через так называемый «сухой закон» прошли многие страны: Исландия (1912-1923), Норвегия (1919-1926), Финляндия (1919-1932), некоторые регионы Канады (начало XX века). Однако распространившиеся в годы запрета торговли алкоголем контрабанда и самогонварение каждый раз заставляли правительства отменять «сухой закон». Так, в Финляндии контрабандисты в годы запрета ежегодно ввозили в страну до 6 млн. литров спирта. Наиболее известен по негативным последствиям «сухой закон» в США (1920-1932). Именно на его основе родилось массовое *бутлегерство* – нелегальная торговля алкоголем преступными организациями. К концу 20-х годов их доход достиг 2 миллиардов долларов в год. С отменой «сухого закона» криминал перепрофилировался на торговлю наркотиками... Так началась наркомафия.

Многочратно запрещалась или ограничивалась торговля алкоголем и в России – СССР: в 1914 г., 1917 г., 1919 г. Надо

7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

ли говорить, что все эти попытки запретить алкопотребление заканчивались провалом. Равно как «полусухой закон» 1986 года. Несмотря на улучшение некоторых демографических показателей, массовое самогоноварение и потребление заменителей – от одеколона и лосьонов до жидкости для чистки окон и тормозной жидкости – привели к провалу компании. Автор этих строк своими глазами видел в 1986 г. объявление в одном из сельских магазинов Ленинградской области: «Продажа питьевого одеколона производится с 16 часов»...

Это не означает отказа от разумной политики «*harm reduction*» – сокращения вреда от злоупотребления алкоголем (цирроз печени, ранняя смерть, утрата трудоспособности, «пьяная преступность», производственный травматизм, нравственная деградация и т.п.).

В настоящее время полный запрет на производство и продажу алкоголя существует лишь в ряде стран мусульманского мира (Иран, Египет, ОАЭ, штаты Бомбей и Мадрас в Индии). Но там это имеет рациональное основание в виде массового религиозного сознания мусульманского населения.

Приоритетными направлениями антиалкогольной политики являются *первичная* (общесоциальная) профилактика – улучшение условий бытия возможно большего числа жителей страны, создание условий для заинтересованного труда и разумного отдыха, повышение общей культуры населения, образовательного уровня, а также *вторичная* (специальная) профилактика – антиалкогольная пропаганда, формирование культуры питья и др. Важную роль играет и *третичная* (индивидуальная) профилактика – медицинская, психологическая, социальная помощь лицам, имеющим склонность к злоупотреблению алкоголем и страдающим алкоголизмом.

Одной из наиболее распространенных в мире форм помощи (самопомощи) лицам, страдающим от злоупотребления алкоголем, больных алкоголизмом, является движение «АА» – *анонимных алкоголиков* («*Alcoholics Anonymous*»). Считается, что оно возникло 10 июня 1935 г. в Акроне, штат Огайо (США), хотя аналогичные попытки предпринимались и раньше. Основная идея движения – оказание взаимной помощи лицами, имеющими проблемы с алкоголем, с целью удержания от его потребления. Одна из наиболее известных стратегий деятель-

ности АА – «12 шагов». Эти 12 принципов АА были институционализированы как Первая международная АА конвенция в 1950 г. в Кливленде.

Активное изучение проблем алкопотребления и алкоголизма и разработка государственной антиалкогольной политики в странах Скандинавии обусловлено высоким уровнем душевого потребления крепких алкогольных напитков. Существуют Северный Совет по алкоголю и наркотикам (The Nordic Council for Alcohol and Drug - NAD), выпускающий труды по результатам своих исследований (NAD Publication), журнал «Северные исследования алкоголя и наркотиков» («Nordic Studies on Alcohol and Drugs» – NAT).

Из национальных антиалкогольных стратегий можно назвать *шведскую*. Ограничения в торговле алкоголем существовали в Швеции с 1865 г., а некоторые действуют до сих пор. В частности, монополия на торговлю алкогольными изделиями, введенная в 1955 г., принадлежит одной единственной компании *System Bolaget* с разветвленной сетью магазинов. Компания полностью принадлежит государству, а доходы поступают в казну. Существует запрет рекламы алкогольных изделий; продажа их производится исключительно в специализированных магазинах *System Bolaget*. На витринах этих магазинов выставлены только вина (крепкие алкогольные напитки можно, конечно, купить, но специально спросив их у продавца). Вообще, по мнению сотрудников системы, их задача – приучить население употреблять только высококачественные вина. При этом цена алкогольных изделий достаточно высокая. Ведется активная пропаганда здорового образа жизни. Автор этих строк видел в Стокгольме плакаты, на которых девушка отталкивает руку молодого человека со словами: «Ты выпил!». Организована социальная, медицинская, психологическая помощь лицам, имеющим проблемы, связанные с алкоголем. Формы такой помощи весьма разнообразны. Медики помогают тому, кому еще можно помочь. «Безнадежные» престарелые алкоголики, от которых отказалась (или отсутствует) родня живут в бывшей графской усадьбе, расположенной в парковой зоне. У них есть все для благополучного существования, включая питание, комнаты на одного-двух человек, телевизор, настольные игры. И, конечно же, кафетерий в холле с постоянно горячим кофе (автор от-

ведал его). Что же касается пьяниц, наркоманов, проституток, оказавшихся ночью на улице в холодную погоду, то их могут поддержать бутербродом и чашкой горячего кофе из термоса волонтеры из общественных организаций, выходящих ночью на помощь. С молодыми членами одной из таких организаций — Ордена Тамплиеров автор ночью прошелся по улицам Стокгольма несколько лет тому назад. Правда, вступление в объединенную Европу существенно осложнило проведение национальной антиалкогольной политики в Швеции. Слишком большой соблазн съездить в соседнюю Данию или Германию...

Большое внимание уделяется антиалкогольной политике в Польше (братья-славяне тоже не без алкогольного греха). Работают исследовательские центры, разрабатывающие методики антиалкогольной пропаганды, начиная... с детского сада. С 1981 г. успешно работает товарищество «Монар» под руководством известного всей Польше Марека Котаньского — разработавшего и реализующего оригинальные методики ресоциализации зависимых людей. «Монар» имеет множество отделений по всей стране.

Особое значение приобрела необходимость разумной антиалкогольной политики в России. Это обусловлено тяжелой алкогольной ситуацией в стране, о которой говорилось выше. В настоящее время Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. №2128-р утверждена «Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года». Однако, во-первых, в ней тоже прописаны запреты, которые, с моей точки зрения, малоэффективны и способны только породить нелегальную торговлю, расширение поля деятельности организованной преступности и коррупции (это не исключает разумного запрета продажи алкоголя несовершеннолетним). Во-вторых, надо посмотреть, как реально будут воплощаться в жизнь благие намерения. Ведь давно известно, что «в России суровость законов умеряется необязательностью их исполнения» (П.А. Вяземский).

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

*Трезвая оценка положения может привести
к страшному подозрению – возможно, ... что дети
и молодежь не имеют важного значения.*

Н. Кристи

Исходные представления

Известно, что подростки и молодежь характеризуются повышенной криминальной активностью (если иметь в виду «обычную» преступность, *street crime*, а не «беловоротничковую»). Вместе с тем, как принято считать, они - будущее любой страны, от их привычного поведения, образа жизни, личностных качеств зависит и судьба общества, государства. Не удивительно поэтому, что подростково-молодежной преступности уделяется столь большое внимание в отечественной и зарубежной литературе — криминологической, социологической, психологической, педагогической.

Хотя и важная роль подростков и молодежи для будущего страны, и их повышенная криминальная активность являются фактом, однако эта проблема не столь проста и однозначна.

Во-первых, относительно негативная оценка взрослыми поведения детей, подростков, молодежи наблюдается на протяжении всей истории человечества. «Конфликт поколений» присущ не только новой истории.

Старшие поколения всегда не довольны младшими, а те отвечают взаимностью.

Во-вторых, подростково-молодежному возрасту закономерно присуща повышенная активность, проявляющаяся

1. Опубликовано в: Криминалист. №2 (7). 2010. С. 84-90.

как в негативных (относительно высокая криминализация, наркотизация, сексуальные девиации), так и в позитивных (художественное, техническое, научное творчество) проявлениях девиантности. Дети, подростки, молодые люди обладают высокой энергетикой, стремлением «открыть» или сделать что-то новое, ранее неизвестное, *самоутвердиться в инновационной деятельности*. Но за все приходится платить. Поиск молодых приводит и к творческим достижениям, и к негативным девиациям, включая преступность. Да и гибнут дети, подростки, молодые люди чаще, чем им «положено» по возрасту (высокая виктимность).

В-третьих, взрослые, предъявляя повышенные требования к поведению подрастающего поколения, сами нередко ведут себя не лучшим образом по отношению к нему. И если мы справедливо осуждаем тяжкие преступления, совершаемые подростками, то как оценить детскую безнадзорность, заброшенность, а то и прямое насилие над детьми и подростками со стороны взрослых, включая их родителей, родственников, учителей?² Никакие заклинания не сократят преступность и иные негативные девиации подростков без изменения отношения к ним взрослых людей – родителей, учителей, работников правоохранительных органов, населения в целом. Не случайно специалисты утверждают: «Не бывает трудных детей, есть трудные взрослые».

Определимся с некоторыми понятиями.

Термин «*подростки*» нами используется инструментально, не очень строго и определяется возрастным интервалом 14–17 лет, исходя из того, что нижний возрастной порог уголовной ответственности в России – 14 лет, а с 18 лет наступает совершеннолетие. По другим источникам подростковый возраст ограничивается 12–16 годами³.

Не менее условно и понятие «*молодежь*». Для нас это возрастная группа 18–29 лет, что примерно соответствует как со-

2. Ефремов А.Н. Жертвы жестокости – дети. М.: Педагогика, 1985; Пудовочкин Ю.Е. Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. Ростов-на-Дону, Ставрополь, 2004; Черная книга преступлений против детей в Санкт-Петербурге: Факты, документы, комментарии СПб.: Детский фонд им. Ф.М. Достоевского, 1994.

3. Например: Гвишиани Д.М., Лапин Н.И. (ред.) Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1989. С.231.

циологическим представлениям, так и возрастным показателям уголовной статистики.

Переходя к генезису подростково-молодежной преступности, заметим, прежде всего, что она подчиняется общим закономерностям. Нет каких-то особых, специфических «причин» преступности подростков и молодежи. Но социально-экономическое неравенство, неравенство возможностей, доступных людям, принадлежащим к различным группам (стратам), своеобразно проявляется применительно к подросткам и молодежи.

Во-первых, во всех обществах понятия «старший» и «младший» означают не только возрастные, но и статусные различия. «Понятие «старшинства» имеет не только описательное, но и ценностное, социально-статусное значение, обозначая некоторое неравенство или, по меньшей мере, асимметрию прав и обязанностей. Во всех языках понятие «младший» указывает не только на возраст, но и на зависимый, подчиненный статус»⁴. Различия возрастные оборачиваются социальным неравенством. Это, судя по высказыванию Н. Кристи, взятому в качестве эпиграфа к этой статье, характерно для всех стран. И в российском обществе дети, подростки, молодежь страдают не только от непонятости, заброшенности, репрессивных мер «воспитания», но и от неравенства положения, неравенства шансов — по сравнению со взрослыми — получить жилье, работу, вознаграждение за нее, защитить свои интересы. Подростки отличаются не только повышенной девиантностью, но и повышенной виктимностью (способностью стать жертвой).

По данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) ежегодно только по официальным данным в мире погибают в результате насилия порядка 31000 детей в возрасте до 15 лет. В России только в 1998 г. были выявлены 103360 несовершеннолетних, потерпевших от преступных на них посягательств. В результате погибли 3670 подростков, тяжкий вред здоровью причинен 6626 несовершеннолетним. 19586 подростков были вовлечены взрослыми в совершение преступлений, зарегистрировано 44164 факта доведения до алкогольного опьянения, 1653 случая развратных действий, 349

4. Кон И. Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988. С.85.

фактов полового сношения и иных действий сексуального характера с детьми⁵. По данным уголовной статистики, за период 1997 - 2003 гг. ежегодно число зарегистрированных преступлений против несовершеннолетних колебалось от 48 до 69 тыс. человек⁶. В 2008 году в нашей стране были убиты 1700 детей, а с января по сентябрь 2009 года – более 500⁷. И это – при очень высокой латентности таких деяний по отношению к подросткам.

Почти половина всех погибших в России в возрастной группе от 10 до 29 лет скончались от ножевых ранений, говорится в докладе Европейского отделения ВОЗ. Уровень насилия, у нас оказался самым высоким среди 53 стран, в которых проводилось исследование, – 16 человек на 100 тысяч молодых людей. На втором месте стоит Албания, 11 смертей на 100 тысяч человек, на третьем – Казахстан – 10,66 на 100 тысяч жителей. Германия, где недавно произошли громкие убийства в школах, оказалась одной из самых благополучных стран, говорится в докладе «О предупреждении преступности связанной с применением холодного оружия». Его авторы пришли к выводу, что поводом для поножовщины чаще всего становится межличностные конфликты, и хуже всего с этим обстоят дела в странах со средним и низким доходом населения, к которым относится и Россия, именно там происходит 9 из 10 убийств зарегистрированных в Европе. Жертвами таких стычек чаще всего становятся мужчины, но каждое пятое преступление приводит к смерти девушки⁸.

Во-вторых, противоречия между наличными (и постоянными) потребностями людей и неравными возможностями их удовлетворения приобретают особенно острый характер применительно к подросткам и молодежи. Бурное развитие их физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желание самоутвердиться в мире взрослых вступает в противоречие с недостаточной социальной зрелостью, отсутствием профессионального и жизненного опыта, не-

5. Забрянский Г.И., Емельянова Л.В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году: Аналитический обзор. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С.45-46.

6. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против несовершеннолетних. Указ. соч. С.39.

7. <http://www.newizv.ru/news/2010-03-17/123412/>

8. <http://lenta.ru/news/2010/09/22/homicide/>

высокой квалификацией (или отсутствием таковой), а, следовательно, и невысоким (неопределенным, маргинальным) статусом. Многочисленными социологическими исследованиями выявлена неудовлетворенность подростков и молодежи условиями обучения и труда, жилищными условиями, возможностями проявить себя в творческой деятельности. Эта неудовлетворенность объясняется объективными обстоятельствами, а не «капризами» молодых.

В-третьих, применительно к подросткам остро стоит проблема «канализирования» энергии, социальной активности в общественно одобряемом или хотя бы допустимом направлении, ибо молодость особенно нуждается в социальном признании, самоутверждении опять же при недостаточных возможностях. Неудовлетворенная потребность в *самоутверждении* приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве (что достаточно сложно), но и в негативных формах активности («комплекс Герострата») – насилии, преступлениях (что «проще») или же приводит к ретретизму («уходу» - в алкоголь, наркотики, из жизни). Может быть раньше других это осознали писатели. «Агрессивность молодежи является своеобразной формой самозащиты», пишет Хови⁹. «Преступления, хулиганство – все эти явления, в которых находит себе выход нерастратенная энергия молодежи», вторит ей Дж. Уэйн¹⁰. А известный петербургский писатель Д. Гранин, познакомившись еще в советские времена в Англии с миром зажиточных, благополучных и законопослушных обывателей, восклицает: «И, представив себе такую жизнь, я ощутил желание взбунтоваться... Как угодно, но я другой, я отдельно! Нацепить на себя дурацкий колпак с бубенчиками, повесить на шею череп, дохлую кошку!»¹¹.

Фундаментальное противоречие между потребностями и возможностями, может быть конкретизировано применительно к несовершеннолетним в современном российском обществе, как это делает Г. Забрянский¹²:

9. Хови. Стремление маленькой мошки // Иностранная литература, 1968. №7. С.184.

10. Уэйн Дж. Зимой в горах // Иностранная литература, 1972. №5. С.235.

11. Гранин Д. Примечание к путеводителю. Л.: Лениздат, 1967. С.235.

12. Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997. С.77.

◁ противоречие между целями, к которым общество призывает стремиться подростков, и теми легальными возможностями, которые оно им предоставляет для их достижения;

◁ противоречие между расширением возможностей выбора в различных сферах жизнедеятельности и сужением легальных средств реализации этих возможностей;

◁ противоречие между расширением потребностей в квалифицированном, престижном и высокооплачиваемом труде и ограниченными возможностями их удовлетворения;

◁ противоречие между стремлением к богатству и ощущением невозможности его достижения легальными способами;

◁ противоречие между необходимостью усиления социальной и правовой защиты несовершеннолетних и ограниченными материальными возможностями общества.

Названные (и неназванные) противоречия обостряются в современной России, когда для большинства подростков резко сократились реальные возможности поступления в престижные школы, вузы, получения интересной работы, самутверждения в самостоятельном творчестве. И опять это чутко улавливают представители творческих профессий. Режиссер В. Ахадов пишет: «Пришло поколение, у которого как будто нет будущего. Все уже распределено. И дальше у детей будет то же, что уже есть у родителей. Но огромное количество молодых людей – без перспективы жизни, возможности чего-то достичь, к чему-то приложить силы. Их много... Это страшноватое явление»¹³.

Будучи непонятыми взрослыми, подростки объединяются в группы, образуют подростковую *субкультуру* со своими ценностями, нормами, интересами, языком (сленгом), символами, которая далеко не всегда отличается законопослушностью.

Если под *культурой* понимать специфически человеческий *способ жизнедеятельности*, обеспечивающий социальное наследование, а под *образом жизни* – относительно устойчивые, типичные для конкретного общества (группы, класса) формы жизнедеятельности, то сообщества с преобладанием ценностей, норм, образцов поведения, отличных от господствующих в обществе («общепринятых») образуют *ценност-*

13. «Новая газета», 20-23.12.2007. С. 18.

но-нормативные субкультуры (богемную, наркотическую, религиозно-культовую, криминальную и др.).

Субкультура формируется в результате интеграции людей, чьи взгляды, деятельность и образ жизни противостоят (не соответствуют) господствующим в обществе или провозглашаемым и принимаемым им, а потому им отвергаются (попираются, преследуются). *Социально-экономические* предпосылки образования субкультур – социальная неоднородность, неравенство, несправедливость, «социальная неустроенность» индивидов¹⁴. *Социально-психологические* факторы формирования субкультурных сообществ – потребность людей в объединении, психологическая защита, потребность быть «понятым», самоутверждение среди себе подобных. «Вообще они бегут не «куда», а «откуда». От нас они бегут, из нашего мира они бегут в свой мир... Мир этот не похож на наш и не может быть похож, потому что создается вопреки нашему, наоборот от нашего и в укор нашему. Мы этот их мир ненавидим и во всем виним, а винить-то надо нам самих себя»¹⁵.

Субкультурные сообщества тем более сплочены и отличны от господствующей культуры, чем более жестко и категорически ею отвергаются.

Подростковая субкультура и делинквентная или криминальная подростковая субкультуры не одно и то же. Так, например, подростковой субкультуре в целом могут быть присущи некоторые общие языковые особенности, относительно негативное или настороженное отношение ко взрослым, предпочитаемые виды досуговой деятельности (дискотеки, «тусовки» и др.), одежды, даже питания и напитков (автор хорошо помнит, как в его школьные годы сверстниками предпочитались крепленые вина, а в студенческие годы – исключительно «сухое» вино, даже если оно не нравилось по вкусу).

Делинквентная (или девиантная) субкультуры неоднородны. Так, Р. Клауорд и Л. Оулин различают ретретистскую (чаще

14. Под «социальной неустроенностью» нами понимается несоответствие между личностными свойствами, характеристиками индивида и требованиями занимаемой им социальной позиции (мещанин во дворянстве, дурак в министерском кресле, талант на должности исполнителя или сторожа).

15. Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или сорок лет спустя // Юность, 1988. №6. С.31.

всего — наркотическую), конфликтную и преступную субкультуры¹⁶. Г. Забрянский, на основе отечественного опыта, предлагает сложную классификацию подростковых групп¹⁷. По критерию «отношение группы к обществу» различаются группы позитивно направленные, нейтральные и негативно направленные («асоциальные»). Ясно, что криминологию интересуют асоциальные группы. Они различаются, прежде всего, по содержанию «асоциальной» деятельности: нарушающие моральные нормы; нарушающие правовые нормы, кроме уголовных; предкриминальные и криминальные или преступные. Критериями вторичной классификации служат место формирования (город или деревня, определенные районы города и т.п.) и степень открытости групп (открытые, полужакрытые, закрытые).

Конкретные условия, местные особенности формирования (от Чикаго 30-х годов до «Казанского феномена» 80-х годов минувшего столетия) и деятельности подростковых криминальных групп были предметом многочисленных исследований отечественных и зарубежных авторов¹⁸.

Определенное значение в генезисе подростковой преступности имеют и биологические факторы. Так, в период полового созревания (от 11-13 лет до 15-17 лет) «у подростков сразу появляется сильное стремление к самостоятельности, ... проявляются негативизм и упрямство. Подросток чувствует неуклонную тенденцию суверенной самостоятельности и беспощадного отрицания всего до сих пор существовавшего»¹⁹. Ясно, что это может способствовать совершению девиантных поступков.

Вообще же перечень факторов, влияющих на девиантность подростков, не ограничен и открыт для дополнений.

16. Клауорд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С.334-354.

17. Забрянский Г. Социология преступности несовершеннолетних. Указ. соч. С.119-143.

18. Салагаев А.Л., Максудов Р.Р. Подросток в городе: проблемы социализации. Казань: КГУ, 1988; Салагаев А.Л. Молодежные субкультуры. Казань: КГУ, 1997; Яблонский Л. Шайка делинквентов как промежуточная группа. В: Социология преступности. Указ. соч. С.355-366; Thrasher F. The Gang. Chicago: University Press, 1936; White W. Street Corner Society. Chicago: University Press, 1943.

19. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. С.423-424.

Из сказанного следует, что проблема подростковой преступности (вообще девиантности) коренится в социально-экономических условиях бытия, что она не может «решаться» не только уголовно-правовыми мерами, но и запретительно-репрессивными методами родительского или школьного «воспитания».

Криминологический анализ преступности несовершеннолетних

Имеется обширная литература о преступности несовершеннолетних (14-17 лет) в России и ее регионах²⁰.

Наиболее общие сведения о преступности несовершеннолетних представлены в табл. 1. Как явствует из приведенных данных, количество зарегистрированных в России преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, выросло с 1987 г. (наиболее «благополучного» за последние 15 лет) по 1999 г. в 1,8 раза, уровень этих преступлений вырос в 1,4 раза, тогда как доля в общем количестве преступлений сократилась – в 2,1 раза. Последнее обстоятельство объясняется тем, *что темпы роста преступности несовершеннолетних были существенно ниже темпов роста всей преступности* (с 1987 по 1999 гг. количество и уровень всех преступлений выросли в 2,5 раза).

Начиная с 2000 г. наблюдается постепенное сокращение объема (общего количества) зарегистрированных преступлений с участием несовершеннолетних (в 2,1 раза), в меньшей степени – уровня (на 100 тыс. несовершеннолетних в популяции) и доли в общем объеме преступности (в 1,3 раза).

Эти данные свидетельствуют о том, что некоторые высказывания СМИ и популистских политиков о непрекращающемся росте преступности несовершеннолетних не соответствуют, по крайней мере, официальной статистике. Другой вопрос, насколько достоверны эти сведения.

20. Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Краснодар: Кубанский ун-т, 1979; Забрянский Г.И. (1997) Указ. соч.; Забрянский Г.И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности: (статистико-криминологическое исследование). М.: Рудомино, 2000; Комарницкий А.В. Проблемы преступности несовершеннолетних: история и современность. СПб.: Юридический институт, 2007; Минина С.П. Преступность несовершеннолетних. СПб.: Юридический институт Ген. прокуратуры РФ, 1998; и др.

	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Количество зарегистрированных преступлений	116149	133422	159976	162718	173375	199291	225740	221649	209777	202935	182798	189293
Уровень (на 100 000 жителей в возрасте 14-17 лет)	1510	1691	1965	1974	2079	2405	2637	2563	2402	2295	2030	2029
Доля (%) в общей преступности	19,9	15,4	18,0	17,2	17,0	16,4	16,2	14,0	12,0	11,0	10,9	10,3
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	
Количество зарегистрированных преступлений	208313	195426	185379	139681	145368	154414	154734	150264	139099	116090	94720	
Уровень (на 100 000 жителей в возрасте 14-17 лет)	2183	2012	1877	1416	1489	1582	1672	1761	1782	1487*	1213*	
Доля (%) в общей преступности	9,6	8,9	9,0	9,1	9,6	9,8	9,1	8,4	7,8	8,6	7,0	

Таблица 1. Основные показатели преступности несовершеннолетних (1987 – 2009). Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения. Статистический сборник». М.: МВД РФ, МЮ РФ. *Расчетные данные.

Характеристика отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием представлена в табл. 2. Как видно из приведенных данных, с 1987 г. по 2003 г. *возрастает* доля несовершеннолетних в совершении таких *тяжких насильственных* преступлений как умышленное убийство (в 2,7 раза) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (в 2,9 раза) при *сокращении* доли несовершеннолетних в изнасилованиях и всех преступлениях *против собственности*. За 2004-2007 гг. наблюдается сокращение удельного веса несовершеннолетних по всем исследуемым преступлениям. Насколько устойчива эта тенденция – покажет будущее. «Вклад» несовершеннолетних во взяточничество и преступления, связанные с наркотиками, незначителен и довольно стабилен.

Последние сведения (осень 2010 г.) заставляют предположить, что в России тяжкие насильственные преступления со стороны подростков и молодежи вновь растут, что вызывает тревогу европейского сообщества.

В целом более «благоприятные» тенденции преступности несовершеннолетних по сравнению со взрослой преступностью гипотетически могут объясняться относительно лучшей адаптацией несовершеннолетних к современным условиям российского бытия. Однако, во-первых, за счет чего происходит эта «адаптация»: в результате большей наркотизации? Ухода в криминальные структуры, латентность деятельности которых очень высока? Во-вторых, не есть ли это последствия более высокой латентности преступлений несовершеннолетних?

Общая характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления в России, представлена в табл. 3. Доля девушек среди несовершеннолетних преступников в России относительно стабильна – 7-9% без выраженной тенденции (доля женщин среди преступников всех возрастов 11-17%). Доля 14-15-летних среди несовершеннолетних преступников в России колеблется от 27,7% в 2000 г. до 32,8% в 1991, 1993 гг. Их криминальная активность, разумеется, ниже, чем 16-17-летних. Доля рабочих и работников сельского хозяйства среди подростков, так же как и среди всех лиц, совершивших преступления, неуклонно снижается, что легко объяснить сокращением этих категорий в населении страны. Доля же

лиц, не имеющих постоянного источника доходов, выросла с 1991 по 1999 г. с 23 до 43,3% с последующим сокращением до 29,7% в 2007 г. Таким образом, одна треть – половина подростков, совершивших преступления, относится к числу «исключенных» (*excluded*). Постоянно высок процент групповой преступности несовершеннолетних с некоторым снижением в конце рассматриваемого периода.

Подробный анализ *региональных* особенностей преступности несовершеннолетних представлен в упоминавшихся трудах Г. Забрянского.

Он делит регионы Российской Федерации по коэффициенту криминальной пораженности несовершеннолетних на шесть групп (классов): *низкой* криминальной пораженности (от 481,5 до 1135,4 зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения соответствующего возраста – 14-17 лет), в которую входят пять республик Северного Кавказа, Ульяновская область и Москва; *низко-средней* криминальной пораженности (от 1266,5 до 1523,1), куда входит десять регионов; *средне-низкой* пораженности (от 1577,1 до 2195,8) – 24 региона, включая Санкт-Петербург; *средне-высокой* пораженности (от 2324,7 до 3113,3) – 22 региона; *высоко-средней* пораженности (от 3075,1 до 3525,1) – 9 регионов; *высокой* криминальной пораженности несовершеннолетних (коэффициент от 3633,5 до 4584,1) – 6 регионов (Бурятия, Томская, Новосибирская, Сахалинская области, Хабаровский край, Еврейская АО). Таким образом, наблюдается разрыв между наиболее и наименее благополучными регионами в десять раз.

Далее Г. Забрянский соотносит вышеназванные группы с экономическими районами России. Экономическими районами с низкой криминальной активностью несовершеннолетних оказались Северо-Кавказский (коэффициент 1104,1), Поволжский (1473,0), Центрально-черноземный (1613,0) и Центральный (1792,1). Районы со средней криминальной пораженностью – Волго-Вятский (1991,6), Северо-Западный (2467,5), Уральский (2362,3), Западно-Сибирский (2457,5) и Северный (2630,1). К экономическим районам с высокой криминальной пораженностью подростков относятся Восточно-Сибирский (2881,2) и Дальневосточный (3396,7). Надо ли говорить, что криминальная активность несовершеннолетних достаточно точно отражает социально-экономические усло-

Год	Умыш-ленные убийства с покушениями	Умыш-ленное причинение тяжкого вреда здоровью	Изна-силование (с покушениями)	Раз-бой	Гра-беж	Кра-жа*	Взя-точ-ниче-ство**	Престу-пления, связан-ные с нарко-тиками
1987	2,9	3,3	32,6	20,5	34,4	36,9	0,3	9,6
1989	4,3	4,0	31,7	21,6	38,7	42,2	0,1	9,8
1991	4,1	3,8	25,4	19,4	33,6	30,9	0,2	9,3
1992	4,0	3,8	23,7	20,0	32,2	26,8	0,2	8,7
1993	4,8	4,8	22,5	21,7	31,4	24,0	0,3	8,0
1994	5,4	5,4	22,4	21,0	29,8	21,0	0,1	7,1
1995	5,9	5,4	20,8	19,7	28,2	19,5		7,3
1996	5,6	5,7	20,1	18,3	26,7	18,5		7,6
1997	5,7	5,7	16,0	16,5	24,3	18,1		8,6
1998	5,2	5,7	15,1	15,3	23,6	17,4		7,2
1999	5,5	6,1	14,2	14,7	21,9	16,2		5,7
2000	6,3	6,9	15,1	16,5	21,7	16,2		5,0
2001	7,5	8,4	16,6	17,2	21,2	17,4		4,2
2003	7,9	9,7	16,5	18,5	24,0	20,7		4,6
2004	7,4	9,3	16,6	18,2	23,7	19,9		4,3
2005	6,9	8,2	15,9	17,4	23,8	18,1		3,8
2006	6,5	7,5	14,4	17,1	23,3	17,8		3,5
2007	5,2	6,8	13,5	16,2	21,5	16,6		3,2

Таблица 2. Доля несовершеннолетних, совершивших различные преступления в России, в общем количестве преступлений.

Примечания: *До 1989г. – только личного имущества граждан

** С 1995г. не учитывается в связи с незначительным удельным весом

Год	Всего	В том числе										безработные	совершившие преступления в группе	в сост. алк. опьянения	в сост. наркот. возбудения*
		Муж.	Жен.	14-15 лет	16-17 лет	работчие	Работники с/х	учащиеся	студенты	без постоянно-источника дохода					
1991	159461	92,7	7,3	52,8	67,2	23,9	2,1	46,5	2,9	23,0		68,4	17,1	0,2	
1992	188186	93,1	6,9	31,5	68,5	20,0	1,9	43,5	2,6	30,0		68,0	17,6	0,3	
1993	203826	92,8	7,2	32,8	67,2	13,3	1,6	39,9	2,1	29,4	2,0	64,9	25,9	0,5	
1994	200954	91,9	8,1	32,4	67,6	11,8	1,1	30,6	2,3	33,3	2,3	65,0	28,4	0,4	
1995	208096	91,4	8,6	33,2	66,8	10,8	0,5	42,0	2,2	40,4	2,9	62,0	27,8	0,4	
1996	192199	91,0	9,0	32,6	67,4	8,8	0,4	44,7	2,3	41,1	2,7	60,9	26,2	0,6	
1997	161978	92,0	8,0	28,3	71,7	6,9	0,8	46,3	2,5	41,1	3,2	64,0	23,3	0,8	
1998	164787	92,2	7,8	28,4	71,6	5,5	0,6	48,6	2,7	42,9	3,2	64,3	19,6	0,8	
1999	183447	91,8	8,2	27,9	72,1	4,5	0,4	48,1	3,0	43,3	2,1	65,8	16,9	0,6	
2000	177851	91,4	8,6	27,7	72,3	5,0	0,5	47,1	3,0	32,4	2,3	64,2	16,9	0,5	
2001	172811	91,8	8,2	30,0	70,0	5,3	0,4	46,0	3,1	33,3	2,5	63,5	18,0	0,4	
2002	140392	92,1	7,9	28,6	71,4	5,2	0,3	45,9	3,5	33,5	2,4	60,9	21,5	0,3	
2003	145599	92,3	7,7	29,7	70,3	4,7	0,3	46,9	4,0	32,7	2,4	58,5	20,1	0,3	
2004	151890	92,1	7,9	30,3	69,7	3,9	0,2	47,8	4,0	32,7	2,3	56,0	16,1	0,2	
2005	149981	91,4	8,6	29,7	70,3	3,5	0,2	48,6	4,5	32,2	2,5	53,7	14,3	0,2	
2006	148595	90,7	9,3	29,7	70,3	2,9	0,1	50,6	5,1	30,5	2,2	48,7	12,3	0,2	
2007	131965	90,3	9,7	28,9	71,1	3,0	0,1	52,7	5,5	29,7	2,0	48,1	10,6	0,3	

Таблица 3. Характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления в России*.

Примечания: *Сведения о служащих не указываются, поскольку их доля ниже 0,1-0,2% ежегодно.

вия существования регионов?

Интересно, что последующий анализ региональных особенностей наказания несовершеннолетних выявил несоответствие «тяжести» криминальной пораженности и «активности» уголовной юстиции в 36,8% случаев²¹, что лишний раз наводит на размышление о неадекватности социальной реакции на преступность и ее интенсивности.

21. Забрянский Г.И. (2000) Указ. соч. С.98.

ТЕРРОР И ТЕРРОРИЗМ: ЧТО НАМ УГРОЖАЕТ?¹

*Враги теперь в смешавшейся крови
Лежат, и пыль уста их покрывает,
И мощно смерть соединила их –
Непобедившего с непобежденным.*

Эврипид

Терроризм (terror – лат. страх, ужас) — одна из серьезнейших современных глобальных социальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Между тем, как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма и в общественных науках. Вот некоторые из имеющихся определений (всего их насчитывается свыше ста):

◁ «форма угрозы насилем или применения насилия по политическим мотивам»²;

◁ «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»³;

◁ «насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей»⁴;

◁ «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»⁵;

◁ «метод политической борьбы, который состоит в систе-

1. Опубликовано в: История. Право. Политика. №2. 2010 С. 93-95.

2. Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. Band 16. S. 59-60.

3. Шнайдер Г. Й. Криминология. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 439.

4. Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. С.40.

5. Laquer W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. P.79.

матическом применении нечем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников»⁶.

Из приведенных определений вырисовываются *два основных признака терроризма*:

- ◁ применение или угроза применения *насилия*;
- ◁ его политическая *мотивация*.

Но есть еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов* террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц ради достижения отдаленного объекта – удовлетворения политического (экономического, социального) требования. Ибо «о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика»⁷.

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание Laqueur: «один – террорист, другой – борец за свободу»⁸. Эта тема подробно рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor⁹. Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Многое зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим мотивам. Вместе с тем, Ganor пытается провести различия между анализируемыми феноменами. В обосновываемых им схемах вначале отграничиваются *объявленная война* – между государствами и *необъявленная война* – между организациями и государством. Последняя включает, прежде всего, *терроризм и партизанскую войну*. Кроме того, к необъявленной войне могут относиться

6. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. С.53.

7. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. С.8.

8. Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, 1987. P. 302.

9. Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3, N 4. P. 287-304.

деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю). Важнейшее различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что *партизанская война* ведется против комбатантов — *вооруженных сил, военных и военной техники*, а терроризм направлен *против мирного населения*, «некомбатантов» (*noncombatant*) при сохранении политической мотивации насильственных действий. Мне представляется это различие весьма существенным и позволяющим конкретизировать некоторые наши оценки. Другое дело, что и предлагаемое различие несколько условно (мирное население может также оказаться жертвой партизанских действий, как, впрочем, и «точечных ударов»...). Во всяком случае, Ganor называет три важнейших элемента терроризма: (1) применение или угроза применения насилия; (2) *политические цели (мотивы) деятельности*; (3) *реальными целями оказывается мирное население, граждане*¹⁰.

Обычно различают террор и терроризм:

1. *террор* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам);

2. *терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв “государственного террора”»¹¹.

Иначе говоря: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм – это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного»¹².

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют – осознанно или нет – интересы мас-

10. Ganor. L.c. P.294-295.

11. Чаликова В. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С.310; Ферро М. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С.314.

12. Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С.23.

сы *excluded* («исключенных») в современном мире¹³. Поляризация на очень богатое и властное меньшинство «включенных» (*included*) и очень бедное и бесправное большинство «исключенных» (при относительном размывании «среднего класса» — гаранта устойчивости социальных систем) приводит в условиях глобализации экономики, политики, информационных процессов к опасному для всего человечества разделению стран и жителей каждой страны на *inclusive/exclusive*. Так, различаются «включенные» страны «золотого миллиарда» и «исключенные» — все остальные. Это разделение применительно к людям и их группам описал Н. Луман: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия (т.е. наступившего XXI в. — Я.Г.) примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения»¹⁴.

Не является ли «негативная интеграция исключенных» главной социальной базой терроризма (впрочем, как и иных видов девиантности — преступности, наркотизма, алкоголизма и др.)?

Это глобальный процесс и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. Примеры тому — агрессия США против Ирака (сколь бы «плохим» ни был Саддам Хусейн) и действия России в Чечне (какими бы «плохими» ни были «боевики»). *Террор вызывает терроризм*. Или, как написал петербургский экономист Д. Травин:

13. Finer C., Nellis M. (Eds.) *Crime and Social Exclusion*. Blackwell Publishers, Ltd., 1998; Kanfler J. *L'exclusion sociale: Etude de la marginalité dans les sociétés occidentales*. Paris: Bureau de Recherches sociales, 1965; Lenoir R. *Les exclus, un français sur dix*. Paris: Seuil, 1974; Young J. *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. SAGE Publications, 1999.

14. Луман Н. *Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество*. В: *Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований*. М.: Интеллект. 1998. С. 107.

«Не мочите, да не мочимы будете!»¹⁵. И не важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Права человека первичны и неотъемлемы (ст. ст. 1, 2, 3 Всеобщей декларации прав человека, 1948 г.). Нарушение прав человека рождает ответную насильственную реакцию, в частности – терроризм. *Требования ограничить права человека ради «борьбы с терроризмом» абсурдны*. Во-первых, тем самым создается идеологическая база оправдания терроризма (как ответа на террор властных структур). Во-вторых, повышается риск граждан стать жертвой нарушения прав человека. Это и происходит в современной России: *мы все в большей степени заложники власти, чем террористов*.

Права человека и криминальные риски, включая терроризм, находятся в обратной, а не прямой, зависимости: *чем надежнее защита прав человека, тем ниже вероятность криминальных рисков*.

История политических репрессий (террора) и террористических актов в виде политических убийств уходит вглубь веков¹⁶. Однако большинство исследователей отмечают существенные отличия современного терроризма как «неотъемлемой части государственного террора – одной из форм государственной политики»¹⁷ и как систематического устрашения общества насилием: массовый характер (вплоть до геноцида со стороны властных структур¹⁸), все возрастающее количество терактов и их жертв, глобализация (интернационализация) терроризма.

Нью-Йоркская трагедия 11 сентября 2001 г. стала страшным символом новых реалий XXI века (таким же, как Освенцим – символом бесчеловечности XX века). Показательно и то, что в качестве объекта самого страшного террористического акта в мировой истории были выбраны Нью-Йорк (как

15. Президент России В. Путин начал свою карьеру с лозунга: «Мочить террористов в сортире». В «переводе» с тюремного жаргона это означает «Убивать террористов в туалете (WC)».

16. Применительно к России, «колыбели терроризма» см.: Будницкий О.В. (автор-составитель). История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Дону: Феникс, 1996.

17. Ферро. Указ. соч. С.313.

18. Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996.

тут не вспомнить «Город Желтого Дьявола» М. Горького) и Международный Торговый центр – символы стран «Золотого миллиарда» («включенных»).

Многочисленны проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; военные действия, включая партизанские; отравление источников питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др.

Не останавливаясь на юридическом (уголовно-правовом) аспекте проблемы терроризма¹⁹, рассмотрим некоторые социально-политические вопросы.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимы страдания, является *преступной* деятельностью (преступлением) и заслуживает суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, чем только юридический. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но ведь терроризм преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи – «справедливы», имеют не меньшую ценность, чем те, против которых они выступают. Поэтому вооруженная борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, конфессиональный, идеологический) характер - малоэффективна. Об этом свидетельствуют опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с албанскими – в Сербии, с чеченскими – в России...

Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и акторов «преступлений ненависти» (*hate crimes*)²⁰. Поэтому «искусство цивилизованной жизни состоит

19. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Кабанов П.А. Указ.соч.; Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997; Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб. Юридический институт Генеральной прокуратуры, 1998.

20. Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, «мучеников», а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом»²¹.

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего *политические* (экономические, социальные) усилия по *предотвращению условий* для терроризма, по ненасильственному разрешению межэтнических, межконфессиональных, социальных конфликтов. Конечно, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризм решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. *Но не существует «простых решений» сложных социальных проблем.* Так называемые «простые решения» («ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации. Можно (и нужно) преследовать исполнителей терактов – угонщиков самолетов, убийц, лиц, закладывающих взрывные устройства и т.п., но нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить причины, источники терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов.

Очевидно, не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах – Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем. Из 79 известных к 1990 г. террористических организаций 37 принадлежали по своей идеологии к марксистским, ленинским, троцкистским, маоистским, 9 представляли различные направления пан-арабского и исламского фундаментализма, 7 – служили примером удивительной смеси пан-арабизма и марксизма, 4 – относились к правозэкстремистским и неонацистским²². Конечно, это соотношение претерпело суще-

21. Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М.: ЦКИ РАН, 1993. С.171.

22. Long D. The Anatomy of Terrorism. The Free Press, 1990.

ственные изменения к сегодняшнему дню. Количество известных террористических организаций увеличилось, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламских.

Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической, политологической литературе²³.

Важно понять:

- ◁ мир без насилия в обозримом будущем невозможен;
- ◁ основная антитеррористическая задача – максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»);
- ◁ основной путь такого сокращения – предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, не репрессивными, политическими методами.

«Абсолютно ненасильственный мир – это нереальная перспектива. Более реальной выглядит задача сократить масштабы политического насилия, попытаться свести его к минимуму. Об этом свидетельствует политическая жизнь развитых демократических государств, где насилие чаще всего второстепенное средство власти»²⁴.

23. Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: 200. С.221-277; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С. 242-296; Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Указ. соч. С. 162-208.

24. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С.296.

КРИМИНОЛОГИЯ И ДЕВИАНТОЛОГИЯ¹ (ПРОФЕССОРСКАЯ ЛЕКЦИЯ)

Обозначим тему

Проблемы социального «зла» всегда привлекали ученых. Философы и юристы, медики и педагоги, психологи и биологи – каждый с позиций своей науки изучали и оценивали различные нежелательные явления, «отклонения» – преступность, пьянство и алкоголизм, наркотизм, самоубийства, проституцию, сексуальные «извращения» и т.п. При этом отсутствовал общий подход, позволяющий объяснить казалось бы различные феномены социального бытия как проявления некоторых общих его закономерностей.

Становление *социологии* как науки об обществе, его структуре и функционировании сопровождалось исследованием и нежелательных, нарушающих общественный порядок явлений. Их изучению отдали дань Г. Тард и Э. Дюркгейм, А. Кетле и Г. Зиммель, П. Сорокин и Р. Мертон.

По мере изучения, с одной стороны, преступности, а с другой стороны, иных проявлений социального «зла» - пьянства, наркотизма, коррупции, проституции, терроризма и др. – становилось ясно, что имеются вполне определенные совпадения в генезисе этих социальных феноменов, в закономерностях их распространенности и динамики, в социально-демографических характеристиках субъектов «зла» и т.д.

В зарубежной криминологической литературе все чаще преступность рассматривается как разновидность *девиантности* («отклонений» поведения от социальных норм). Так, Дж. Конклин выстраивает цепочку понятий от общего к частному: социальные ценности – социальные нормы – право (правовые нормы) – девиантность – правонарушения (в частности, гражданско-правовые деликты) – преступность². Ф.

1. Опубликовано в: Российский криминологический взгляд. №2. 2010. С. 239-260.

2. Conklin. Criminology. Fifth Edition. Allyn and Bacon, 1995, pp. 5-6.

Хаган, вслед за В. Самнером, также усматривает «лестницу» понятий: от девиантности, как нарушении принятых в обществе норм, к разновидностям этих норм — обычаи (*folksway*) - более тяжкие для общества нарушения (*mores*) – право (*law*). Соответствующий раздел книги так и называется «Crime and Deviance» (преступность и девиантность)³. «Большинство социологов и криминологов принимают более широкое определение преступности, так как включают понятия «вред» и «девиантность», которые не обязательно признаются государством как преступные»⁴.

Дж. Хаган рассматривает преступления и девиации как «континуум (протяженность) вариаций» (*«continuosus variable»*). На основании массового опроса он попытался проанализировать степень воспринимаемой населением опасности, тяжести различных видов «отклонений» и получил шкалу («Пирамида Хагана») от «прогулов 16-летних школьников» (0,2 балла) и «бродяжничества» (0,3 балла) до «изнасилования» (52,8 балла) и «закладывания бомбы в общественное здание, в результате взрыва которой погибло 20 человек» (72,1 балла)⁵. Сколько баллов «достаточно», чтобы признать отклонение преступлением?

Не удивительно, что большинство зарубежных авторов анализируют те социальные ситуации и факторы, которые в большей или меньшей степени определяют и девиантные проявления, и собственно преступность⁶.

В отечественной криминологической литературе более осторожно относятся к соотношению «преступности» и «девиантности», «криминологии» и «девиантологии», рассматривая, по преимуществу, различные девиантные проявления как «фоновые явления» по отношению к преступности.

3. Hagan F. Introduction to Criminology. Theories, Methods, and Criminal Behavior. 6th Edition. SAGE Publications, 2008, pp. 7-8.

4. White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005, p. 3. Здесь и далее – перевод автора, если не оговорено иное (Я.Г.).

5. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and Its Control. NY: McGraw Hill, 1985.

6. Hall S., Winlow S., Ancrum C. Criminal Identities and Consumer Culture. Crime, exclusion and the new culture of narcissism. Willan Publishing, 2008; Walters R. Deviant Knowledge. Criminology, politics and policy. Willan Publishing, 2003; Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007.

Лишь в последние годы появились учебники криминологии, включающие главы, посвященные взаимоотношениям преступности с иными видами девиантности⁷. Нельзя не назвать также труды академика В.Н. Кудрявцева, много лет отстаивавшего правомерность изучения преступности в рамках более широкого девиантологического подхода⁸, В.В. Лунеева⁹, и автора этих строк¹⁰.

Рассмотрим подробнее проблему соотношения «девиантность – преступность» и «девиантология – криминология».

Определимся с понятиями

Криминология (лат. *crimen* – преступление, греч. *λογος* – учение) в буквальном переводе – наука о *преступлении*. Однако с самого зарождения она интересовалась преимущественно *преступностью* как сложным социальным явлением.

В процессе развития криминологии расширялся ее предмет и к настоящему времени он достаточно широк: *преступность* как сложный социальный феномен; *генезис* («причины») преступности; *преступление* как индивидуальный поведенческий акт; *механизм индивидуального преступного поведения* (преступления); *отдельные виды преступности*, выделяемые по разным основаниям; *личность преступника*; *жертва преступлений*; *социальная реакция на преступность*, *социальный контроль* над ней, включая *наказание и превенцию*; история криминологии и история преступности; *методология* криминологии и методика криминологических исследований. Приведенный перечень тем не является исчерпывающим и может быть расширен, исходя из личных пристрастий исследователя или же в процессе дальнейшего развития криминологии.

7. Криминология. СПбГУ, Питер, 2002. Глава 17 (с.400-416); Криминология. СПб, МИЭП, 2007. Гл. 17 (с.506-541).

8. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982; Кудрявцев В.Н. и др. Социальные отклонения. 2-е изд. М.: Юридическая литература, 1989; Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного периода. М.: Гардарики, 2002.

9. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005. Глава 8 (с.316-342).

10. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2007; Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009.

И все же главный предмет криминологии – *преступность* как социальный феномен. И хотя в предыдущих главах учебника об этом уже рассказывалось, для достижения целей и задач данной главы придется вернуться к одному из существующих пониманий преступности.

Преступность – центральное понятие криминологии. Но, как нередко бывает в науке, – наименее ясное и определенное.

Зарубежные криминологи уходят от определения этого понятия, ограничиваясь определением преступления как поведенческого акта, нарушающего уголовно-правовой запрет («*behavior which is prohibited by the criminal code*»), или же констатируют три основных подхода к пониманию преступности (преступления): легалистский (преступно то, что запрещено законом), социальной реакции (преступно то, что осуждается обществом, государством, за что назначается наказание) и критический (не согласный с двумя названными)¹¹. Вот одно из определений: «Преступления – такие акты, которые юридически осуждены государством и считаются заслуживающими наказания и контроля»¹².

В современной криминологии подчеркивается неопределенность и многозначность понятия «преступление». Так, преступление может рассматриваться как: форма нормального поведения; нарушение поведенческих норм; нарушение уголовного закона; форма девиантного поведения; поведение, определяемое законом; всеми осуждаемое поведение; идеологическое осуждение; нарушение прав человека; социальный вред; форма неравенства; ограничение возможности инакодействия; историческое изобретение; социальный конструкт¹³.

В отечественной литературе также нет единства взглядов

11. Brown S., Esbensen F-A., Geis G. Criminology: Explaining Crime and its Context. Third Edition. Anderson Publishing Co., 1998, pp.17-23; De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996, pp. 31-63; Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998, pp. 13-35.

12. White R., Habibis D. Crime and Society. Ibid., p. 17.

13. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998, p. 22; Burke R. An Introduction to Criminological Theory. Third Edition. Willan Publishing, 2009, pp. 5-7; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. SAGE Publications, 1996, pp.12-17.

на определение преступности¹⁴.

Случайно ли криминологи не «додумались» до «правильного» определения главного предмета своих исследований? Конечно же нет. Преступность – сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ (в отличие, например, от наркотизма, пьянства, самоубийств) и определяемое с помощью двух разнопорядковых критериев: 1) общественной опасности, реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* – нет преступлений без указания о том в законе).

Очевидно, что в различных странах и в разное время существенно различен круг деяний, признаваемых преступными. То, что в одной стране – преступление, в другой не признается таковым. То, что ранее считалось преступным (например, добровольный гомосексуализм – ст. 121 УК РСФСР 1960 г., бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни – ст. 209 УК РСФСР) – не преступно (декриминализовано) сегодня, и наоборот (лжепредпринимательство – ст. 173 УК РФ 1996 г., фиктивное банкротство – ст. 197 УК РФ).

В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам, sui generis, per se. Преступление и преступность – понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* (как «договорятся» законодатели), они – *социальные конструкторы*, лишь отчасти отражающие социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т.п. Даже изнасилование может быть легальным: феодальное *jus prima noctis* («право первой ночи») или обряд инициации девушек в

14. См., например: Криминология / ред. Б.В. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М.: Юридическая литература, 1988. С. 63; Криминология / ред. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. 4-е изд. М.: Норма, 2009. С. 59; Спиридонов Л.И. Криминологический факт и его оценка. В: Криминология и уголовная политика. М.: ИГиПАН СССР, 1985. С.21; Шестаков Д.А. Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С.136; Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С.7.

некоторых сообществах (племенах).

Понимание того, что многие привычные общественные явления суть ни что иное как конструкции, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках во второй половине XX столетия¹⁵. И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur – преступления возникают из сенатских и народных решений*), однако в криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется многими западными криминологами¹⁶. Это четко формулируют немецкие авторы Хесс и Шеерер¹⁷: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Халсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»¹⁸.

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. Преступность не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей», - утверждает М. Робинсон¹⁹.

15. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.

16. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995; De Keseredy W., Schwartz M. Ibid., 1996, pp. 45-51; Hester S., Eglin P. A Sociology of Crime. NY-L.: Routledge, 1992., pp. 27-46; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. SAGE, 1996, p.13

17. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

18. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. N10, pp.63-80.

19. Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004, p.2.

Н.Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов²⁰ А отсюда казалось бы парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*)²¹.

Каковы же основные положения конструктивистских представлений о преступлении, преступности и криминологии?²²

Во-первых, «преступление не онтологическая реальность».

Во-вторых, «криминология увековечивает миф о преступности».

В-третьих, ««преступность» включает много мелких проступков». Преступление - это всегда очень серьезное деяние, причиняющее значительный вред. Между тем уголовный закон включает множество незначительных проступков (например, оскорбление – ст.130 УК РФ), но их субъекты подвергаются последствиям признания их проступков «преступлением». О том, что законодатель грешит расширительным толкованием вреда, заслуживающего криминализации, свидетельствует тот факт, что, согласно букве уголовного закона большинства современных государств, включая Россию, 100% взрослого населения – уголовные преступники (кто в России ни разу в жизни не оскорбил кого-либо – ст. 130 УК РФ, или не ударил кого-либо, причинив физическую боль – ст. 116 УК РФ, или не уклонился от уплаты налога – ст. 198 УК РФ и т.п.?). Но и в других странах ситуация не лучше. Так, по результатам нескольких опросов населения в США, от 91% до 100% респондентов подтвердили, что им приходилось совершать то, что уголовный закон признает преступлением (данные Уоллестайна и Уайля, Мартина и Фицпатрика, Портфельда, и др.).

В-четвертых, ««преступность» исключает (не включает – Я.Г.) многие серьезные деяния, причиняющие тяжелый вред». В качестве примера авторы приводят многочисленные корпоративные преступления, домашнее насилие, преступления полиции и т.п., которые оказываются *de jure* или *de facto* вне уголовного преследования.

20. Christie N. A suitable Amount of Crime. NY-L.: Routledge, 2004, pp. 10-11.

21. Christie N. Ibid., p.1.

22. См.: Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D. Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. Pluto Press, Fernwood Publishing, 2004, pp. 11-18.

В-пятых, «сконструированность «преступлений»». Отсутствие онтологических критериев того, что же по своему содержанию является «преступлением», приводит к тому, что оно оказывается всего-навсего «конструктом», более или менее искусственным.

В-шестых, «криминализация и наказание причиняют боль». Это известное положение Нильса Кристи о том, что уголовное правосудие есть процесс причинения боли, и пользоваться этим необходимо лишь в крайних случаях²³.

В-седьмых, ««контроль над преступностью» не эффективен» (проблема неэффективности, «кризиса наказания»²⁴).

В-восьмых, «легитимизация «преступности» ведет к экспансии контроля над преступностью». Смысл этого тезиса состоит в том, что криминализация все большего числа деяний и нагнетаемый популистскими политиками и СМИ «страх перед преступностью» (С. Коэн) приводят ко все большей репрессивности полиции и уголовной юстиции, расширению их деятельности, нередко за счет ограничения прав человека, ко все большему вовлечению людей в жернова уголовной юстиции, к росту тюремного населения, к «призонизации» («отюрмовлению») поведения и сознания населения.

Наконец, в-девятых, ««преступность» служит поддержанию властных отношений». Уголовное право ведет к сохранению безответственности в коридорах власти при пренебрежении к индивидуальным поступкам и поведению «улицы». Это увековечивает такие структурные детерминанты нежелательного поведения, как бедность, социальная депривация (неравенство доступа к социальным благам; психологический дискомфорт, вызванный пониманием этого), огромное неравенство между богатыми и бедными. При этом растет заинтересованность «индустрии контроля над преступностью» (полиции и уголовной юстиции) в криминализации деяний. Политики используют «преступность» в целях мобилизации электората для поддержки своих партий. В целом «преступность» способствует сохранению властных отношений. Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как порождение власти в целях ограничения иных,

23. Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985.

24. Подробнее см.: Гилинский Я. Криминология... Указ соч. С. 404-434.

не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в Оксфордском справочнике (руководстве) по криминологии²⁵.

Итак, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка людей»²⁶.

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, преступности в частности, совершенно произвольно²⁷. Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют *вред*, наносят *ущерб*, а потому негативно воспринимаются и *оцениваются* другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализованных деяний не причиняют вреда другим, а потому криминализованы без достаточных оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта²⁸

Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость – все эти свойства преступности заставляют думать о *преступности* как культурном феномене, как элементе культуры.

Имеется множество определений культуры. Представляется наиболее общим понимание культуры как *способа чело-*

25. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179-337.

26. Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004, p.2.

27. См., например: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. С.292-306.

28. Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965; Шур Э. Наше преступное общество. М.: Прогресс, 1977. С.262-309.

*веческого существования, способа человеческой деятельности*²⁹. Культура включает также объективированные результаты этой деятельности. Культура служит наиболее общим внебиологическим механизмом накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Важно, что при таком – не аксиологическом – понимании культура включает не только «позитивные», одобряемые способы деятельности, но и «негативные», порицаемые. В культуру входят способы технического, научного, художественного творчества, но и способы взлома квартиры (с помощью «фомки» или «слоника» или путем отжима ригеля), нормы христианской морали, но и нормы воровской культуры (субкультуры), не только образцы мирового зодчества, но и надписи на заборах.

Каждое общество имеет ту преступность, которая соответствует культуре данного общества. В современных цивилизованных странах вряд ли кто из психически нормальных людей воспользуется таким способом убийства, как колдовство, или таким способом причинения вреда здоровью, как «сглаз». Компьютерные преступления возможны только в обществах соответствующей «информационной» культуры. Культура «подсказывает» образцы поведения, образцы разрешения конфликтов, жизненных коллизий. Культурно обусловлены и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание.

Понимание преступности как определенного социального конструкта позволяет перейти к девиантности и девиантологии.

Во все времена общество пыталось устранять *нежелательные* проявления человеческой жизнедеятельности, *отклоняющиеся* от принятых в данном обществе правил (норм), путем воздействия на носителей этих проявлений. Методы и средства воздействия определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, идеологией господствующих в обществе сил, обычаями и традициями. Со временем возникла потребность осознать природу, причины,

29. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван: АН Армянской ССР, 1969. С.66; Он же. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М., 1983.

условия таких негативных, с точки зрения общества и власти явлений, как пьянство, наркотизм, проституция, коррупция, самоубийства и др. А, осознав, научиться сокращать, минимизировать их масштабы.

И вот в недрах социологии зародилась и сформировалась социология девиантного (отклоняющегося) поведения как специальная (частная) социологическая теория, которая со временем получила более точное название – *социология девиантности и социального контроля* (именно под таким названием – *Deviance and Social Control* – функционирует 29-й исследовательский комитет Международной Социологической Ассоциации). Социология девиантности, девиантология оказалась той научной дисциплиной, отраслью социологии, которая претендует на изучение и объяснение самых различных видов «социального зла». И не только «зла», ибо и многие проявления позитивной активности, творчества воспринимаются современниками как «отклонение» от «нормы».

Девиантология (deviantology) как социология девиантности и социального контроля – это наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию общества на них (социальный контроль).

Социальные девиации, *девиантность (deviance)* можно определить как социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям. А *девиантное поведение (deviant behavior)* – поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям.

Все виды *негативных* социальных девиаций, а также социальное творчество (научное, техническое, художественное и др.), как *позитивная девиантность*, – служат предметом социологии девиантности и социального контроля

(девиантологии)³⁰.

Принципиальным для понимания социальных отклонений, девиантности и предмета девиантологии является осознание относительности, релятивности социальной «нормы» и социальных «отклонений». В природе, в реальной социальной действительности не существует явлений, видов деятельности, форм поведения «нормальных» или же «девиантных» по своей природе, по содержанию, *per se, sui generis*. Те или иные виды, формы поведения «нормальные» или «девиантные» только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и сейчас»). «Что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение «нормальное» при одном наборе культурных установок, будет расценено как «отклоняющееся» при другом»³¹.

Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «девиантен» сам по себе, по своему содержанию, независимо от социального контекста. Так, «преступное» употребление производных каннабиса, было допустимо, «нормально» во многих азиатских странах, да и в современных Нидерландах; широко распространенное «законное» потребление алкоголя – незаконно, преступно в странах мусульманского мира; легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Голландии.

Важно помнить: когда девиантология изучает девиантность и девиантное поведение, речь всегда должна идти о конкретном обществе, конкретной нормативной системе и об отклонениях от действующих в данном обществе норм. В другом обществе, в другое время рассматриваемая «девиантность» может не быть таковой.

О соотношении криминологии и девиантологии

30. Гилинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд. 2-е. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2000; Hagan J. Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior. Ibid., p.6; Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998, pp. 8, 22; Siegel L. Criminology. 4th Ed. West Publishing Co., 1992, p.8; Walters R. Deviant Knowledge. Criminology, politics and policy. Ibid.

31. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С.150.

Для сторонников господствующего в современной криминологии социологического направления, криминология - социологическая наука, поскольку ее главный предмет – преступность – является социальным феноменом, порождением общества, его неотъемлемой составляющей. Преступность, наряду с наркотизмом, пьянством, проституцией, коррупцией, терроризмом и другими негативными явлениями, относится к социальным *девиациям* (отклонениям), а преступление – разновидность *девиантного* поведения.

Преступность – лишь одно из проявлений *девиантности*. Рассмотрение преступности как разновидности социальных девиаций – общее место в современной зарубежной криминологии, разделяют такую позицию и некоторые отечественные криминологи³². Во избежание недоразумений следует подчеркнуть: социология девиантности (девиантология) не подменяет криминологию и не заменяет ее. У каждой из этих наук – свой предмет, и та, и другая – социальные науки. Девиантология, наряду с преступностью, изучает многочисленные виды «негативных» девиаций – пьянство и алкоголизм, наркотизм, проституция, самоубийства, аморализм и др., «позитивные» девиации – различные виды творчества, а также взаимосвязи между видами девиантности, их общий генезис, общую теорию социального контроля.

Таким образом, выстраивается следующая иерархия наук: социология – социология девиантности и социального контроля (девиантология) – криминология (а также суицидология, аддиктология и другие науки, изучающие иные – кроме преступности – проявления девиантности).

Исходя из представлений о преступности как частном случае девиантности, нами под *преступностью* понимается *относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном за-*

32. Muncie E., Mc Laughlin (Eds.) The Problem of Crime. Ibid, p.12; Schmallegger F. Criminology Today. New Jersey, 1996, p.8; Tierney J. Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996; Barak G. Integrating Criminologies. Ibid., p.22; Lanier M, Henry S. Ibid., p 8,22; Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NY: Pearson. Prentice Hall, 2004; Хохряков Г.Ф. Криминология. М.: Юристъ, 1999. С. 82.

коне³³. Аналогичное определение преступлений было предложено Джоном Хаганом: «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом»³⁴.

К сожалению, эта ясная позиция, не будучи понята, подвергается иногда огульной критике. Так, в учебном пособии под редакцией Н.Ф. Кузнецовой утверждается, что в зарубежной криминологии, а также в трудах Я.И. Гилинского и Д.А. Шестакова подменяется понятие преступности «отклоняющимся поведением», отвергается уголовно-правовое свойство преступности, а криминология превращается в «королеву без королевства»³⁵. Более или менее внимательное прочтение текстов и зарубежных криминологов, и упомянутых российский авторов свидетельствует о полном непонимании критиком их позиции. Никто не отождествляет преступность с девиантностью, а преступление с девиантным поведением. Речь идет лишь об их взаимоотношениях, «соподчиненности» (преступность – разновидность девиантности, преступление – одна из форм девиантного поведения). И «королева» - криминология полностью сохраняет свое «королевство» - науку о преступности.

Взаимосвязи преступности и иных девиантных проявлений

Обстоятельное изучение всех возможных взаимосвязей между различными проявлениями девиантности, включая преступность – задача достаточно сложная. Ниже будут продемонстрированы лишь некоторые из выявленных связей. При этом неизбежно будет представлена и сжатая характеристика каждого из видов девиантности³⁶.

Потребление алкоголя и преступность

33. Гилинский Я.И. Криминология... Указ. соч. С.45.

34. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. Ibid., p. 49.

35. Криминология: Учебное пособие / ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 2006. С.48-49.

36. Подробнее анализ девиантных проявлений см.: Гилинский Я. Девиантология... Указ. соч.

Следует различать *потребление* алкогольных напитков – известное тысячелетия и приносящее немалые радости людям, а в некоторых случаях обладающее лечебным эффектом; *злоупотребление* алкоголем или пьянство, влекущее противоправное поведение, нарушающее нормальную жизнь других людей, членов семьи, становящееся привычкой, чертой образа жизни; и *алкоголизм* (по Международной классификации болезней – «синдром алкогольной зависимости») – заболевание, развивающееся в результате *пьянства*, проявляющееся в виде физической и психической зависимости от алкоголя и приводящее к психической и социальной деградации личности, патологии обмена веществ, внутренних органов, нервной системы.

Проблемой являются пьянство и алкоголизм, тогда как потребление алкоголя «нормально» и не относится к девиантному поведению (по результатам исследований, в России изредка и умеренно потребляют алкогольные напитки 70-80% населения, лишь 3-5% - абсолютные трезвенники, 3-5% страдают алкоголизмом, 10-12% - злоупотребляют алкоголем).

Следует напомнить, что, во-первых, алкоголь по своему воздействию на организм относится к наркотикам («*alcohol is also a drug*»). Поэтому, во-вторых, его потребление выполняет те же функции, что и наркопотребление: анестезирующую, психостимулирующую, седативную, интегративную, протестную, статусно-престижную (потребление французского коньяка, шотландского виски)³⁷. Алкоголь служит средством «расслабиться», снять напряжение, усталость. Он способствует общению, сближению людей (интегративная функция). Так что «борьба» за «искоренение» потребления алкоголя заведомо обречена на провал (что подтверждает опыт «сухих законов», через который прошли многие европейские страны, США, Россия). Это не означает отказа от разумной политики «*harm reduction*» – сокращения вреда от злоупотребления алкоголем.

По экспертным данным, в 1992 – 1993 гг. в России произошел резкий рост потребления алкоголя, в результате чего по душевому уровню потребления алкоголя (14,5 л абсолютно

37. О функциях потребления алкоголя см. также: Allen D. Alcohol, Positive Functions. In: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Brunner Routledge, Taylor and Francis Group. Vol. IV, pp.45-49.

го алкоголя, 100% этанола) она заняла первое место в мире, обогнав традиционного лидера – Францию (13,0 л). При этом доля водки, традиционно высокая в России достигла 82,1%³⁸. С 1994 по 1998 гг. происходило некоторое сокращение душевого потребления алкоголя (до 13,5 л), однако уже в 1999 г. этот показатель вновь вырос до 14,5 л, в 2000 г. рост душевого алкопотребления продолжился и достиг 15,0 л в 2001 г.³⁹. По некоторым данным, этот показатель вырос до 16-18 л к 2008 г. Потребление алкоголя в России одно из самых высоких в мире, а по потреблению крепких напитков Россия, вероятно, является мировым лидером.

В России «остается весьма значительным вклад в снижение продолжительности жизни случайных отравлений алкоголем. Он все время больше, чем вклад убийств или самоубийств или целых классов болезней»⁴⁰.

Связь алкоголизации и преступности издавна отмечалась криминологами. Так, наблюдались возрастание количества преступлений в конце рабочей недели; сочетание безудержного пьянства и повышенной «криминальности» беднейших слоев населения; относительно большее влияние пьянства на насильственные преступления, чем на имущественные; совпадение регионов с повышенным уровнем алкоголизации и преступности и др.⁴¹.

Данные о некоторых видах зарегистрированных в России *преступлений, совершенных лицами*, находившимися в состоянии алкогольного опьянения, приводятся в табл. 1. Наблюдается последовательное сокращение удельного веса «пьяной» преступности с 41,4% в 1993 г. до 17,4% в 2007 г. Различаются преступления, совершаемые преимущественно в состоянии алкогольного опьянения (тяжкие насильственные преступления) и на трезвую голову (кражи, а также не вошедшие в

38. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. М., 1995. С. 14, 70. См. также: Акопян А. и др. Динамика уровней заболеваемости и смертности от болезней, имеющих «социальную окраску» (социопатий) в современной России // Вопросы статистики. 1998. №3. с. 89.

39. Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980-90-е годы. М., 2001. С.8; Он же. Алкогольный урон регионов России. М.: NALEX, 2003. С.17.

40. Население России, 2001. Указ. соч. С. 107.

41. Обзор см.: Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 177-181, 296-298, 378-387, 439-442, 533-536.

таблицу «беловоротничковые» преступления – присвоения, растраты, взяточничество и т.п.). Постепенное сокращение доли «пьяной» преступности по всем ее видам можно объяснить возрастанием или «злостности» преступлений или недобросовестности лиц, заполняющих карточки первичного учета.

Из материалов многих уголовных дел известно, что часть преступлений против собственности совершается для удовлетворения потребности в алкоголе при отсутствии (недостаточности) средств на его приобретение.

Могут быть признаны противоправными, а то и преступными нелегальное изготовление алкогольных изделий без цели сбыта или с целью сбыта (ст. 158 УК РСФСР 1960 г.), а также изготовление и сбыт фальсифицированных алкогольных изделий (ст. 238 УК РФ 1996 г.), столь распространенные и в современной России.

Известен *виктимологический* аспект злоупотребления алкоголем: лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения и больные алкоголизмом, относятся к группе повышенного виктимного риска, они относительно чаще становятся жертвами различных преступлений и ДТП.

Вместе с тем, не следует переоценивать роль потребления алкоголя как криминогенного фактора. Во-первых, большинство умеренных потребителей алкоголя не более «криминальны», чем трезвенники. Во-вторых, как показывают результаты локальных исследований, повышение уровня алкоголизации может сопровождаться снижением уровня криминальности (хотя возможен одновременный рост того и другого).

Антиалкогольная политика

Формы, механизм, методы социального контроля должны быть адекватны генезису и закономерностям девиантных проявлений.

Пьянство относится к ретретистским формам девиантного поведения и находит то же объяснение («вторичная неудача» Р. Мертона, его же теория напряжения и др.). Злоупотребление алкоголем, как и другие формы ретретизма, является следствием смыслоутраты или отсутствия смысла

существования, «экзистенциального вакуума» (В. Франкл⁴²), заполняемого алкоголем или наркотиками за отсутствием возможностей (неумением) найти более достойное средство. Врачи-наркологи хорошо знают эту закономерность, утверждая: «Людей с хобби нет среди наших пациентов».

При бесспорном вреде пьянства и алкоголизма этому злу нельзя противодействовать запретительно-репрессивными мерами. Об этом свидетельствует мировой опыт введения «сухого закона»: в США на его основе зародилось бутлегерство и организованная преступность, в России – массовое самогонварение (в 1923 г. на самогон было израсходовано свыше 100 млн. пудов хлеба, к 1985 г. 26% алкогольных изделий составлял самогон⁴³).

Приоритетными направлениями антиалкогольной политики являются *первичная* (общесоциальная) профилактика – улучшение условий бытия жителей страны, создание условий для заинтересованного труда и разумного отдыха, повышение общей культуры населения, образовательного уровня, а также *вторичная* (специальная) профилактика – антиалкогольная пропаганда, формирование культуры питания и др. Важную роль играет и *третичная* (индивидуальная) профилактика – медицинская, психологическая, социальная помощь лицам, имеющим склонность к злоупотреблению алкоголем и страдающим алкоголизмом.

Страшные последствия массовой алкоголизации населения России, особенно жителей малых городов и сельской местности, связаны не только и не столько с давними традициями, сколько с тяжелейшими условиями бытия большинства населения в XX в., перешедшими в век XXI.

За эти годы сложилась «антикультура» питания: «В новейшей истории России доминирует новый стиль потребления, когда пьют и в праздники, и в будни, не только не закусывая, но часто даже не приседая. Или на ящике-таре вместо стола, на газетке вместо скатерти, среди мусора и грязи. Стали привычными выпивки женщин и подростков. Это питейное бескультурье носит массовый характер и является лишь по-

42. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

43. Trembl V. Soviet and Russian Statistics on Alcohol Consumption and Abuse. In: Bobadilla J., Costello Ch., Mitchell F. (Eds.) *Premature Death in the new independent States*. Washington, 1997. pp.220-238.

	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2000	2001	2003	2005	2007
Из всех преступлений	28,1	37,2	37,9	41,4	39,0	33,8	25,8	23,1	22,6	24,0	21,3	17,4
Убийство (спокуюшениями)	70,0	76,0	75,9	78,0	73,5	69,9	66,1	63,6	63,9	65,5	61,3	59,0
Причинение тяжкого вреда здоровью	75,4	80,6	80,2	80,6	77,4	75,3	69,4	66,5	63,9	63,5	57,1	50,3
Изнасилование (с покушениями)	59,8	68,9	72,5	78,7	75,9	73,3	71,3	69,5	67,6	66,6	62,3	60,2
Хулиганство	63,4	71,8	72,7	74,2	69,8	65,1	56,3	52,5	49,4	46,1	41,9	32,1
Разбой	64,9	69,2	66,0	64,0	59,7	52,3	41,5	39,1	39,2	40,3	33,3	28,7
Грабёж	48,7	52,2	51,6	57,0	57,0	48,9	36,7	34,4	33,5	35,1	27,2	23,2
Кража*	24,9	28,3	30,2	39,7	37,7	32,1	23,9	21,5	20,6	22,8	17,6	15,2

Таблица 2. Доля зарегистрированных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, % (Россия, 1987 – 2007). * С 1987 по 1989 – только кража личного имущества граждан. Источник: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ, 1992-

верхностным отражением деградиционных процессов российского общества, прочно связанных с неумным потреблением спиртных напитков»⁴⁴. Очередные данные о «питейном бескультурье» приводятся в статье Н. Алякринской: «В ход идут средство для протирки стекол с ласковым названием «Максимка» и тонизирующее средство для ванн «Вдохновение», жидкости для разжигания костров «Веселый огонь» и «Астра», противорвотные средства для собак и свиней, препараты для травли бытовых насекомых и даже жидкость для размягчения копыт...»⁴⁵.

Вместе с тем, после малоэффективной антиалкогольной кампании середины 80-х гг. минувшего столетия в России отсутствует стратегия и программа превенции неумеренного потребления алкоголя в стране.

Наркотизм и преступность

В современном мире проблема потребления наркотиков, наркомании весьма мифологизирована, политизирована, используется в популистских целях. Попытаемся демифологизировать эту сложную проблему.

Но прежде следует определить некоторые понятия.

Наркотики – средства, оказывающие воздействие на психику и поведение человека; их потребление способно приводить к формированию физической и/или психической зависимости (наркомании), состоянию, при котором человек испытывает потребность в регулярном приеме наркотиков и дискомфорт при отсутствии такой возможности.

Международными и национальными органами здравоохранения устанавливается и изменяется перечень средств, относящихся к наркотическим.

Потребление наркотиков может быть обусловлено заболеванием и рекомендовано врачом в качестве лекарственного средства (легальное, медицинское потребление наркотиков), либо является немедицинским потреблением – *злоупотреблением*, т. е. потреблением без назначения врача, или в дозах, превышающих назначенные, или продолжающимся после

44. Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980-90-е годы. М., 2001. С.5.

45. Алякринская Н. После «тройного» не закусывают // Московские Новости, 2003.11-17 ноября. С.22.

отмены назначения, или же приемом иных средств, нежели были назначены врачом.

Наркомания – заболевание, выражающееся в физической и/или психической зависимости от наркотических средств, в непреодолимом влечении к ним – аддикции (от англ. *addict* – предаваться чему-либо, *addiction* – склонность, пагубная привычка), приводящем к глубокому истощению физических и психических функций организма.

Под физической зависимостью понимается состояние организма, характеризующееся развитием абстинентного синдрома при прекращении приема средства, вызвавшего зависимость. *Абстинентный синдром* – комплекс специфических для каждого наркотического средства, включая алкоголь, болезненных симптомов: головная боль, боль в мышцах и суставах, насморк, желудочно-кишечные расстройства, бессонница, судороги и т.п. На бытовом уровне абстинентный синдром при наркомании носит название «ломки», а при алкоголизме – «похмелье». Не все наркотические средства приводят к физической зависимости⁴⁶.

Психическая зависимость – состояние организма, характеризующееся патологической потребностью в приеме какого-либо средства, вещества, с тем, чтобы избежать нарушений психики, психологического дискомфорта, вызванных прекращением приема этого средства (вещества), хотя и при отсутствии абстиненции. Таким веществом может быть не только наркотик или алкоголь, но и кофеин (кофе), теин (чай), никотин (табак), лекарства. Последнее время все чаще исследуют психическую зависимость от компьютерных и иных игр, болезненное влечение к ним (*gambling addiction*⁴⁷), а также лекарственную зависимость (*prescribed addiction*⁴⁸).

Токсикомания – заболевание, аналогичное наркомании, вызванное потреблением не наркотических средств, а иных токсических (сильнодействующих) веществ (лекарственные препараты, не отнесенные к наркотическим, предметы бытовой химии – лаки, краски, клей, бензин, ацетон и др.).

46. Santino U., La Fiura G. Behinds Drug. Torino: Edizioni Gruppo Abele, 1993, p. 36.

47. Griffiths M. Against the Odds: An Overview of Gambling Addiction. In: Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1998. pp.49-66.

48. Fay K. Prescribed Addiction. In: Bloor M., Wood F. Ibid. pp. 67-84.

Наркотизм – относительно распространенное, статистически устойчивое *социальное явление*, выражающееся в потреблении некоторой частью населения наркотических (и токсических) средств и в соответствующих последствиях.

Наркотики сопровождают человечество всю известную историю. Еще «отец истории» Геродот описывал употребление древними египтянами производных каннабиса, а «отец медицины» Гиппократ использовал опий в медицинской практике. О снотворном действии опия упоминается в Шумерских таблицах, т.е. 6 тысяч лет назад. Очевидно, человеку, как и некоторым животным (вспомним кошку и валерьянку), присуще стремление изменять психику с помощью каких-либо средств – будь то наркотики, алкоголь, токсические вещества, табак или же крепкий чай (включая «чифир»), крепкий кофе и т.п.

Долговечность наркопотребления, как и любого социального «зла», свидетельствует о том, что оно выполняет определенные социальные функции. Как и алкоголь (который тоже является наркотиком), наркотики выполняют функции анестезирующую (снятие или уменьшение боли), седативную (успокаивающую, снижающую напряжение), психостимулирующую (наряду с чаем или кофе), интегративную (наряду с табаком; вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков может служить формой социального протеста, средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из них – «элитарных» (например, кокаина) играет престижно-статусную роль. Другое дело, что *за все приходится платить*, и потребители наркотиков или иных психотропных веществ расплачиваются здоровьем, потерей работы, учебы, семьи, жизнью.

Латентность наркотизма очень велика. Это необходимо учитывать, используя данные официальной статистики, да и выборочных региональных исследований⁴⁹.

49. Подробнее см.: Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб, Ф ИС РАН, 2001; Мусаев А.Н., Сбирунов П.Н., Целинский Б.П. Противодействие незаконному обороту наркотических средств. М.: ВНИИ МВД РФ, 2000; Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы / ред. М.Е. Позднякова. М.: ИС РАН, 1999; Gilinskiy Y., Zazulin G. Drugs in Russia: Situation, Policy and the Police // Police Practice and Research. Vol. 2 (4), 2001. pp. 345-364; Paoli L. Illegal Drug Trade in Russia. Freiburg: Edition juscrim, 2001.

Сведения о зарегистрированных преступлениях, связанных с наркотиками, отражены в табл. 2. Мы видим, во-первых, постоянный рост регистрируемых преступлений, начиная с 1990 г. Их уровень в стране вырос с 1990 по 2000 г. в 15,3 раза. Правда, столь значительный рост преступлений объясняется не только их реальным увеличением, но и повышенной активностью милиции. Подавляющее число выявленных лиц – потребители наркотических средств, «раскрытие» таких преступлений не представляет значительной сложности, зато свидетельствует об «усилении борьбы» и повышает уровень раскрываемости преступлений. Во-вторых, наибольшую долю составляют преступления в виде нелегального изготовления, или приобретения, или хранения, или пересылки наркотических средств или психотропных веществ. Большая часть этих преступлений совершается *без цели сбыта*, т.е. потребителями наркотиков.

Об этом свидетельствуют данные судебной статистики: в 1989 г. за вышеназванные преступления *без цели сбыта* было осуждено 88,6% всех осужденных, в 1992 г. – 92,4%, в 1995 г. – 90,2%, в 1998 г. – 70,4%, в 2001 г. – 74,0%, в 2004 г. – 91,4%, в 2007 г. – 69,4%.

Отмечается низкий удельный вес преступлений, совершаемых наркоманами (0,1 – 0,3%) и лицами, находящимися в состоянии наркотического и токсического опьянения (0,2 – 0,9%). Как явствует из материалов уголовных дел, большинство преступлений наркоманы совершают ради добычи наркотиков, средств для их приобретения. Поэтому приведенные показатели были бы еще ниже, если бы больные наркоманией имели легальную возможность приобретать наркотик (например, метадон, широко применяемый в медицинских целях даже в тех странах, где сохраняется запрет на наркотики), необходимый для снятия или предотвращения мучительного абстинентного синдрома.

Подавляющую массу осужденных за этот вид преступлений составляют подростки и молодежь в возрасте до 30 лет (порядка 70%). Очень высок удельный вес лиц, не имеющих постоянного источника доходов (с возрастанием от 23,4% в 1987 до 73,1% в 2001 г.). Прослеживается устойчивая тенденция возрастания доли женщин (с 6,5% в 1992 г. до 17,7% в 2001 г.).

Об этиологии наркотизма и антинаркотической политике

В наркомании видят бегство не только от жестоких условий существования (Р. Мертон, Дж. Макдональд, Дж. Кеннеди и др.), но и от всеобщей стандартизации, регламентации, запрограммированности жизни в современном обществе (Ж. Бодрийяр).

На личностном уровне «уход» в наркотики (равно как в пьянство или уход из жизни – самоубийство) – результат, прежде всего, *социальной неустроенности, исключенности (exclusive),* неблагополучия, «заброшенности» в этом мире, утраты или отсутствия смысла жизни. «Мы можем утверждать следующее: если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов»⁵⁰.

Государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различаются во времени и по странам: от терпимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета (прогибиционизм) и преследования.

Серьезной социальной проблемой потребление наркотиков становится в конце XIX в. В настоящее время международный контроль над производством и распределением наркотических средств и психотропных веществ осуществляется на основе Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. (с последующими дополнениями) и Конвенции о психотропных веществах 1971 г.

История знала вполне мирное сосуществование общества и наркотиков, и антагонизм вплоть до сражений («опийные войны» в Китае, военные действия США против наркобаронов). Однако, «мы не выиграли ни одного сражения с наркотиками и никогда не выиграем», ибо «мы не можем изгнать наркотики и наркоманов из нашей жизни»⁵¹.

А криминолог Шончек политику «войны с наркотиками» рассматривает как результат мистификации проблемы, лож-

50. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С.30.

51. Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. №12. С.145.

	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2005	2007
Всего	18534	13446	19321	53152	79819	185832	216364	243572	241598	189576	181688	175241	231218
Уровень (на 100 тыс. населения)	*	*	*	35,8	54,0	126,3	147,9	167,3	166,0	132,1	127,0	122,1	162,6
В том числе:													
- хищение наркотиков	832	436	433	475	691	399	468	*	*	*	*	*	*
- изготовление, приобретение, хранение, пересылка	15506	10594	17036	49249	72457	175868	206874	233490	231601	179938	124537	159497	210126
- организация или содержание притонов для потребления наркотиков	444	171	181	499	750	933	1033	989	813	424	356	3141	5098
- незаконные посевы мака, конопли или иных растений	136	3	76	343	666	2432	3630	4409	4017	4095	2393	3405	3467

Таблица 2. Зарегистрированные преступления, связанные с наркотиками (1987–2007).

Источники: Преступность и правонарушения М., 1992

ного сознания и лицемерия⁵².

В настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» («*War on Drugs*») к политике «меньшего вреда» («*Harm reduction*»). Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия⁵³.

К сожалению, Россия опять идет «своим путем», пренебрегая как зарубежным, так и своим собственным опытом. Усиление запрета и репрессий, подмена реальной антинаркотической деятельности (социальной, медицинской, педагогической, психологической) очередным приступом «усиления борьбы» лишь ухудшает ситуацию⁵⁴.

Между тем, существует разнообразная международная, а отчасти и отечественная практика антинаркотических программ, антинаркотической пропаганды, профилактической работы и помощи наркозависимым (наркоманам).

Трезвую оценку запрета наркоторговли с экономической точки зрения дает Л.М. Тимофеев: «Запретить рынок – не значит уничтожить его. Запретить рынок – значит отдать *запрещенный*, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций... Запретить рынок значит обогатить криминальный мир сотнями миллиардов долларов, предоставить криминальным силам широкий доступ к общественным благам. И, наконец, самое главное. Запретить рынок – значит дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства»⁵⁵.

Мировое сообщество начинает осознавать последствия «войны с наркотиками». В марте 2009 г. вышел в свет Доклад Директора-исполнителя Управления ООН по наркотикам и преступности под характерным названием: «Организованная

52. Schoncheck J. On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law. Kluwer Academic Publishers, 1994.

53. Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications. 1998.

54. Подробнее см.: Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2001.

55. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М., 1998. С. 107.

преступность и угроза безопасности. Борьба с разрушительным последствием контроля над наркотиками». В докладе говорится об одном «трагическом и неожиданном» последствии «борьбы с наркотиками» — колоссальном расширении криминального рынка. С *неожиданностью* трудно согласиться. Иначе и быть не могло: запрет на легальный рынок с неизбежностью влечет формирование криминального рынка. В результате, продолжает автор доклада, «ряд стран сталкивается сегодня с криминогенной ситуацией, которая возникла в значительной степени из-за их собственного выбора». А «самым серьезным разрушительным последствием стало появление весьма прибыльного черного рынка контролируемых веществ, подчиненного могущественным преступным картелям, и как следствие этого беспрецедентный рост насилия и коррупции... Наркокартели покупают не только недвижимость, банки и коммерческие структуры, они покупают выборы, кандидатов и партии. Словом, они покупают власть». В докладе отмечается, что «потребителей запрещенных наркотиков значительно меньше, чем людей, употребляющих разрешенные, но обладающими аддиктивными свойствами и нередко оказывающие смертельное действие вещества, такие, как табак и алкоголь».

Одно из достоинств Доклада — предлагаются некоторые направления несиловой антинаркотической политики: «осуществление мероприятий, направленных на изменение социальных условий, с целью оказать воздействие на обстановку, в которой процветают рынки наркотиков»; социальная интеграция наркоманов и групп риска — жителей городских трущоб; предоставление возможностей выбора для реальных или потенциальных безработных, молодых людей с низким образовательным уровнем. «Потребители наркотиков... не должны привлекаться к уголовной ответственности. С учетом состояния их здоровья их нужно отправлять на реабилитацию, а не за решетку». И как будто специально для России: «Именно государства должны проявлять сдержанность, находя альтернативные пути решения проблем наркотиков и преступности. Политическую и административную некомпетентность нельзя ошибочно использовать для оправдания нарушений прав человека, и правительства, прежде всего, должны разорвать этот ужасный замкнутый круг».

Есть правительства, которые быстро откликнулись на призыв Комиссии ООН. В США новый руководитель Управления по национальной политике в области контроля за распространением наркотиков Джил Керликовске заявил: «Независимо от того, как вы это называете – войной с наркотиками, или войной с продуктом, или как-то еще, – люди рассматривают ее как войну с ними лично. А мы не воюем с собственным народом»⁵⁶.

Коррупция и преступность

Коррупция сопровождает человечество с древнейших времен. Наказание за взяточничество (подкуп) предусматривалось законами Хаммураби (четыре тысячи лет назад), устанавливалось египетскими фараонами⁵⁷. Имеется множество *определений* коррупции. Возможно, наиболее краткое из них: «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» (Joseph Senturia).

Более полное определение содержится в документах 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979): «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

Существует множество *форм* (проявлений) коррупции: взяточничество, кумовство, протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконное присвоение общественных ресурсов в личных целях, незаконная поддержка и финансирование политических структур, вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных отношений для получения доступа к общественным ресурсам – товарам, услугам, привилегиям, оказание различных услуг родственникам, друзьям, знакомым) и др. Исчерпывающий перечень коррупционных видов деятельности невозможен.

56. Ж. «Власть». №22 (825), 2009.

57. Kugel Y., Gruenberg G. International Payoffs. Lexington Books, 1977.

Коррупция – *сложный социальный феномен*, порождение общества и общественных отношений, одно из проявлений продажности. Социальный феномен *продажности* (от коррупции должностных лиц до проституции – в сфере политики, науки, искусства, журналистики или же – сексуальных отношений) возможен в обществе развитых товарно-денежных отношений, когда «способность всех продуктов, деятельности, отношений к обмену на нечто третье, вещное, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на все без разбора, т.е. развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) – тождественно всеобщей продажности, коррупции»⁵⁸. Тот или иной вид продажности, осознаваемый как проблема, представляет собой социальную конструкцию: общество определяет, что, где, когда, при каких условиях и с какими последствиями рассматривается как коррупция, проституция и др.

В современном обществе, включая российское, коррупция – социальный институт, *элемент системы управления, тесно связанный с другими социальными институтами* – политическими, экономическими, культурологическими. Социальный институт характеризуется наличием регулярных и долговременных социальных практик, поддерживаемых с помощью социальных норм, имеющих важное значение в структуре общества, наличием множества ролей⁵⁹.

Об институционализации коррупции свидетельствуют: выполнение ею ряда социальных *функций* – упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита⁶⁰; наличие вполне определенных субъектов коррупционных взаимоотношений (патрон – клиент), распределение социальных ролей (взяткодатель, взяткополуча-

58. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч.1. С.106.

59. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Изд-во Казанского ун-та, 1997. С.106-107.

60. Left N. Economic Development through Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964, VIII; Scott J. Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972; и др.

тель, посредник); наличие определенных *правил игры, норм*, известных субъектам коррупционной деятельности; сложившийся *сленг и символика* коррупционных действий; установившаяся и известная заинтересованным лицам *такса* услуг.

Институционализация коррупции в развитых странах Запада рассмотрена В. Рейсменом еще в 1979 г. (русский перевод 1988 г.⁶¹), в отечественной литературе этому посвящены, прежде всего, книги В. Радаева⁶² и Л. Тимофеева⁶³.

Исследования И. Клямкина, А. Олейника, В. Радаева, Л. Тимофеева, Т. Шанина и др.⁶⁴, позволяют утверждать, что коррупция, наряду с теневой экономикой, теневой политикой, теневым правом и т.п., сформировавшимися в России в годы советской власти и сохраняющимися по сей день, образуют институционализированную теневую реальность, не считаться с которой, значит не понимать реальную социальную действительность, происходящие в обществе процессы. «Оказалось, что теневая реальность – это не только «вторая экономика» или коррупция, но охватывающая все общество в целом, законченная институциональная система (экономика, право, административные отношения и т.д.), – вся целиком вне сферы юридического закона»⁶⁵.

Экономические, социальные, политические *последствия* коррупции хорошо известны. Коррупция существует во всех современных государствах. Другой вопрос – масштабы коррупции. По данным международной организации *Transparency International*, Россия входит в число наиболее коррумпированных стран мира. Так, в 2006 г. она с баллом 2,5 входила в группу стран: Бенин, Гамбия, Гайана, Гондурас, Непал, Филиппины, Россия, Руанда, Свазиленд (наименее кор-

61. Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы и реформы». М.: Прогресс, 1988.

62. Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: Транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр полит. технологий, 1998.

63. Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки теории. М.: РГГУ, 2000.

64. См.: Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М.: РГГУ, 2000; Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики, 2001. №5. С. 4-25; Радаев В.В. Указ. соч.; Тимофеев Л. Указ соч.; Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин Т. М.: Логос, 1999.

65. Тимофеев Л. (2000) Указ. соч. С. 62.

румпируемые страны — Финляндия, Исландия, Новая Зеландия - имели балл 9,6; наиболее коррумпированная – Гаити – 1,8 балла). В 2007 г. степень коррумпированности России увеличилась: с баллом 2,3 она входит в группу стран: Гамбия, Индонезия, Россия, Того (наименее коррумпированы Дания, Финляндия. Новая Зеландия - с баллом 9,4, наиболее коррумпированы Мьянма, Сомали – с баллом 1,4).

Официальные данные об уголовно наказуемом взяточничестве в России приводятся в табл. 3, но это лишь верхушка айсберга. Латентность коррупционных преступлений чрезвычайно высока. Из табл. 3 мы видим, что даже с учетом высочайшего уровня латентности взяточничества, реально раскрывается лишь половина из зарегистрированных преступлений, а осуждается половина выявленных лиц, обвиняемых во взяточничестве. При этом осуждаются за взяточничество нередко молодежь (17-30%), рабочие (13-38%), лица, не имеющие постоянного источника доходов (2-14%) и даже учащиеся, т.е. взяткодатели или же «мелкая рыбешка» среди взяткополучателей, а отнюдь не солидные коррупционеры.

Между тем, коррупция является сегодня в России проблемой №1, главной угрозой обществу. *В условиях тотальной коррумпированности всех ветвей власти на всех уровнях принципиально невозможно решить ни одной иной социальной, экономической, политической проблемы.* Ибо все упирается в вопрос: кому и сколько надо заплатить?

О масштабах и всевластии коррупции свидетельствует формирование в России *коррупционных сетей*. «От единичных разрозненных сделок коррупционеры переходят к организованным и скоординированным действиям, объединяясь в преступные сообщества, образующие коррупционные сети... Эти взаимосвязи и взаимозависимости направлены на систематическое совершение коррупционных сделок, как правило, с целью личного обогащения, распределения бюджетных средств в пользу структур, входящих в коррупционную сеть, повышения прибылей, их максимизации, или получения конкурентных преимуществ финансово-кредитными и коммерческими структурами, входящими в коррупционную сеть... Руководителями коррупционных сетей часто являются самые

высокопоставленные российские чиновники и политики»⁶⁶.

Коррупционные сети тесно связаны с организованной преступностью. Средства, получаемые в результате экспорта нефти, газа, металлов, функционирования транспорта, связи, энергетики, лесного хозяйства, от оптовой торговли и финансирования оборонных заказов и Вооруженных Сил и т.п., — распределяются по коррупционным сетям. «Крупнейшие российские коррупционные сети выстраиваются вокруг Центрального банка РФ и некоммерческих банков, таких как Сбербанк РФ, Внешэкономбанк РФ... Крупнейшая коррупционная сеть сформировалась в системе силовых органов, включая ФСБ, МВД и Государственный таможенный комитет. Это, по-видимому, и наиболее развитая коррупционная сеть... На высшем уровне разрабатываются схемы проведения крупных операций, для чего проводятся совместные совещания, причем как полулегальные, так и нелегальные... Все российские министерства и ведомости поражены коррупцией. Крупнейшие коррупционные сети выстроены вокруг Министерства финансов РФ, Министерства экономики РФ, Мингосимущества РФ... Очень сильно коррумпированы суды, в которых можно за взятку получить любое желательное решение или не допустить нежелательного решения... Особенно коррумпированы арбитражные суды, в которые по этой причине предприниматели предпочитают не обращаться вообще...»⁶⁷.

Каковы факторы, обуславливающие массовость коррупции в современной России? Основными из них являются: давняя российская традиция; бывшая советская коррумпирующая «номенклатура» в значительной степени восстановила свои позиции в «новой» системе власти, привнеся в нее свои нравы; номенклатурная приватизация послужила экономической основой как беловоротничковой преступности в целом, так и коррупции; организованная преступность успешно использует подкуп для обеспечения своей безопасности; издавна коррумпируемыми в России оказывались высшие эшелоны власти, ясно, что среднее и низшее звенья чиновничества «с чистой совестью» следуют их примеру; немаловажным, хотя и не главным, является то, что зарплата

66. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / ред. А. Сунгуров. СПб: Норма, 2000. С. 72.

67. Там же. С.76-78.

служащих, сотрудников правоохранительных органов крайне низка, и это служит моральным «оправданием» взяточничества.

Терроризм и преступность

Терроризм (terror – лат. страх, ужас) является одной из серьезнейших современных социальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Между тем, как это часто бывает, чем серьезнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще Laqueur: «один – террорист, другой – борец за свободу»⁶⁸

Эта тема рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor⁶⁹. Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Слишком многое зависит от позиции субъекта оценки.

Ganor называет три важнейших элемента терроризма: (1) применение или угроза применения *насилия*; (2) *политические цели* (мотивы) *деятельности*; (3) реальными целями оказывается *мирное население, граждане*⁷⁰.

Различают террор и терроризм: *terror* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, прежде всего, тоталитарным режимам); терроризм как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв “государственного террора”»⁷¹.

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют – осознанно или нет – интересы массы *exclusive* («исключенных») в современном мире. Поляриза-

68. Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, 1987. p. 302.

69. Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3, N 4. pp. 287-304.

70. Ganor. L.c. pp.294-295.

71. Чаликова В. Указ. соч. С.310; Ферро М. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 314.

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100000 жителей с 16 лет)	Выявленные лица	Осужденные
1987	4155	3,8	2836	2008
1988	2462	2,2	1994	812
1989	2195	2,0	1306	451
1990	2691	2,4	1510	649
1991	2534	2,3	1266	612
1992	3331	2,9	1537	686
1993	4497	3,9	2279	843
1994	4921	4,3	2727	1114
1995	4889	4,3	2342	1071
1996	5453	4,8	2692	1243
1997	5608	4,9	2320	1381
1998	5804	5,0	2803	1314
1999	6871	5,9	2921	1515
2000	7047	6,0	3481	1529
2001	7909	6,8	3696	2084
2002	7311	6,2	3796	2035
2003	7436	6,3	3939	2232
2004	8928	7,5	4609	2930
2005	9821	8,2	5109	3609
2006	11063	9,3	5619	4229
2007	11616	9,7	6046	4869
2008	12512	*	6006	*

Табл. 3. Взятничество в России (1987 -2008)

ция на очень богатое и властное меньшинство «включенных» (*inclusive*) и очень бедное и бесправное большинство «исключенных» приводит в условиях глобализации к опасному для всего человечества разделению на «включенные / исключенные» страны и «включенных / исключенных» в каждой стране. Этот глобальный процесс и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. И не столь важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам, является *преступной* деятельностью и заслуживает самой суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, нежели чисто юридический. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но терроризм преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи – «справедливы», имеют не меньшую ценность чем те, против которых они выступают. Поэтому силовая борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, конфессиональный, идеологический) характер – малоэффективна. Об этом свидетельствует опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с чеченскими – в России.

Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и акторов «преступлений ненависти» (*Hate crimes*)⁷². Поэтому «искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, «мучеников», а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом»⁷³.

Мировое сообщество и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего *политические* (экономические, социальные) усилия по *предотвращению* условий

72. Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

73. Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М.: ЦКИ РАН, 1993. С.171.

для терроризма, по ненасильственному разрешению социальных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов. Можно (и нужно) «бороться» с отдельными исполнителями терактов, но нельзя карательными мерами устранить причины, источники терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических) конфликтов.

Сосредоточившись на проблеме международного *терроризма*, наука и политика не должны забывать уроков *террора*, в значительной степени провоцирующего и террористические выпады. Террор гитлеровской Германии явился предметом научного изучения, политических и правовых выводов⁷⁴. Сталинский террор остался безнаказанным, и последствия его проявляются до сих пор⁷⁵.

В силу многих причин количественные характеристики террористических проявлений крайне неполны и противоречивы. Отметим в качестве примера, что в 1999 г. в России были зарегистрированы 20 преступлений по ст. 205 УК РФ (терроризм), по ним выявлено лиц – 0. В 2000 г. – соответственно 135 и 24. В 2002 г. – 360 и 65, в 2003 г. – 561 и 63, в 2004 г. – 264 и 43, в 2005 г. – 203 и 68, в 2006 г. – 112 и 117, в 2007 г. – 48 и 42⁷⁶.

Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Важно понять: мир без насилия в обозримом будущем невозможен; основная антитеррористическая задача – максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»); основной путь такого сокращения – предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, не репрес-

74. См., например: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М.: Государственное изд-во юридической литературы. В 7 томах. 1957-1961.

75. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; Конквест Р. Большой террор. Рига: Ракстниекс, 1991; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. Указ. соч.; Черная книга коммунизма. М., 1999.

76. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. С.538. Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С.276; Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С.224.

сивными, политическими методами.

Самоубийства и преступность

Кажется, нет ничего проще, чем понять, что такое самоубийство, когда говорят: «он покончил жизнь самоубийством» или «она покушалась на свою жизнь». Как пишет один из крупнейших современных исследователей самоубийства Edwin Shneidman, «операционально самоубийство определяется так: мертвый человек - дырка в голове - пистолет в руке - записка на столе»⁷⁷. Наши реакции на ставшие известными случаи добровольного ухода из жизни также довольно просты: сожаление о погибшем человеке и «диагноз» - «слабовольным был», «с психикой не в порядке», «допился», «жизнь довела» ...

Между тем, суицидальное поведение - один из сложнейших социальных феноменов, требующий серьезного отношения и изучения.

Ежегодно сотни тысяч людей во всем мире добровольно уходят из жизни. На порядок выше количество покушавшихся на свою жизнь.

Количество и уровень (в расчете на сто тысяч человек населения) самоубийств, как следствие социального неблагополучия, служит одним из важнейших индикаторов социального, экономического, политического, нравственного состояния общества. Не случайно в бывшем СССР древняя и трагическая тема самоубийства в течение многих десятилетий (с конца 20-х годов до горбачевской «перестройки») находилась под строжайшим запретом. Ибо, как заметил Г.Т. Бокль: «Самоубийство есть продукт известного состояния всего общества»⁷⁸.

Самоубийство, суицид (от лат. *sui* – себя, *caedere* – убивать) – умышленное (намеренное) лишение себя жизни.

Не считается самоубийством лишение себя жизни лицом, не осознающим смысл своих действий или их последствий (невменяемые, дети в возрасте до пяти лет). В этом случае фиксируется смерть от несчастного случая.

Суицидальное поведение включает завершённое само-

77. Schneidman E. Definition of Suicide. Jason Aronson Inc., 1994. p.7.

78. Бокль. История цивилизации в Англии. СПб, 1886. Т.1. Ч.1. С.30.

убийство, суицидальные попытки (покушения) и намерения (идеи). Эти формы обычно рассматриваются как стадии или же проявления одного феномена.

Под словом «самоубийство» в русском языке понимаются два разнопорядковых явления: во-первых, *индивидуальный* поведенческий акт, лишение себя жизни конкретным человеком; во-вторых, относительно массовое, статистически устойчивое *социальное явление*, заключающееся в том, что некоторое количество людей добровольно уходит из жизни.

Самоубийство — весьма сложный, многоаспектный (философский, социальный, психологический, нравственный, юридический, религиозный, культурный, медицинский и проч.) междисциплинарный феномен.

Лишение себя жизни психически здоровым человеком (а таких, вопреки довольно распространенному мнению, - большинство) в конечном счете есть следствие отсутствия или утраты смысла жизни, результат «экзистенциального вакуума»⁷⁹. А ведь смысл жизни - *философская*, мировоззренческая проблема.

Мотивация суицидальных актов, их ближайшая непосредственная причина — это проблемы *психологические и социально-психологические*. Генезис же самоубийства как социального явления, подчиняющегося определенным закономерностям, - предмет социологии.

Самоубийства в разных обществах и в *различное время* приобретали *различную религиозную, нравственную и правовую* оценку: от безусловного религиозного (у католиков, мусульман) и правового запрета (в дореволюционной России была предусмотрена уголовная ответственность за покушение на самоубийство) до ритуальных, социально одобряемых или же обязательных самоубийств (сати, сэппуку - харакири и т.п.).

Суицидальное поведение может явиться следствием соматических и психических заболеваний, становясь предметом *медицины, психиатрии*.

Воспроизводство относительно постоянного, статистически устойчивого для каждого конкретного общества числа добровольных смертей, динамика количества и уровня са-

79. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С.26-33.

моубийств в зависимости от экономических, политических, социальных изменений, неравномерное распределение суицидального поведения среди различных социально—демографических групп населения свидетельствуют о социальной природе этого феномена.

Относя самоубийство к девиациям, мы не «оцениваем» суицидальное поведение как нечто негативное, патологическое. Нормальное отношение к суициду и суицидентам - понимание, сочувствие, а нередко и уважение. Вместе с тем, самоубийство — «отклонение», поскольку не соответствует общепринятым социальным нормам, противоречит им, да и инстинкту самосохранения.

Как все виды социальных девиаций, самоубийства чутко реагируют на степень социальной и экономической дифференциации населения. Чем выше степень дифференциации, тем выше показатели суицидального поведения. Особенно «самоубийственно» резкое снижение социального статуса («комплекс Короля Лира»). Поэтому относительно высок уровень самоубийств в первые месяцы у солдат срочной службы, среди демобилизованных офицеров, у лиц, взятых под стражу.

Связь убийств и самоубийств отмечали еще К. Маркс, Э. Дюркгейм.

А. Henry и J. Short (1954) рассматривают убийство и самоубийство как формы агрессии на почве фрустрации⁸⁰. Это очень перспективная идея, развиваемая и западной суицидологией⁸¹, и отечественной (А. Амбрумова, Я. Гилинский и др.). В свою очередь фрустрация порождается относительно низким социальным (экономическим) статусом и/или его падением. Направленность агрессии на других (убийство) или на себя (самоубийство) - зависит от социальной или психологической «сдержанности», «обузданности» (*restraint*). Если психологическая сдержанность (самообладание) присутствует в форме внутреннего контроля или интернализации (восприятие, усвоение) жестких родительских требований и дисциплины, то агрессия проявляется в росте самоубийств. Если социальное

80. Henry A., Short J. Suicide and Homicide. Glencoe (Ill.). Free Press, 1954.

81. Holinger P., et al. Suicide and Homicide among Adolescents. NY-L.: The Guilford Press, 1994.

сдерживание существует в форме внешнего социального контроля — самоубийства сокращаются. Высокий уровень самоубийств предполагает слабое внешнее удержание и строгое внутреннее сдерживание (самоконтроль). Высокий уровень убийств наличествует при слабом внутреннем, но сильном внешнем удержании.

Причины решения о способе «разрешения» конфликтности жизненной ситуации - убить другого или себя, украсть или заработать, активизировать трудовую деятельность или забыться посредством алкоголя или наркотиков, зависят от характерологических (а также от интеллектуальных, эмоциональных и прочих психологических) свойств личности. Эмпирическим подтверждением этого служат результаты психологического обследования лиц, совершивших насильственные преступления, и суицидентов (по 160 человек каждой группы), проведенного в Москве под руководством профессоров А.Г. Амбрумовой и А.Р. Ратинова. Общий вывод: «Тип девиации (насильственное или суицидальное поведение) определяется психологическим складом личности, свойственным каждому представителю изученных популяций»⁸².

Издавна рассматриваются убийства и самоубийства как взаимосвязанные показатели социального благополучия/неблагополучия. Предлагалось использовать сумму уровня убийств и самоубийств как интегральный индикатор социальной патологии⁸³.

Тогда, например, ее уровень увеличился в России с 1980 по 1994 с 34,1 (9,7 + 24,4) до 74,1 (32,3 + 41,8), то есть почти в два раза. Для сравнения уровень социальной патологии за те же годы уменьшился в Австрии с 25,5 (24,4 + 1,1) до 22,6 (21,3 + 1,3), в Дании с 28,2 (27,0 + 1,2) до 23,5 (22,3 + 1,2), в Канаде с 28,2 (27,0 + 1,2) до 23,5 (22,3 + 1,2), во Франции с 21,9 (20,9 + 1,0) до 21,3 (20,3 + 1,0).

Мы применили частное от деления уровня убийств на уровень самоубийств («коэффициент насилия») в качестве одного из возможных социальных показателей, характеризующих

82. Амбрумова А.Г., Ратинов А.Р. Мультидисциплинарное исследование агрессивного и аутоагрессивного типа личности // Комплексные исследования в суицидологии. М.: Московский НИИ психиатрии, 1986. С.43.

83. Сидович С.Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. №4. С.74-79.

как степень социального благополучия/неблагополучия, так и степень «цивилизованности»/«социальности», заимствуя терминологию А. Зиновьева⁸⁴. С его точки зрения, «цивилизованность» - показатель развитости, человечности, тогда как «социальность» - все то, что порождает борьбу между людьми, попытки побольше урвать от «общего пирога». При этом мы исходили из того, что, во-первых, убийства и самоубийства суть два проявления агрессии. Во-вторых, оба эти явления социально обусловлены и имеют относительно низкую латентность. В-третьих, оба социальных феномена представляются наиболее экстремальными способами «разрешения» социальных и личностных конфликтов. В-четвертых, убийство себя служит более «цивилизованной» реакцией, нежели убийство другого⁸⁵.

В результате возможно выделить четыре группы стран: с низким показателем соотношения уровня смертности от убийств и самоубийств (0,03 - 0,10) и, соответственно, высокой степенью «цивилизованности» при низкой «социальности» (Австрия, Венгрия, Дания, Норвегия, Франция, ФРГ, Швейцария, Япония и др.); со средним показателем этого соотношения (0,11 - 0,39) и средней «цивилизованностью - социальностью» (Болгария, Греция, Канада, Польша и др.); с высоким показателем рассматриваемого соотношения (0,40 - 0,99) - низкая «цивилизованность», высокая «социальность» (Аргентина, США, Уругвай и др.); с очень высоким, экстремальным показателем (> 1,0). Последний тип означает либо очень низкий уровень «цивилизованности» при очень высоком уровне «социальности», либо наличие в стране экстремальных политических условий, включая состояние войны (Мексика, Пуэрто-Рико, Эквадор и др.). Некоторые данные приводятся в таблице 4.

Динамика рассматриваемого показателя в России представлена в таблице 5.

Рост уровней убийств и самоубийств в России, резкое уве-

84. Зиновьев А. Зияющие высоты. М., 1990. Т.1; Социальная философия А. Зиновьева // Вопросы философии. 1992. №11. С.33-56.

85. Гилинский Я.И. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне Российской действительности эпохи постперестройки // Мир России. 1995. №2. С.127-128; Гилинский Я.И., Юнацкевич П.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб, 1999. С.49-52.

	1988/1989		
	Уровень убийств	Уровень самоубийств	Уровень убийств / уровень самоубийств
Австрия	1,1	24,9	0,04
Болгария	2,5	16,4	0,15
Венгрия	2,9	41,5	0,07
Дания	1,2	27,0	0,04
Нидерланды	1,0	10,3	0,09
Польша	2,9	11,4	0,25
Пуэрто-Рико	14,0	7,8	1,79
США	8,5	12,6	0,67
ФРГ	1,0	16,5	0,06
Чили	3,1	5,7	0,54
Эстония	11,0	27,1	0,40
Япония	0,6	17,2	0,03
1993 / 1994			
Австрия	1,3	21,3	0,06
Болгария	5,1	17,4	0,29
Венгрия	3,5	35,3	0,09
Дания	1,2	22,3	0,05
Мексика	17,8	2,6	6,85
Нидерланды	1,2	10,2	0,11
Польша	2,9	14,3	0,20
ФРГ	1,2	15,6	0,07
Эстония	28,2	40,9	0,68
Япония	0,6	16,8	0,03

Табл. 4. Соотношение уровней (на 100 тыс. чел. населения) смертности от убийств и самоубийств в некоторых странах

	Уровень смертности от убийств	Уровень смертности от самоубийств	Соотношение уровней смертности
1988	9,7	24,4	0,39
1989	12,6	25,8	0,49
1990	14,3	26,4	0,54
1991	15,2	26,5	0,57
1992	22,8	31,0	0,74
1993	30,6	38,1	0,80
1994	32,3	41,8	0,77
1995	30,8	41,4	0,74
1996	26,6	39,4	0,67
1997	23,9	37,6	0,63
1998	23,0	35,4	0,65
1999	26,2	39,3	0,67
2000	28,3	39,3	0,72
2001	29,8	39,7	0,75
2002	30,8	39,5	0,78
2003	29,5	36,5	0,80

Таблица 5. Уровень смертности от убийств и самоубийств в России (1988 - 2003)

личение и значения интегрального показателя социальной патологии и индикатора цивилизованности/социальности лишней раз свидетельствует о глубоком кризисе современной России. Нельзя не согласиться с Д.Д. Богоявленским: «Пока политики спорят о том, как россияне реагируют на реформы, те все чаще избирают крайние варианты ухода от действительности»⁸⁶.

Генезис девиантности

Может быть самое главное: многочисленные исследования показали, что имеется ряд *общих для всех видов девиантности*, включая преступность, факторов, влияющих на состояние и динамику девиаций. К их числу относятся: со-

86. Богоявленский Д.Д. Указ. соч. С.77.

циально-экономическое неравенство, «исключенность», отсутствие или недостаточность вертикальной мобильности, недостатки ранней и последующей социализации, и др.⁸⁷ Это лишний раз свидетельствует о неразрывной, «генетической» связи различных девиантных проявлений, а, следовательно, о связи изучающих их наук: девиантологии, криминологии, аддиктологии, суицидологии и др. Но исторически криминология является наиболее развитой среди «сестер».

Литература к теме:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

2. Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.

3. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2007.

4. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009.

5. Гишинский Я.И., Юнацкевич П.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб, 1999.

6. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гишинский. СПб.: Алетейя, 2000.

7. Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985.

8. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб: Алетейя, 2006.

9. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005.

10. Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004, №8

11. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы со-

87. Гишинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004, №6; Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004, №8; и др.

временной России. Теория – анализ – модели. Учебник для вузов. М.: РГГУ, 2008.

12. Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. №12.

Вопросы для самоконтроля:

1. Что является основным предметом криминологии?
2. А что изучает девиантология (ее предмет)?
3. Что такое преступность?
4. Какие виды потребления алкоголя «девиантны», и как они связаны с преступностью?
5. Какая связь между потреблением наркотических средств и преступностью? И «что делать?»
6. Как различаются террор и терроризм?
7. Как соотносятся коррупция как социальное явление и коррупционные преступления (прежде всего – взяточничество)?
8. Какие показатели убийств и самоубийств могут служить индикатором социального благополучия / неблагополучия?
9. Какие основные факторы лежат в основе и преступности, и иных видов

САМОУБИЙСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН¹

*Есть лишь одна по-настоящему
серьезная философская проблема -
проблема самоубийства.*

А. Камю

Кажется, нет ничего проще, чем понять, что такое самоубийство, когда говорят: «он покончил жизнь самоубийством» или «она покушалась на свою жизнь». Как пишет один из крупнейших современных исследователей самоубийства Edwin Shneidman, «операционально самоубийство определяется так: мертвый человек - дырка в голове - пистолет в руке - записка на столе»².

Наши реакции на ставшие известными случаи добровольного ухода из жизни также довольно просты: сожаление о погибшем человеке и «диагноз» — «слабовольным был», «с психикой не в порядке», «допился», «жена довела», «жизнь довела».

Между тем, суицидальное поведение - один из сложнейших социальных феноменов, требующий серьезного отношения и изучения.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), ежегодно в наступившем веке добровольно уходят из жизни порядка 1100000 человек. А если учитывать реальное количество (с учетом «замаскированных» под несчастные случаи, ДТП, «пропавших без вести» и др.), то число самоубийств возрастает до 4 млн. человек в год. Число же покушавшихся на свою жизнь – в 10-20 раз больше. Только в России по официальным данным за десять лет с 1994 г. по 2003 г. покончили жизнь самоубийством свыше 558 тыс. человек, или в

1. Опубликовано в: Социологический журнал. №2. 2011. С. №9-48.

2. Schneidman E. Definition of Suicide. Jason Aronson Inc., 1994, p.7.

среднем свыше 55 тысяч человек в год.

Количество и уровень (в расчете на сто тысяч человек населения) самоубийств, как следствие социального неблагополучия, служит одним из важнейших индикаторов социального, экономического, политического, нравственного состояния общества. Не случайно в бывшем СССР тема самоубийства в течение многих десятилетий находилась под строжайшим запретом. Ибо, как заметил еще в середине XIX столетия Г. Бокль: «Самоубийство есть продукт известного состояния всего общества»³. Руководство СССР, осознанно или интуитивно понимая это, тщательно скрывало ситуацию с самоубийствами в стране.

Самоубийство, суицид (лат. *sui* - себя, *caedere* — убивать) – *умышленное (намеренное) лишение себя жизни*. Это лишь одно из возможных и наиболее простых определений сложного социального феномена.

Не считается самоубийством лишение себя жизни лицом, не осознающим смысл своих действий или их последствий (невменяемые лица, дети в возрасте до пяти лет). В этом случае фиксируется смерть от несчастного случая.

Суицидальное поведение включает завершённое самоубийство, суицидальные попытки (покушения) и намерения (идеи). Эти формы обычно рассматриваются как стадии или же проявления одного феномена.

В самом широком смысле, самоубийство - вид саморазрушительного, аутодеструктивного поведения (наряду с пьянством, курением, потреблением наркотиков, а также перееданием).

Под словом «самоубийство» в русском языке понимаются два разнопорядковых явления: во-первых, *индивидуальный поведенческий акт*, лишение себя жизни конкретным человеком; во-вторых, относительно массовое, статистически устойчивое *социальное явление*, заключающееся в том, что некоторое количество людей добровольно уходит из жизни. В некоторых языках, включая английский, немецкий, русский, отсутствует дифференциация этих понятий. Поэтому лишь из контекста бывает ясно, идет ли речь о поступке человека, или же о социальном феномене.

3. Бокль. История цивилизации в Англии. СПб, 1886. Т.1. Ч.1. С.30.

Самоубийство - весьма сложный, многоуровневый (философский, социальный, психологический, нравственный, юридический, религиозный, культурный, медицинский) междисциплинарный феномен⁴.

Лишение себя жизни психически здоровым человеком (а таких, вопреки довольно распространенному мнению, - большинство), в конечном счете, есть следствие отсутствия или утраты смысла жизни, результат «экзистенциального вакуума»⁵. А ведь смысл жизни - философская, мировоззренческая проблема. Не удивительно, что тема самоубийства звучала в работах большинства известных философов. Но особое место самоубийство заняло в творчестве экзистенциалистов - Кьеркегора, Камю, Сартра, Хайдеггера, Ясперса. Последний, будучи врачом по профессии, заметил: «Больной человек идет к врачу, здоровый - кончает самоубийством». Этот парадоксальный вывод был направлен против сторонников объяснения суицидального поведения исключительно психическими заболеваниями. А Камю писал: «вопрос о смысле жизни я считаю самым неотложным из всех вопросов», а потому «есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема - проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии»⁶.

Мотивация суицидальных актов, их ближайшая непосредственная причина - это проблемы, прежде всего, *психологические и социально-психологические*. Генезис же самоубийства как социального явления, подчиняющегося определенным закономерностям, - предмет *социологии*.

Самоубийства в разных обществах и в различное время приобретали различную *религиозную, нравственную и правовую оценку*: от безусловного религиозного (у католиков, мусульман) и правового запрета (в дореволюционной России

4. Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., исправл. и дополн. СПб: Юридический центр Пресс, 2007. С.323-376; Юнацкевич П.И., Гилинский Я.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб, 1999.

5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С.26-33.

6. Камю А. Миф о Сизифе. В: Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 24-25.

была предусмотрена уголовная ответственность за покушение на самоубийство) до ритуальных, социально одобряемых или же обязательных самоубийств (сати индийских вдов, японское сэппуку - харакири и т.п.).

Суицидальное поведение является неотъемлемой составляющей культуры как способа существования общественного человека. Культура аккумулирует все социально значимые формы человеческой жизнедеятельности. При этом каждая культура «оформляет» («конструирует») виды деятельности, включенные в нее. Так, можно говорить о суициде в буддистской, индуистской, исламской, древнегреческой, древнеримской, христианской, западноевропейской, североамериканской и иных культурах⁷.

Самоубийство служит вечной темой в искусстве. Достаточно вспомнить «Новую Элоизу» Ж.-Ж.Руссо, «Страдания молодого Вертера» Гете, «Бедную Лизу» Карамзина или же «Отель «Танатос»» Моруа. Суицидальное поведение может явиться следствием соматических (прежде всего, онкологических) и психических заболеваний, становясь предметом *медицины, психиатрии*⁸.

Для социологии и истории *творчества* небезразличен анализ относительной распространенности суицидального поведения среди творческих личностей - писателей, поэтов, ученых, художников. Не удивительно, что и суицидологическая литература уделяет немало внимания анализу суицидального поведения творцов⁹.

Однако воспроизводство относительно постоянного, статистически устойчивого для каждого конкретного общества числа добровольных смертей, динамика количества и уровня самоубийств в зависимости от экономических, политических, социальных изменений, неравномерное распределение суицидального поведения среди различных социально—демографических групп населения свидетельствуют о социальной

7. Retterstol N. Suicide: A European Perspective. Cambridge University Press, 1993. P.10-21; Полотовская И.Л. Смерть и самоубийство: Россия и мир. СПб: ДБ, 2010.

8. Юрьева Л.Н. Клиническая суицидология. Днепропетровск: Пороги, 2006.

9. Cutter F. Art and the Wish to Die. Chicago: Nelson-Hall, 1983; Lester D. Suicide in Creative Women. Nova: Science Publishers, Inc., 1993; Лаврин А. Хроника Харона: Энциклопедия смерти. М.: Московский рабочий, 1993; Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

природе этого феномена. В мире животных суицидальное поведение либо не наблюдается вовсе, либо ограничивается редкими нетипичными актами, носящими не осозанный, а инстинктивный характер (и поэтому не являющееся собственно самоубийствами). Не случайно Ж.-П.Сартр усматривал отличие человека от животного в том, что человек может покончить жизнь самоубийством.

Э. Дюркгейм в классическом труде «Самоубийство: Социологический этюд» утверждал, что самоубийства зависят от внешних по отношению к индивиду причин, которые следует искать внутри общества, а число самоубийств можно объяснить только социологически¹⁰. А Питирим Сорокин в 1913 г., на основании проведенного исследования, утверждает: «Причины или факторы самоубийства следует искать в социальной или общественной жизни людей»¹¹.

Отметим ряд закономерностей, свидетельствующих о социальной природе суицидального поведения, следствия закономерностей и противоречий общественного развития.

Количество и уровень (обычно в расчете на 100 тысяч человек населения) самоубийств, как показал еще Э. Дюркгейм, находятся в обратной корреляционной зависимости от степени интеграции, сплоченности общества. Поэтому, по Дюркгейму, уровень самоубийств в католических странах ниже, чем в протестантских. И в наши дни наблюдается более низкий уровень самоубийств в католических странах (Италия, 2002 – 7,1; Испания, 2004 – 8,2), чем в протестантских (Австрия, 2005 – 16,9; Дания, 2003 – 13,6; Финляндия, 2004 – 20,3; Франция, 2003 – 18,0; Чехия, 2004 – 15,5; Швейцария, 2004 – 17,4; Швеция, 2002 – 13,2 и др.)¹². Исключение составила католическая Польша, где в 2004 г. уровень самоубийств достиг 15,9. Что это - приоритет социально-политических факторов по сравнению с религиозными?

По той же причине, во время войн снижается уровень самоубийств (сплочение общества перед лицом общей опасности). Об этом свидетельствует динамика суицида во время

10. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. С. 287, 313 и др.

11. Сорокин П.А. Самоубийство, как общественное явление. Рига: Наука и жизнь, 1913. С. 29.

12. URL: <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm>

войн, включая первую¹³ и вторую мировую¹⁴.

Уровень самоубийств повышается в годы экономических кризисов, депрессий и роста безработицы. Так, на протяжении почти всего XX столетия, уровень самоубийств в США был весьма стабилен: 10 - 12 на 100 тыс. человек населения. И лишь в годы «Великой Депрессии» этот уровень увеличился до 17,5 (1932 г.).

Как все виды социальных девиаций, самоубийства чутко реагируют на степень социальной и экономической дифференциации населения и темпы ее изменения. Чем выше степень дифференциации, тем выше показатели суицидального поведения. Особенно «самоубийственно» резкое снижение социального статуса («комплекс Короля Лира»). Поэтому относительно высок уровень самоубийств в первые месяцы у солдат срочной службы, среди демобилизованных офицеров, у лиц, взятых под стражу.

Будучи, в конечном счете, следствием отсутствия или утраты смысла жизни («экзистенциальный вакуум») самоубийства растут в годы идеологических кризисов, «смены вех». Как писал Ф.М. Достоевский, «потеря высшего смысла жизни... несомненно ведет за собою самоубийство»¹⁵.

На уровень самоубийств влияет культурологический фактор: насколько данная культура предлагает, подсказывает суицидальную модель возможного «решения» кризисной ситуации. Может быть поэтому традиционно высок уровень самоубийств среди жителей стран угро-финской группы (Венгрия, 2003 - 27,7; Финляндия, 2004 - 23,0; Эстония, 2005 - 20,3; Удмуртия, 1986 - 41,1), а уровень самоубийств у черного населения США значительно ниже, чем у белого, хотя социально-экономические различия заставляют предположить обратное¹⁶. Как известно, нет правил без исключения. В современной Литве – стране с преобладанием католического населения (литовцы и поляки) оказался один из самых высоких в мире уровень самоубийств (в 2005 г. – 38,6 на 100 тыс.

13. Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.

14. Podgorecki A. Patologia zycia społecznego. Warszawa, 1969.

15. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1982. Т.24. С.49.

16. Akers R. Deviant Behavior: A Social Learning Approach. Belmont, California: Wadsworth, Inc., 1985, p. 279.

человек населения, в 2007 г. - 42). Это обстоятельство уже получило наименование «литовского парадокса»¹⁷.

В некоторых культурах сложился ритуал добровольного ухода из жизни: японское сэппуку (в западном варианте и для японцев - с элементами иронии - харакири), сати индийских вдов и т.д. Наконец, устойчиво одинаковое распределение самоубийств среди различных социально-демографических групп населения также свидетельствует о социальной природе самоубийств¹⁸.

Конечно, сказанное не исключает роли других факторов. Так, на уровне индивидуального поведения несомненно значение психологических характеристик индивида. Афористическое высказывание В. Леви: «Социум выбирает из психогенофонда»¹⁹ — удачно демонстрирует связь между этими двумя уровнями. Действительно, *социальные условия*, преломляясь через индивидуальные, личностные, психологические *особенности* конкретного человека, реализуются в виде суицида, или убийства, или невроза, или иной реакции.

При прочих равных условиях, уровень и динамика суицидального поведения может зависеть и от космических факторов (солнечная активность, геомагнитные бури и т.п.)²⁰.

Ниже будет предпринят краткий анализ динамики самоубийств в России (на основе данных официальной статистики, которая – напомним – отражает не все фактические случаи). Динамика уровня завершенных самоубийств в бывшем СССР (табл. 1) очень наглядно демонстрирует зависимость от социально-политических условий: первый минимум в годы хрущевской «оттепели» (17,1 в 1965 г.); нарастание в годы «застоя» до максимума 29,7 в 1984 г.; сокращение до 18-19 в годы горбачевской «перестройки» с последующим ростом до 21,1 к концу существования Союза (1990 г.).

17. Värnik A., Sisask M., Värnik P. (Eds.) *Baltic Suicide Paradox*. Tallinn: TLV Press, 2010.

18. Богоявленский Д.Д. Российские самоубийства и российские реформы // Социологические исследования, 2002, №5; Гернет М.Н., 1974. Указ. соч.; Гишинский Я. Девинтология. Указ. соч. С. 361-370; Мальченкова А.Е. Стратификационные особенности суицидального поведения в современном обществе. Дисс...канд. соц. наук, 2002; Орлова И.Б. Самоубийство – явление социальное // Социологические исследования, 1998, №8.

19. Леви В. Искусство быть другим. М.: Знание, 1980.

20. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. М.: Мысль, 1995.

Аналогичная, динамика наблюдается в РСФСР – РФ (табл. 2): первый максимум (35-39) в те же «застойные» 80-е годы; сокращение до 23-24 в период горбачевской «перестройки» и постепенное возрастание до 41-42 к 1994-1995 гг. Так, если за 1980-1984 гг. («застой») в среднем за год было 49,7 тыс. самоубийств, за 1990-1994 гг. («постперестройка») – 48,5 тыс., то в течение 1985-1989 гг. («перестройка») – 37,0 тыс. человек кончали жизнь самоубийством²¹.

С 2003 г. фиксируется постепенное снижение уровня завершенных самоубийств до 26 в 2009 г.

Важно отметить, что сокращение уровня самоубийств в середине 80-х годов («перестройка») с последующим ростом к середине 90-х годов происходит во всех странах Прибалтики и Восточной Европы, подтверждая значение социально-политических изменений для суицидальных проявлений²².

Положительная динамика последних лет в России пока не нашла приемлемого объяснения. Однако она совпадает с аналогичной динамикой самоубийств в других странах²³ и – с аналогичным трендом уровня преступности и основных видов преступлений!²⁴ Мне уже приходилось отмечать этот пока необъясненный феномен. Может быть, такие девиантные проявления, как преступность и самоубийства, помимо выявленных зависимостей от экономических, социальных, политических, культурологических факторов, подчиняются неким общим внутренним закономерностям, не нашедшим пока научных объяснений?

При всех временных колебаниях Россия в течение многих лет занимает одно из первых мест в мире по уровню завершённого суицида. Так, в 1994 г. Россия по этому показателю заняла второе место в мире после Литвы. На третьем месте была Латвия, на четвертом – Эстония, на пятом – Белоруссия,

21. Богоявленский Д.Д. Указ. соч. С. 78.

22. Гилинский Я. Девиантология. Указ. соч. С.360; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гилинский. СПб: Алетей, 2000. С.306-308; Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.) Essential Papers on Suicidology 1993-2008. Tallinn, 2008, pp.165, 173, 179.

23. Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.). Ibid., pp.279, 299-300; Värnik A., Sisask M., Värnik P. (Eds.) Baltic Suicide Paradox. Ibid., pp.10-18.

24. Harrendorf S., Heiskanen V., Malby S (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010; <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/>

на шестом – Венгрия²⁵. В 2007 г. наибольший уровень завершённых самоубийств был в Литве (42), далее шли Россия и Белоруссия (36-37), Казахстан (30), Венгрия (28,5), Латвия (26). Наименьший уровень, приближавшийся к нулю – в Египте, Гаити, Ямайке²⁶. К 2010 г., по данным озвученным на международной конференции «Developing an Evidence Base on Social and Public Health Determinants of Suicide in Eastern Europe» (сентябрь 2010, Таллинн), Россия вышла на первое место в мире, обогнав Литву.

ФРФ

Небезынтересными представляются некоторые результаты диссертационного исследования Е.С. Ушаковой (под руководством автора этих строк) «Суицидальный риск: социологический анализ» (СПб, 2010), свидетельствующие о значении ряда социальных факторов в генезисе самоубийства²⁷. В основу эмпирической части исследования был положен on-line опрос свыше 1200 респондентов (2006-2009 гг.), а также вторичный анализ опубликованных результатов исследований отечественных авторов.

Была показана значимая суицидогенная роль таких социальных факторов, как уровень образования: чем выше образовательный статус, тем ниже суицидальный риск (графики 1) и профессиональный статус: чем «выше» статус, тем ниже суицидальный риск (график 2).

Была показана значимая суицидогенная роль таких социальных факторов, как уровень образования: чем выше образовательный статус, тем ниже суицидальный риск (графики 1) и профессиональный статус: чем «выше» статус, тем ниже суицидальный риск (график 2).

Весьма интересной оказалась выявленная зависимость суицидального риска от рассогласования профессионального и образовательного статусов. Несоответствие уровня образова-

25. Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.). Ibid., pp. 116-119.

26. URL: <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/statistic.htm>

27. Ушакова Е.С. Суицидальный риск: социологический анализ. Дисс....канд. соц. наук. СПб, 2010; Ушакова Е.С. Суицидальные риски // Социологические исследования, №2, 2008.

Табл. 1. Уровень завершенных самоубийств в СССР
(на 100 тыс. населения)

1965	1970	1975	1980	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
17,1	23,1	25,8	28,9	29,7	24,6	18,9	19,1	19,5	21,0	21,1

Табл. 2. Уровень завершенных самоубийств в России
(на 100 тыс. населения), 1980-2009

1980	1984	1985	1986	1987	1988	1989
34,6	38,7	31,1	23,1	23,3	24,4	25,8

Табл. 2. Уровень завершенных самоубийств в России
(на 100 тыс. населения), 1980-2009

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
26,4	26,5	31,0	38,1	41,8	41,4	39,4	37,6	35,4	39,3
2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
39,3	39,7	39,5	36,5	34,3	32,2	31,0	28,8	27,0	26,5

График 1. Зависимость суицидального риска от уровня образования

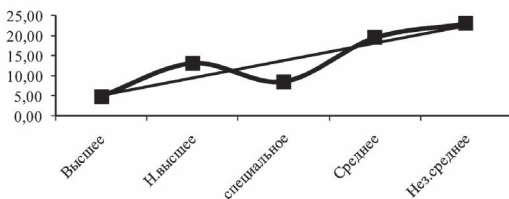

График 2. Зависимость суицидального риска от профессионального статуса

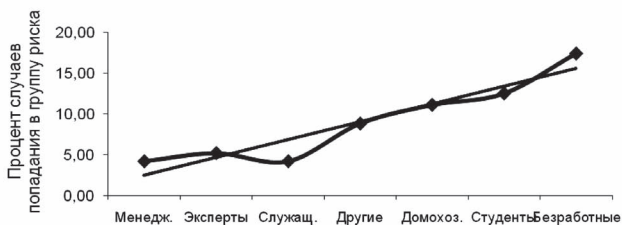
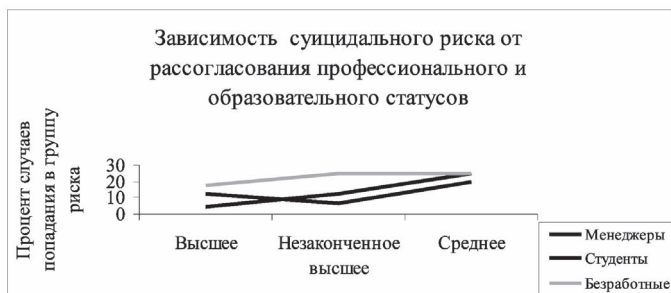

График 2. Зависимость суицидального риска от рассогласования профессионального и образовательного статусов

ния социальному положению приводит к увеличению суицидального риска (график 3).

Теоретически девиантогенная (и криминогенная) роль рассогласования статусов была показана Л.И. Спиридоновым еще в 1973 г.²⁸ Эмпирическим подтверждением тому явились, в частности, результаты исследования Е.С. Ушаковой.

Вышеизложенное, во-первых, подтверждает социальную природу самоубийств и, во-вторых, позволяет утверждать, что уровень и динамика суицидального поведения служит значимым показателем социальной, экономической, политической ситуации в той или иной стране.

28. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. ЛШУ, 1973. С.167.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЦИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА¹

Вооружен и очень опасен

(Название триллера и кинофильма)

Краткая история

Днем рождения российской полиции (милиции) считается 10 ноября 1917 г., когда Декретом Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) «О рабочей милиции» от 28 октября (по старому стилю) была создана «рабочая милиция». Этот день (10 ноября) до настоящего времени празднуется в России как «День милиции».

Первое время название «милиция» соответствовало общепринятому пониманию милиции как вооружённых формирований, используемых для поддержания общественного порядка, состоящих из добровольцев и не входящих в систему государственных правоохранительных органов. Однако уже в мае 1918 г. было принято решение о создании милиции как постоянного действующего государственного органа, и 21 октября 1918 г. НКВД и НКЮ (Народный комиссариат юстиции) утвердили «Инструкцию об организации советской рабоче-крестьянской милиции». С тех пор и до настоящего времени в СССР и постсоветской России служба, фактически выполняющая функции полиции, сохраняет наименование «милиция». Лишь в августе 2010 г. президент России Д. Медведев предложил переименовать милицию в полицию, что должно отражать ее действительные функции и организацию. «Закон о полиции» вступает в законную силу с 1 марта 2011 г.

В современной России милиция (полиция) входит в состав Министерства внутренних дел (МВД) и состоит из двух ос-

1. Опубликовано в: Вестник Орловского государственного университета. №1. 2011. С.13-18.

новых подразделений: *милиции общественной безопасности* (основная функция – охрана правопорядка, защита населения от незаконных посягательств, расследование административных проступков и некоторых видов преступлений) и *криминальной милиции*, которая расследует тяжкие преступления и должна противодействовать организованной преступности.

Количественный состав российской милиции один из самых больших в мире. В 2010 г. на 100 тысяч жителей приходилось 975 сотрудников милиции (в европейских странах – 200-400).

После крушения в 1991 г. Советского Союза и перехода к рыночным отношениям в условиях огромного денежного и товарного дефицита, присущего «социалистической» экономике, большинство так называемых «бюджетных» организаций (медицина, образование, наука, армия, милиция и др.) оказались в очень сложном финансовом положении. Вместе с тем появились новые сферы приложения сил: от частных (негосударственных) охранных предприятий до легальной, нелегальной и полупереговой предпринимательской деятельности (включая организованную преступную деятельность). И наиболее профессиональные, молодые, сильные, предприимчивые сотрудники милиции, получавшие нищенскую за-

работную плату, постепенно стали «перетекать» в легальные и нелегальные предпринимательские структуры.

Постепенно милиция теряла наиболее квалифицированные кадры, пополняясь людьми «с улицы».

Одновременно шел процесс роста коррумпированности всех ветвей и уровней власти. Это не могло не затронуть и все так называемые «силовые структуры» (милиция, Федеральная служба безопасности - ФСБ, Федеральная служба охраны - ФСО, таможенная служба, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков - ФСКН). Больше всех от коррумпированности «пострадала» милиция – постоянно и непосредственно общающаяся с населением.

В двухтысячные годы страна получила депрофессионализированную, коррумпированную, алкоголизированную милицию (по данным одного из руководителей медицинской службы МВД, до 20% сотрудников милиции страдают алкоголизмом).

Коррупция

Коррупция поразила все службы и уровни милиции. За взятки начинают искать преступников, за взятки отпускают виновных, за взятки привлекают к ответственности и сажают в тюрьму невиновных. Рядовые сотрудники делятся полученными взятками с непосредственными начальниками, а те – со своими начальниками. Все продается и покупается в современной России вообще, в полиции в особенности.

Место начальника районного отдела милиции (РОВД) в Москве стоит от 100 тысяч евро до миллиона. Почему такая разница? Потому что если на территории районного отдела милиции проживают те, кто у нас называется «лицами кавказской национальности» или мигранты, то стоимость должности начальника – миллион, ибо есть с кого брать взятки. Берет, конечно, не сам начальник, берут его подчиненные. Происходит так называемая «возгонка». Берут снизу, часть оставляют себе, часть передают наверх. А те районы Москвы, где живет политическая и экономическая элита, у которых взятки не возьмешь, там и за 100 тысяч не найдешь желающих стать начальником отдела.

Публиковались данные, как сотрудники Государственной

инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) в Санкт-Петербурге распределяют взятки². 65% – в собственный карман, 25% – начальству, 5% – выпускающему на воротах, 5% дежурному. В зависимости от того, сколько ты даешь начальству, ты получаешь «хлебное место» для дежурства. Есть список таких «хлебных мест»: при въезде в город на трассах, за нерегулируемыми пешеходными переходами, за железнодорожными переездами, там, где сплошная осевая линия, в непосредственной близости от кафе или ресторанов. В таких местах легче подкараулить «нарушителя», а, следовательно, – получить взятку. На дежурство в эти места направляют тех, кто хорошо платит начальству.

Справедливости ради следует сказать, что милиция – не исключение в условиях тотальной коррупции в России. Например, стоимость назначения депутата Государственной Думы на должность председателя комитета – порядка \$30000, стоимость внесения любого законопроекта на рассмотрение Государственной Думы – около \$250000, статус помощника депутата оценивается в \$4000-5000³. Должность председателя департамента Верховного Суда РФ стоила \$400000, заместителя председателя Московского арбитражного суда – \$1,3 миллиона, заместителя министра энергетики – \$10 миллионов⁴. Сегодня «цена регионального министерского портфеля может начинаться от \$2-3 млн.»⁵.

В России созданы сложные *коррупционные сети*, охватывающие все ведомства. Но «правоохранители» – на первом месте. По данным Фонда ИНДЕМ, «крупнейшая коррупционная сеть сформировалась в системе силовых органов, включая ФСБ, МВД и Государственный таможенный комитет. Это, по-видимому, и наиболее развитая коррупционная сеть. В нее включены чиновники федерального и регионального уровней, работники таможен, складов, перевозчики, репортеры средств массовой информации и многие другие. На высшем уровне разрабатываются схемы проведения крупных опера-

2. Газета «Мой район. Калининский», 22 августа 2008. С.8-9.

3. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / ред. А.Ю. Сунгуров. СПб, 2000. С.41.

4. Новая Газета, декабрь 2002 г. (№93).

5. The News Time, 2011, 14.02. С. 13.

ций, для чего проводятся совместные совещания, причем как полулегальные, так и нелегальные»⁶.

За деньги можно все: от невозбуждения уголовного дела (\$10000 – 25000) до возбуждения уголовного дела (\$200000 – 1 000000)⁷. Как видим, «отмазаться» от уголовного преследования намного дешевле, нежели устранить конкурента или просто отобрать бизнес или имущество...

К настоящему времени Российская милиция вошла в десятку самых коррумпированных в мире, наряду с Мексикой, Гаити, Суданом, Бирмой, Узбекистаном, Кенией⁸.

Обстоятельства, способствующие коррумпированию милиции:

- ◁ Давняя российская традиция (еще с царской России).
- ◁ Коррумпированность высших должностных лиц (и тогда для младшего и среднего состава получение и вымогательство взятки «оправдано»).
- ◁ Фактическая безнаказанность и массовое распространение коррупции превратило взяточничество в социальную «норму».

◁ Крайне низкая оплата труда сотрудников милиции. Как могут жить на свою заработную плату не только рядовые, но и офицеры? Подполковник или полковник милиции получает 16-18 тысяч рублей в месяц, а лейтенанты и капитаны, у многих из которых семьи, получают порядка 10-12 тыс. рублей. Месячная заработная плата сержанта – 8 тысяч рублей, а рядового – 7 тысяч рублей. Уборщица не пойдет работать за такие деньги! Поэтому происходит то, что я называю «кормлением» – практика, которая существовала в России до XVI века. Тогда в провинции посылали воевод без зарплаты из казны – их должно было кормить население. «Откормленные» воеводы возвращались в Москву, везли с собой подводы с вещами и продуктами, полученными за время кормления. Когда они въезжали в Москву, у них половину этого добра отбирали.

Сегодня заведомо платят деньги, на которые не может прожить специалист, и это преступление – уже со стороны власти, а не со стороны милиции. Российский старший офи-

6. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции. Там же. С.77.

7. The New Times, 2011, 14.02. С.18.

8. URL: <http://news.babr.ru/?IDE=91815>

цер, отслужив 25 лет в милиции, получит пенсию до 5 тыс. рублей.

При этом необходимо отметить, что при существующей развращенности сотрудников милиции *только* повышение заработной платы не изменит ситуацию, а лишь увеличит сумму взяток.

Пытки

В России масштабы и безнаказанность пыток и жестокого обращения со стороны органов «правопорядка», прежде всего милиции, серьезно угрожают жизни и здоровью, правам и свободам жителей страны, всей системе правосудия, основам гражданского общества и государственности.

Типичные виды пыток распространены во всех регионах России и подробно описаны в прессе и специальной литературе («слоник» - применение противогаза с прерыванием дыхания, «ласточка» - растяжка на веревках, «распятие Христа» - название говорит за себя, «конвертик» - пытаемого складывают как конверт для отправки, «растяжка» - современный вариант средневековой дыбы, а также пытки электротоком, пытки сексуального характера, получившие широкое распространение за последние годы, и др.).

Где мы платим

Из тех, кто платил взятки в последние 12 месяцев...

Источник: ТИ Барометр Мировой Коррупции 2009

Никто не застрахован от возможности стать жертвой милиции. Известны случаи применения пыток к аспирантам Московского государственного университета (МГУ), офицерам российской армии, да и к сотрудникам милиции... Избивается население целых городов и поселков (г. Благовещенск с 10 по 14 декабря 2004 г., в Свердловской и Тверской областях в 2005 г. и др.). Огромный эмпирический материал о применении пыток в современной России представлен в многочисленных литературных источниках⁹.

С нашей точки зрения, а также по мнению многих опрошенных нами экспертов, широкое применение пыток вызвано, *во-первых*, утратой профессионализма работников дознания и следствия (в силу разных причин – низкая оплата труда, уход профессионалов в бизнес и частные охранные структуры, растущая коррупция, приводящая к изгнанию «белых ворот» — сотрудников, не берущих взятки, и др.), когда вместо поиска и исследования объективных доказательств совершенного преступления обращаются к самому «простому»: вымогательству «признательных» показаний подозреваемого и обвиняемого путем угроз, обмана и – пыток.

Во-вторых, «раскрытие» преступлений путем применения пыток стимулируется требованиями руководства – «быстрее, быстрее» и таким показателем оценки работы милиции, как «раскрываемость преступлений».

В-третьих, безнаказанность недозволенных приемов расследования, включая пытки. Привлечение к ответственности виновного в применении пыток сотрудника милиции явля-

9. Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996; Закон и его жертвы. Татарстан. Казань, 2004; «Индекс: Досье на цензуру», №№7-8 (Страна и ее заключенные), №18 (Евроремонт ГУЛАГа); Насилие в органах внутренних дел: иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия судебной реформе. 1997; «Неволя» (Ежеквартальный журнал выходит с 2004 г.); Положение заключенных в современной России. Доклад и тематические статьи. М.: Московская Хельсинская группа, 2003; Пытки в России: Хроника 1988-1998 гг. // К праву. Информационный бюллетень, 1998, вып. 5; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Международная амнистия, апрель 1997; Пытки. Преступления без наказания. Н. Новгород: Комитет против пыток, 2004; Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 года). М., 2004; Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Лыгова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004-2005 г. М., 2005; Российский вестник «Международной амнистии».

ется редчайшим исключением. Так, несмотря на очевидность многочисленного применения пыток в России, количество зарегистрированных фактов принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) и лиц, выявленных в совершении этого преступления смехотворно мало: 2001 г. – соответственно 19 и 3; 2002 г. – 18 и 4; 2003 г. – 2 и 0; 2004 г. – 4 и 0; 2005 г. – 7 и 2; 2006 г. – 4 и 6; 2007 г. – 5 и 2; 2008 г. – 3 и 1; 2009 г. – 9 и 3¹⁰. Неудивительно, что по данным московских исследователей, коэффициент латентности (неучтенности) принуждения к даче показаний в 2002 г. составил 117,10¹¹.

В-четвертых, нравственная деградация многих сотрудников правоохранительных органов, относящихся безразлично или даже с «удовольствием» (садизм) к пыткам людей. Нередко «совестливые» (например, следователи прокуратуры) спокойно поручают «черную работу» — пытки сотрудникам милиции.

Отдельная тема – пытки в пенитенциарных учреждениях. В них пытки применяются как для получения «признательных показаний» от подсудимых, находящихся в следственных изоляторах (СИЗО), так и в целях наказания «злостных нарушителей режима» в тюрьмах и колониях. В СИЗО имеются так называемые «пресс-хаты» — камеры, в которые помещают подсудимых, не признающих свою вину, и где роль палачей выполняют другие заключенные, разумеется, за определенные льготы¹². Печальную известность приобрели «Белые Лебеди» — пыточные колонии, куда направлялись «злостные нарушители режима» из других колоний.

Россия, как участница различных международных организаций, неоднократно получала от мирового сообщества рекомендации, связанные с устранением причин пыток.

Решением Европейского Суда по правам человека с Российской Федерации взыскано 250000 евро в пользу Михеева, искалеченного в результате пыток. Михеева – сотрудника милиции! – пытали, добиваясь «чистосердечного признания» в убийстве девушки, которая впоследствии оказалась жива и

10. URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/>

11. Латентная преступность в Российской Федерации. 2001-2006 / ред. С. Иншаков. М.: Юнити, 2007. С.149.

12. См., например, о пыточной камере №721 Петербургского СИЗО в: Распятие в «Крестах»-2 // газета «Час Пик», 1998, 4 марта.

невредима... Сотни подобных дел ожидают рассмотрения Европейским Судом по правам человека, по нескольким делам вынесено решение против России.

Ставшие известными факты применения пыток не дают представлений о *масштабах* этого явления. Поэтому в 2005 г. было проведено социологическое исследование по инициативе общественной организации «Комитет против пыток» (Нижний Новгород) и при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. *Целью проекта являлось выявление масштабов распространенности пыток в России и в ее регионах.*

При этом *пытка* понималась в соответствии со ст.1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (10.12.1984 г.).

В пяти регионах страны (Санкт-Петербург, Псков, Нижний Новгород, республика Коми, Чита) проводился массовый репрезентативный квартирный опрос взрослого населения (с 16 лет) по специально разработанной анкете. Всего было опрошено: в Санкт-Петербурге – 2005 человек, в Пскове – 600 человек, в Нижнем Новгороде – 1000 человек, в Коми – 1101 человек, в Чите – 859 человек.

В Коми и Чите проводились опросы *заключенных* по анкете, учитывающей насилие в отношении подозреваемых, совершаемое *до* их осуждения и направления для отбытия наказания. Это условие освобождало осужденных от необходимости отвечать на вопросы, связанные с пребыванием в пенитенциарных учреждениях.

Кроме того, в Санкт-Петербурге был проведен *уличный опрос*, всего опрошено 540 человек.

Из числа опрошенных жителей подвергались пыткам со стороны сотрудников милиции в течение 2004 г.: в Санкт-Петербурге – 68 чел., или 3,4% опрошенных жителей города; в Пскове – 28 чел., или 4,7% опрошенных, в Нижнем Новгороде – 34 чел., или 3,4% опрошенных, в Коми – 51 чел., или 4,6% опрошенных, Чита – 39 чел., или 4,5% опрошенных. Средний показатель по всем регионам – 4,1% респондентов подвергались в течение одного только года (2004) пыткам.

Очевидно, что кумулятивный (накопительный за ряд лет) процесс даст значительно больший удельный вес жертв пы-

ток среди населения. Это предположение подтверждается результатом уличного опроса в Санкт-Петербурге. На вопрос «Можете ли Вы припомнить за всю жизнь случаи применения сотрудниками милиции в отношении Вас насилия, которое Вы определили бы как незаконное?» положительно ответили 21,3%.

В отношении *заклученных*, отбывающих наказание в Коми, сотрудниками милиции того региона, где проводилось расследование уголовного дела, пытки применялись в отношении 39,0% (в т.ч. многократно — в отношении 10,1%) респондентов. В отношении *заклученных*, отбывающих наказание в читинском регионе, сотрудниками милиции того региона, где проводилось расследование уголовного дела, применялись пытки в отношении 61,3% респондентов (в т.ч. многократно - в отношении 21,3%). 40,0% опрошенных *заклученных* в Коми и 56,7% - в Чите сообщили, что они подвергались незаконным физическим воздействиям в целях принуждения к явке с повинной, к даче показаний против себя и других лиц (либо в пользу других лиц) или к отказу от дачи показаний. И эта мотивация существенно выше среди всех иных мотивов применения пыток.

В большинстве регионов чаще всего встречаются избиение, содержание в холодных помещениях и антисанитарных условиях, а также принудительные позы, включая подвешивание, бросание, растягивание, выкручивание рук и т.п. Значительно реже – применение электротока, погружение в воду, прижигание и иные пытки с использованием кипятка и горячих (раскаленных) предметов. Кроме того, респонденты упоминали угрозы оружием, тюрьмой, физическим и сексуальным насилием.

Среди *мотивов* применения пыток преобладают издевательство, кураж, вымогательство (вещей и/или денег), а также принуждение к явке с повинной, к даче показаний против себя и других лиц. Значительно реже мотивом были месть и пытки за участие в акциях протеста, гражданского сопротивления, и за жалобы на произвол.

В большинстве регионов наиболее причастными к незаконному применению насилия относятся *сотрудники* патрульно-постовой службы, уголовного розыска и следственных отделов милиции.

Следует отметить, что результаты опроса всех категорий респондентов – населения, заключенных, экспертов во всех обследованных регионах свидетельствуют в целом (при некоторых региональных различиях) *об аналогичных тенденциях практики применения пыток по всем значимым параметрам: частота применения (с очевидным преобладанием среди заключенных), методы физического насилия, мотивы применения пыток, причиненный жертвам ущерб.* Этот вывод тем более значим и убедителен, что опросы в каждом из регионов осуществлялись по *единой методике, но различными профессиональными исследовательскими коллективами, что исключает возможность предвзятости и умышленного искажения результатов.*

«Вооружен и очень опасен»

В ночь на 27 апреля 2009 г. майор милиции Денис Евсюков устроил стрельбу в московском супермаркете. Два человека были убиты, семеро ранены. Д. Евсюков осужден к пожизненному заключению. Это преступление офицера милиции возмутило всю страну. К кличке «менты» добивалась кличка «евсюки».

Однако это преступление Евсюкова – лишь одно из множества подобных.

Сотрудники милиции стреляют в неповинных людей, дают пешеходов своими машинами. Только некоторые примеры, попадают в СМИ (Mass Media)¹³.

В январе 2010 г. начальник Департамента собственной безопасности МВД России Юрий Драгунцов назвал *официальное* число преступлений, которые милиционеры совершили в 2009 году. Всего правонарушений было около *ста тысяч*. Преступлений – *пять тысяч*. Но и это – малая доля реально совершенных сотрудниками милиции преступлений, как правило, тщательно скрывааемых системой.

Не удивительно, что согласно нескольким опросам населения России, люди боятся сотрудников милиции больше, чем преступников...

13. URL: <http://www.sergeygayzer.ru/2009/05/27/prestupleniya-sotrudnikov-milicii/>
См. также URL: <http://forum.kpe.ru/archive/index.php/t-9591.html>

Милиция как организованная преступная группа (ОПГ)

Постепенно за так называемые «нулевые» годы (2000-2010) российская милиция из органа охраны правопорядка превратилась в организованную преступную систему. Конечно, среди сотрудников милиции сохранились порядочные, не коррумпированные люди. Многие из них рискуя жизнью, выполняют профессиональные обязанности. Им очень тяжело работать в сложившихся условиях. И не они определяют деятельность современной Системы.

В 2005 г. мне удалось взять интервью у ряда ответственных сотрудников милиции. Вот что они мне рассказали.

По мнению оперативного сотрудника одного из Отделов по борьбе с организованной преступностью В.: «Сегодня организованной преступности нет: ее сменили менты. Кто «крышует» ларьки, рынки, «точки»¹⁴? Менты. Посмотрите: вот ларек. К нему время от времени будет подходить мент и получать деньги. А вот в том доме напротив на 4-м этаже «точка». Она под контролем X-го отдела милиции. Сегодня все мелкие торговые предприятия, мелкий и средний бизнес под ментовской «крышей». Бандиты и не сунутся. Почему выгоднее быть под ментовской крышей? А у них больше легальных возможностей. В случае чего ствол законный и стрелять может законно, а бандитские стволы незаконные. Кроме того, начальники всех охранных структур (собственная охрана предприятий, фирм – авт.) – бывшие менты. А мент с ментом всегда договорятся. Вот я, если надо, прихожу к начальнику охраны и говорю – братишка, ты ведь тоже из наших, помоги-ка мне. И всегда поможет. Да теперь и среди бандитов менты «в почете». Мне может из «Крестов»¹⁵ позвонить зэк и в присутствии других со мной разговаривать. Еще и хвастаться в камере будет: я звоню менту знакомому. Раньше за такое его сразу же замочили бы».

Интервьюер: А контроль за проституцией?

Респондент: Это тоже под ментами

14. «Точка» - место сбыта наркотиков. Обычно – всем хорошо известная квартира в жилом доме.

15. «Кресты» - исторически сложившееся название следственного изолятора Санкт-Петербурга.

И: А за игорным бизнесом?

Р: Это ФСБ. Игорный бизнес ментам не по зубам. Там такие деньги! Это – ФСБ крышует».

На вопрос интервьюера: «– А как же, по Вашим словам, криминальные крыши на рынках? В.: Все очень просто. Приезжает новый торговец с товаром. Обращается к азербайджанским «хозяевам» – хочу получить место на рынке. Те: только по нашей цене. Далее возможны три варианта: или торговец соглашается, получает место и платит азербайджанцам, или отдает весь товар за полцены и уезжает, или, если оказался несговорчивый торговец, азербайджанцы обращаются к «дежурному» милиционеру: вот там какой-то незнакомец странный, надо бы проверить. И мент «проверяет» документы, машину, товар... Придраться всегда можно, так что приехавший рад будет уехать, а то и откупаться от милиционера придется. Так что вроде ментовская крыша над азербайджанской получается...».

Начальник одного из отделов Управления собственной безопасности (УСБ) ГУВД Санкт-Петербурга Д.:

«Интервьюер: Как Вы относитесь к мнению, что милицейские «крыши» сменяют криминальные?»

Д.: Да, совершенно верно. Причем речь идет не только об отдельных сотрудниках или их группах. Это происходит на уровне, например, отделов милиции. Появилось на территории обслуживания кафе. Начальник отдела посылает туда участкового. Тот проводит соответствующую работу и кафе начинает ежемесячно отчислять отделу определенную сумму».

К этому следует добавить широко распространенное «черное рейдерство», когда с помощью милиции, милицейского спецназа (ОМОН) одни «предприниматели» отнимают бизнес у других. Сколько это стоит рассказал советник Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке, профессор В. Овчинский: «Все зависит от того, какова конечная цель. Допустим, хотят захватить крупное предприятие, которое стоит \$10 млн. Цена вопроса – 10%, то есть \$1 млн. идет на подкуп тех правоохранителей, кто осуществляет рейдерский захват... Если стоящий объект - может доходить и до 30%. Соответственно, если цена вопроса \$100 млн., то \$30 млн. идет

на подкуп сотрудников правоохранительной системы»¹⁶.

В настоящее время (с конца 2010 года) преступное слияние организованной преступности («бандитов»), «правоохранительных» органов – «силовиков» (включая милицию) и местных органов власти признают на самом высшем уровне.

Несколько цитат.

Из послания президента России Д. Медведева Федеральному Собранию¹⁷: «За последнее время, к сожалению, произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом».

Из статьи Председателя Конституционного Суда РФ В. Зорькина¹⁸: «Увы, с каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют «кущевской», — не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах — в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее... Всем — и профессиональным экспертам, и рядовым гражданам — очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное».

Наконец, компетентное мнение посла США в России Джона Байерли, ставшее известным благодаря Джулиану Ассанжу и публикациям WikiLeaks и британской газеты «The Guardian»: «В столице (Москве – Я.Г.) действует трехступенчатая криминальная система, на самой верхушке которой — Лужков. Вслед за ним идут две огромные структуры — ФСБ и МВД. В самом низу пирамиды — уже мелкие преступники и рядовые инспекторы различных государственных структур. Причем подчеркивается, что ФСБ — это «вообще лучшая „крыша“ для бизнеса в России». «МВД собирает деньги с малого бизнеса, а ФСБ — с большого». «Источники указывают, что здесь отпала необходимость в криминальных бандах, которые занимались бы «крышеванием». Куда проще в Москве использовать МВД и ФСБ». В своем очередном докладе Госдепу Байерли сообщает:

16. Журнал «The New Times», 27 декабря 2010 г. С. 31.

17. «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5350 от 1 декабря 2010 г.

18. «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5359 от 10 декабря 2010 г.

«преступные элементы имеют «крышу», которая пронизывает все ряды милиции, ФСБ, МВД и Генеральной прокуратуры, а также бюрократические структуры московского городского правительства».

Аналогичные сведения представлены британским дипломатом Майклом Давенпортом и рядом других западных политиков и бизнесменов, чьи оценки российской власти также выложил на свой сайт Джулиан Ассанж.

Будущее российской милиции (полиции)

В настоящее время активно обсуждается реформа милиции-полиции, принят закон «О полиции», президентом предложено сократить численность милиции на 20%.

Официоз и ряд приближенных к Кремлю политиков одобрительно оценивают и «реформу», и Закон «О полиции». Однако немало здравомыслящих политиков, ученых, общественных деятелей, бывших руководящих сотрудников МВД резко критикуют закон, с большим недоверием относятся к возможности реформировать нынешнюю систему МВД.

Что касается автора этих строк, то я писал еще о законопроекте: «Самым главным его недостатком считаю то, что он содержит в себе очень много так называемых отсылочных статей – то есть дается ссылка на какой-то закон или подзаконный нормативный акт. А он либо еще не существует, либо работает. Я обнаружил не менее 100 таких отсылок, не считая ссылок на действующие законодательные акты.

Посмотрите большинство статей, и вы сами это увидите. В такой ситуации совершенно неясно как закон будет функционировать. У меня есть опасение, что это очередной пустой нормативный акт.

Но при этом очень существенно увеличиваются права милиции или полиции. В частности возможность входить в жилище граждан почти не ограничена. Почему? На каком основании? К тому же это явно противоречит Конституции, в которой прямо сказано, что «жилище неприкосновенно» (ст.25). Это далеко не единственный пример, когда законопроект противоречит главному закону страны. Там много таких нестыковок. Но в целом могу предупредить, что отныне (после принятия этого закона) полиции будут предоставле-

ны права гораздо шире, чем сейчас. И потому все граждане, то есть мы с вами, окажемся в еще более тяжелой ситуации, чем сейчас»¹⁹. И еще: «В том-то и дело, что СИСТЕМА остается со всеми недостатками, включая «политическую составляющую». А возможность до одного часа задерживать кого угодно (п.14 ст.13)? А право собирать данные фактически о каждом из граждан (п.17 ст.17)? А бесконечные ссылки на отсутствующие законы и подзаконные акты, в которых может быть прописано все, что угодно? А возможность «беспрепятственно знакомиться в организациях с необходимыми материалами, документами, статистическими данными» (п.5 ст.13)? Все под «колпаком»?²⁰. «Предусмотренные законопроектом нарушения прав человека оговорены смехотворными «ограничениями»: «если в этом есть необходимость», «при наличии достаточных оснований» и т.п. А кто будет определять наличие «необходимости», «достаточных оснований», «уместности – не уместности»?

Хотелось, чтобы в новом законе о полиции были прописаны — контроль за ее деятельностью, полная гласность и прозрачность деятельности полиции. В законопроекте это не сделано должным образом. Так, согласно п.2 ст.53 законопроекта, «вопросы, касающиеся организации деятельности полиции, тактики, методов и средств ее осуществления, не являются предметом прокурорского надзора» (?!). «Общественный контроль деятельности полиции» провозглашен (ст.52), но механизм реализации не прописан.

Выглядит странным запрет полицейским «допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в т.ч. в СМИ, в отношении деятельности государственных органов и их руководителей», а также решений федерального органа полиции (п.11 ст.30).

Даже если закрыть глаза на недостатки закона, ни он, ни новое название этого органа, ни некие позитивные новеллы не могут решить кардинальную проблему полного разложения действующей системы МВД со всеобъемлющей коррупцией, сокрытием преступлений от регистрации, пытками,

19. URL: <http://www.online812.ru/2010/08/19/010/>

20. URL: <http://crimpravo.ru/my/gilinski/comment/page4/>

участием в рейдерских захватах, при непрофессионализме и алкоголизации значительной части сотрудников. «Предлагаемая покраска фасада развалившегося здания явится очередным обманом населения»²¹.

Что касается сокращения численности милиции на 20%, то, во-первых, как всегда в России, «сокращение» любой государственной структуры приводит к ее дальнейшему росту. Во-вторых, и это – главное, уволят наиболее порядочных, не коррумпированных, наиболее честных сотрудников милиции, чтобы они не мешали оставшимся брать взятки, воровать, пытаться, убивать.

Не успел я написать этот абзац, как появилось сообщение: в результате «сокращения» центрального аппарата МВД его численность увеличилась с 2970 сотрудников до 5183²²...

У меня нет надежды на «реформу» системы МВД, проводимую руководством самого МВД. Современная система МВД принципиально не реформируема. Или, как я говорил в интервью газете «Деловой Петербург» 05.08.2009 года: «Ничего сделать нельзя – у нас весь генералитет завязан на коррупционных схемах!... Наша сегодняшняя милиция нерформируема в принципе. Нужно разогнать всех, и набрать новых, но как это сделать в масштабах России? Это можно сделать в масштабах Эстонии или Грузии, а в масштабах России это нереально. Куда вы уволите полтора миллиона человек – и кем вы их замените?».

21. URL: <http://crimpravo.ru/blog/162.html#cut>

22. Приказ МВД №55 от 5.02.2011 «О штатной численности подразделений центрального аппарата».

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ¹

*Человек является единственным видом,
в котором борьба носит уничтожающий характер.*

Н.Тинберген

В буквальном смысле слова *жизненно* важная проблема насилия породила обширную литературу и науку о нем – виолентологию (от лат. *violentia* – насилие) или вайоленсологию (от англ. *violence*).

Наиболее широким является понимание *насилия как поведения, наносящего вред другим (N. Tutt); как принуждение, ограничение свободы выбора, «узурпация свободной воли» (А. Гусейнов)*. Более узкое (юридическое) понимание ограничивает насилие причинением *физического, психического или материального (имущественного) вреда*. В самом узком смысле под *насилием* понимается *причинение физического вреда, нарушение физической неприкосновенности*. Однако, представление о системном насилии существенно расширяет наше знание о нем.

Врожденная агрессивность?

Много споров о *природе* насилия: имеет оно биологическое, животное происхождение или же – социальное. Для ответа на этот вопрос необходимо развести природную *агрессивность* и социальное насилие.

Агрессивность в мире животных инструментальна (борьба за пищу, самку, защита детенышей), не превращается в самоцель, не бывает, как у людей, «просто так», «куражу ради», «из хулиганских побуждений». Внутривидовая агрессия, как правило, не приводит к гибели соперника; «Агрессивности ради агрессивности у животных, по-видимому, вообще не суще-

1. Опубликовано в: Феноменология и профилактика девиантного поведения. V Всероссийская конференция. Краснодар, 2011. С.53-56.

ствует... Борьба между животными одного и того же вида не имеет своей целью смерть противника; как правило, она не сопровождается кровопролитием и прекращается при отступлении одного из конкурентов» (П. Симонов).

Насилие в человеческом обществе отличается от агрессивности животных не только масштабами, но и тем, что оно сопровождается *враждебным отношением* к объекту насилия (волк не испытывает «вражду» к зайцу) и далеко не всегда носит инструментальный характер. *Агрессия* присуща всему живому, *насилие* – только человеку.

По неполным подсчетам, с 3600 г. до н.э. по настоящее время (т.е. более чем за 5600 лет) на Земле было свыше 15 тыс. войн, унесших около 3,5 млрд. человеческих жизней. Только за 80 лет ушедшего XX века в мире произошло свыше 150 войн, стоивших человечеству более 100 млн. жизней. В книге Р. Hassner приводятся данные Р. Руммела, согласно которым за 87 лет минувшего столетия помимо 39 млн. жертв межнациональных и гражданских войн, около 151 млн. человек были уничтожены собственными правительствами. По оценке N. Kressel, лидеры стран («спонсоры убийств»), принесли в жертву: СССР (1917-1987) – 61,9 млн. человек, Китай (1928-1987) – 45,2 млн., Германия (1934-1945) – 20,9 млн., Япония (1936-1945) – 5,8 млн., Камбоджа (1975-1978) – свыше 2 млн. человек и т.д. (N. Kressel). Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?

Социальное *насилие* носит *системный* характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (N. Luhmann), «структурное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный строй, J. Galtung), криминальное насилие. Само «право поражено насилием» (W. Benjamin). В конечном счете, «насилие встроено в систему» (D. Becker).

Но «если проявление истребительной внутривидовой агрессивности – это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что характерно именно для человека, что его отличает от животных, а не в том, что его роднит с ними?». Очевидно, что «специфические особенности агрессивности у человека

есть следствие специфических же для человека условий жизни, т.е. следствия особенностей той социальной среды, которую он в процессе своего исторического развития для себя создал. При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех социальных причин, которые агрессивность вызывают» (Ф. Бассин).

Какие бывают «насилия»?

Одна из задач науки – классификация разновидностей ее объекта. Не представляет исключения вайоленсология. И, как всегда, имеется множество классификаций по разным основаниям.

Можно различать проявления социального насилия по их содержанию (насильственные преступления, включая «подвиды» — преступления против жизни, преступления против здоровья, сексуальное насилие); торговля людьми; терроризм; военное насилие; экономическое насилие и т.д.

Представляется важным классифицировать насилие по сферам жизнедеятельности: в политике, экономике, семье, в быту, медицине, образовании, науке, искусстве, литературе. Сюда же, очевидно, относится насилие в сфере религиозных отношений (Жирар Рене).

Возможна классификация по *субъектам* насилия: физические лица, юридические лица, политические и общественные организации, государства.

И по *объектам* насилия: мужчины, женщины, дети и подростки, пенсионеры, инвалиды, животные, расы, этносы, профессии, государства.

Представляет несомненный интерес классификация видов насилия, предложенная С. Жижekom. Он различает насилие субъективное, «символическое» и «системное».

Субъективное насилие – это те проявления социального насилия, которые легко различимы и признаваемы большинством людей (и уголовным законом): убийства, теракты, войны и т.п. «Это лишь наиболее зримая вершина треугольника, который включает два других вида насилия».

Второй вид – «*символическое*» насилие, воплощенное в языке, речи. Это не только очевидные случаи речи-ненависти (оскорбления, угрозы), «есть еще более фундаментальная

форма насилия, которая принадлежит языку как таковому, насаждаемой им определенной смысловой вселенной».

Еще более «скрытым», но постоянно присутствующим в обществе (и тем более опасным) является *«системное (объективное) насилие»*. Это – «нередко катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических систем». При выявлении и анализе системного насилия необходимо исходить из конкретных исторических условий. Будучи противником капитализма, Жижек показывает это на его примере: «Судьба целых страт населения, а иногда и целых стран может решаться «солипсистской» спекулятивной пляской Капитала, который преследует свою цель получения прибыли, сохраняя счастливое безразличие к тому, как его действия скажутся на социальной реальности... Именно организованная без всякого внешнего принуждения метафизическая пляска всемогущего Капитала служит ключом к реальным событиям и катастрофам. В этом и заключается фундаментальное системное насилие капитализма, гораздо более жуткое, чем любое прямое докапиталистическое социально-идеологическое насилие: это насилие больше нельзя приписать конкретным людям и их «злым» намерениям; оно является чисто «объективным», системным, анонимным».

«Кто виноват?»

Не существует единой причины насилия как социального феномена. Имеется множество факторов, воздействующих на состояние и динамику его проявлений – государственного, полицейского, военного, семейного, педагогического, криминального насилия и др. Это факторы экономические, демографические (пол, возраст, миграция и др.), культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, конфессии) и даже космические (корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств и солнечной активностью, фазами луны).

Остановимся на одном из главных, с моей точки зрения, факторов.

Все свои действия человек совершает для удовлетворения тех или иных *потребностей*. Потребности людей в каждом обществе для каждого времени распределены относительно

равномерно. А *возможности* удовлетворения потребностей – существенно различны. Некоторая степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей человека. Но главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит социально-экономическое неравенство, занятие людьми различных неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или бизнесмен, фермер или банкир, школьный учитель или министр). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения человека (можно говорить о социально-экономическом статусе) в основном зависят возможности удовлетворять те или иные потребности.

В период обострения межклассовых (межклановых, межкастовых) противоречий, складывается впечатление, что субъекты различных социально-экономических статусов представляют собой различные «виды» Homo Sapiens... Тогда объяснима и «зоологическая» вражда между ними (между пролетариатом и капиталистами, крестьянами и феодалами, «олигархами» и «народом»).

Главным в генезисе насилия (вообще девиантности) является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а *степень различий* в возможностях их удовлетворения для различных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это обращал внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более приниженно».

В генезисе насилия особую роль играет неудовлетворенность социальных потребностей — в престиже, статусе, самоутверждении, в творчестве. Насилие чаще других нежелательных для общества форм деятельности выступает «средством» *самоутверждения*, когда в силу различных при-

чин недоступны общественно полезные, творческие способы самоутверждения («Комплекс Герострата»).

Глобализация усилила процесс социального расслоения. Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive / exclusive*). Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается З. Бауманом. С его точки зрения, исключенные оказываются «человеческими отходами (отбросами)» (*wasted life*), не нужными современному обществу. Это – бездомные, длительное время безработные, мигранты, беженцы и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов». И в условиях глобализации, поляризации на «суперкласс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда». Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала «транзитным пунктом» на пути в никуда».

Ясно, что «исключенные» – социальная база девиантности, включая проявления насилия.

Итак, важнейшим девиантогенным (криминогенным, вайоленогенным) фактором служит *противоречие* (по Р. Мертону, «напряжение», *strain*) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, *степень* социально-экономической дифференциации и неравенства.

Социальное насилие, возникшее как средство адаптации, сохранения и развития «венца природы», исчерпало себя в этом качестве, становится не только нефункционально и не-

адаптивно, но и угрожает существованию человечества. Случай не уникальный в истории Земли. Так, вымерли сильные и злобные гигантские ящеры. Их ранее адаптивные возможности стали неадаптивны. Ящеры не смогли по ходу эволюции «перестроиться»... А человечество?

ИСКЛЮЧЕННЫЕ НАВСЕГДА¹

Теперь отсталые страны «отстали навсегда»

Академик Н. Моисеев

Не ту страну назвали Гондурасом!

(Фольклор)

Оставь надежду всяк сюда входящий

А. Данте

В современной России за многочисленными дискуссиями «правых» и «левых», сторонников В. Путина и сторонников Д. Медведева, «лимоновцев» и «нашистов», «единороссов» и «свободороссов», сталинистов и либералов забывается, что «крот истории роет медленно, но роет хорошо» (Гегель), что история движется по своим законам, невзирая на суету людскую...

Забывается и то, что, согласно второму закону термодинамики, в каждой системе растет энтропия, «замедлить» рост которой (до поры до времени!) можно только порождая максимум негэнтропийной энергии. «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти, всеобщему равновесию и одинаковости... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы. Эти островки не существуют вечно

1. Опубликовано в: URL: <http://www.cogita.ru/kolonki/yakov-gilinskii/yakov-gilinskii-isklyuchennye-navsegda>; URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Gilinsky-Iskluchennye_navsegda.pdf; URL: <http://crimpravo.ru/blog/1044.html> (дата посещения 27.03.2012). Частично в: Независимая газета, 18.11.2011.

в том виде, в котором мы их некогда создали... Мы должны бежать со всей быстротой, на которую только способны, чтобы остаться на том месте, где однажды остановились» [1]. И путинская «стабильность» уже поэтому (хотя и не только!) смерти подобна...

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 1960-х как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими [2].

Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, непригодности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей [3]. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может, в конечном счете, породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности» [4].

Процессы глобализации конца XX века – начала XXI века лишь обострили проблему принципиального и устойчивого (более того, увеличивающегося) экономического и социального неравенства как стран, так и различных страт, групп («классов») внутри них.

Процесс «*inclusion/exclusion*» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX века: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего - Я.Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включе-

ны в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние» [5].

Уважаемый читатель, Вам не известно такое место?

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечал отечественный автор, академик Н.Моисеев:

«Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны «отстали навсегда»!... Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» – экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы – сверхжестокая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». «Культуры на всех» тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих «золотому миллиарду»» [6].

Об этом же пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике, и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах» [7]. При этом «если стране не удастся стать частью мировой экономики, то чаще всего за этим кроется неспособность ее правительства выработать разумную экономическую политику, повысить уровень образования и здравоохранения, но, самое главное, - отсутствие правового государства» [8]. Ой, где же это?

Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»? По классификации И. Уоллерстайна (Центр, Периферия, Полупериферия), Россия относилась им к

Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии» [9].

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается в одной из последних книг З.Баумана. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. Это – длительное время безработные, мигранты, беженцы и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов» [10]. И в условиях глобализации, беспримерной поляризацией на «суперкласс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда» (это перекликается с вышеприведенным высказыванием Н. Моисеева: «Теперь отсталые страны «отстали навсегда»»).

Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала «транзитным пунктом» на пути в никуда» [11].

Непонимание этого лишь увеличивает разрыв между государствами – лидерами цивилизационного развития и странами – аутсайдерами, к которым относится и Россия [12]. Достаточно сказать, что к 2010 году продолжительность жизни россиян составляла всего 66,2 лет (61,1 у мужчин и 74,1 у женщин), это – 160-е место в мире. По другим данным, мужчины в среднем не доживают до «заслуженного отдыха», ибо их продолжительность жизни – 59 лет – одна из самых низких в мире, наряду с некоторыми африканскими странами. В то время как в Германии, например, в 2010 продолжительность жизни составила 77 лет у мужчин и 82 года у женщин. Россия занимает одно из первых мест в мире по смертности (16,3 на тысячу жителей, 16-17 – только в Восточной и Центральной Африке, среднемировой показатель – 9) [13]. Валовой национальный продукт на одного жителя России составлял в 2003 г. всего \$8920 при среднемировом показателе \$8180, в Люксембурге – \$54430, в США – \$37500, в Норвегии \$37300, в Японии – \$28620 [14].

«Росстат недавно опубликовал данные о состоянии кошельков россиян. В крайней нищете в России живут 13,4% населения с доходом ниже 3422 рубля в месяц. В нищете пребывают 27,8% с доходом от 3422 до 7400 рублей. В бедности – 38,8% населения с доходом от 7400 до 17 тыс. рублей. «Богатыми среди бедных» являются 10,9% с доходом от 17 до 25 тыс. рублей. На уровне среднего достатка живут 7,3% с доходом от 25 до 50 тыс. рублей. К состоятельным относятся граждане с доходом от 50 до 75 тыс. рублей. Их число составляет 1,1%».

Итого: 41,2% нищих, 49,7% бедных (**всего нищих и бедных** – 90,9%), 8,4% - состоятельных и, очевидно, 0,7% - богатых...

Одно это – катастрофа. Ужас не только в дикой бедности большинства россиян, но и в непонимании ими всей трагедии своей «исключенности»...

Кроме того, по данным различных публикаций, Россия занимает:

1 место в мире по абсолютной величине убыли населения,

1 место в мире по количеству самоубийств среди пожилых людей (и не только – Я.Г.),

1 место в мире по количеству самоубийств среди детей и подростков (вот именно! – Я.Г.),

1 место в мире по числу разводов и детей, рожденных вне брака (ну, это не самое страшное – Я.Г.),

1 место в мире по числу детей, брошенных родителями,

1 место в мире по смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы,

1 место в мире по числу пациентов с заболеваниями психики,

1 место в мире по объемам торговли людьми (см., например [15]),

1 место в мире по количеству аборт и материнской смертности,

1 место в мире по объёму потребления героина (21% мирового производства),

1 место в мире по объёму продаж крепкого алкоголя,

1 место в мире по потреблению спирта и спиртосодержащей продукции (18 л абсолютного алкоголя, на втором месте Франция – около 14 л, по мнению ВОЗ, при душевом потре-

блении свыше 8 л начинается необратимая деградация нации [16]),

1 место в мире по темпам роста табакокурения,

1 место в мире по числу курящих детей,

1 место в мире по темпам прироста ВИЧ инфицированных,

1 место в мире по количеству авиакатастроф (в 13 раз больше среднемирового уровня),

1 место в мире по числу миллиардеров, преследуемых правоохранительными органами,

1 место в мире по загрязнению окружающей среды в результате факельного сжигания газа,

1 место в мире по количеству ДТП (в среднем ежегодно погибает в результате ДТП 33-35 тысяч человек, раненых - 250-280 тыс. человек),

1 место в мире по физическому объему экспорта необработанных алмазов,

1 место в мире по разведанным запасам серебра,

2 место в мире по разведанным запасам золота,

144 место из 169 в рейтинге свободы СМИ (2007),

106 место из 178 в рейтинге «Простота ведения бизнеса» (2008),

120 место из 161 по уровню экономической свободы (2007),

118 место из 121 во Всемирном рейтинге миролюбия (2007),

154 место из 178 в рейтинге восприятия коррупции (Transparency International) с баллом 2,1 (2010), наряду с Папуа-Новой Гвинеей, Кенией, Лаосом и Таджикистаном. Напомню, что степень коррумпированности исчисляется от 1 – максимум коррупции (последние годы – Сомали) до 10 – отсутствие коррупции (баллы 9,4 - 9,7 у Дании, Финляндии, Швеции, Новой Зеландии).

Послушаем заместителя директора по науке Института прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН, вице-президент Нанотехнологического общества России Георгия Малинецкого (26 апреля 2010 г., «РИА-Новости»):

«До начала шестого технологического уклада осталось всего несколько лет, и если Россия не успеет встроиться в новую картину мира, *ее скорее всего не станет* [выделено здесь и далее мною – Я.Г.]... Россия в условиях глобализации не имеет

никаких шансов – ее экономика никогда не будет конкурентоспособной. Две трети территории страны находятся в условиях вечной мерзлоты. Это значит что у нас всегда будет на порядок выше стоимость строительства, на порядок дороже рабочая сила, которую нужно обогревать и хорошо кормить, на порядок выше затраты на энергетику и так далее и так далее... На нашей территории находится 30% мировых природных богатств, а наш вклад в глобальный продукт всего 3%. *Такие страны долго не живут.* Вся российская нефть около 60 миллиардов долларов, оружие – 6 миллиардов. Между тем Индия сейчас выпускает программного обеспечения на 40 миллиардов долларов и в ближайшее время планирует выйти на 60. То есть понимаете, они мозгами зарабатывают столько, сколько мы продажей нефти... Все развитые страны имеют свой технологический прогноз для своей страны и для мира в целом. У нас ничего такого нет. У нас нет руля, мы не проектируем будущего. Для корабля, у которого нет порта следования, не может быть попутного ветра. У нас царит, если можно так выразиться, диктатура бухгалтеров – все сводится к тому, как освоить деньги, как «распилить» бюджет. Нужно определить цели и приоритеты – какие отрасли нам нужно развивать, где мы хотим быть первыми...

5-й технологический уклад мы полностью упустили, – продолжает Георгий Малинецкий. – Это компьютеры, химия, интернет и так далее. Если сейчас построить завод по производству мобильных телефонов, он прогорит, он не нужен. В России 180 миллионов мобильных телефонов, и все они произведены за рубежом. 6-й технологический уклад будет основываться на биотехнологиях, нанотехнологиях, робототехнике, технологиях виртуальной реальности. Сейчас определяется, какие страны будут лидерами... У России очень мало времени. Наша задача вскочить в последний вагон уходящего поезда. Иначе *с большой вероятностью нас не будет...* Чтобы была модернизация, а не ее имитация, нужно четко определить, что мы хотим быть, а не казаться. Государство должно взять на себя целеполагающие, проектирующие будущие функции. Кроме того, необходима прозрачность и открытость – объем взяток в России сейчас превышает госбюджет. Поэтому важна декриминализация страны. По этому принципу шел и Китай, и США, и Южная Корея».

Ситуацию в России ученый охарактеризовал как «инновационный разгром». По сравнению с советскими временами поток инноваций упал в 15 раз. Одна японская корпорация «Панасоник» сейчас регистрирует патентов на различные изобретения и новые технологии в 4 раза больше, чем вся Россия.

Извините, уважаемые читатели за очень длинное цитирование. Но, во-первых, текст чрезвычайно важен по содержанию. Во-вторых, это голос достаточно официального и компетентного лица, в отличие, например, от меня – профана.

Со своей стороны могу только предположить, что поезд давно ушел, и огонек последнего вагона ушедшего поезда мы даже не заметили...

Сегодня уже никто и ничто не может изменить исторический факт – Россия отстала навсегда. Впрочем, не одна она, а все т.н. «развивающиеся страны». Более того, политкорректное «развивающиеся» давно пора отбросить. Есть страны развитые и неразвитые. Россия из числа последних.

Начал я с Гондураса (эпиграф), закончу Нигерией:

«Россия – это Нигерия в снегу» (Сергей Брин, сооснователь Google). «Главный политтехнолог» России Станислав Белковский подтверждает: «Я считаю, основной итог года в России – окончательная кристаллизация курса нынешней власти в России. Это завершение формирования портрета путинской России. Это курс на Евразийскую Нигерию»...

Примечания:

[1] Винер Н. Я – математик. М., 1967. С.311.

[2] Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140-156.

[3] Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

[4] Погам С. Указ. соч. С.147.

[5] Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социоло-

гия на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94-108.

[6] Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С.360, 447.

[7] Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. М.: George C. Marshall, European Center for Security Studies, 2003. С.30.

[8] Купер Р. Там же. С.31.

[9] Pro et Contra. Проблемы глобализации. 1999. Т.4, №4. С. 227. Обратите внимание на год публикации этих строк – 1999. С тех прошло свыше 10 лет все усиливающейся деградации.

[10] Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5-7.

[11] Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. №1/2. С. 205.

[12] Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 354-471; Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. М.: МОНФ, ИМЭМО РАН, 1999. Сб. 1-4; Проблемы глобализации. Указ. соч., 1999.С. 227-232, 254-265; Глобализация и девиантность / ред. Я. Гишинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006, и др.

[13] Все страны мира (2003) // Население и общество, №74, август 2003.

[14] Доклад о мировом развитии 2005: как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005. С.258-266.

[15] Kangasputna K. Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings// Forum on Crime and Society. Vol. 3, N1-2, 2003, pp. 81-104.

[16] См.: Гишинский Я. Алкоголь и мы // Вестник Орловского государственного университета, 2010, №3, а также сайты <http://deviantology.spb.ru> , <http://crimpravo.ru>

НОВЫЙ МИР? РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРОФАНА¹

История человечества – история зла на Земле

В. Швებель

Человек человеку – WOW!

(Журналистское наблюдение)

Немотивированный страх, апокалипсические прогнозы («конец света», по разным «прогнозам», наступит 21 мая 2011 г., или 22 сентября 2012 г., или 12 декабря 2012 г., или 21 декабря 2012 г...), депрессия, как один из наиболее частых сегодня психиатрических диагнозов - все это сопровождает наш современный мир. «Новая Газета» (№12, 2011, с. 19) пишет: «Апокалипсис как фундаментальная идея современного мирового катаклизма проникает во все поры внутреннего мира человека». А вот образ современного мира, предложенный Зигмундом Бауманом в блестящей лекции «Текущая модернность: взгляд из 2011 года», состоявшейся 21 апреля 2011 г. в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру»²: *мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован...*

Порассуждаем на тему «Нового мира». При этом надо иметь в виду, что это будут размышления профана, ибо автор – не историк, не политолог, не футуролог, не экономист, а всего лишь «уголовник» (правовед с криминальным уклоном).

Апокалипсис всегда?

Хорошо известно, что апокалипсические настроения и прогнозы давно сопровождают человеческую историю. Они

1. Опубликовано в: URL: <http://crimpravo.ru/blog/1016.html> (дата посещения 27.03.2012). Частично в: Независимая газета, 21.12.2012; История. Право. Политика. №3. 2011. С.30-33.

2. URL: <http://polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html> (дата посещения 27.03.2012).

учащаются на границе веков, по-разному проявляются в различных странах, но пока еще ни разу не сбылись... Есть основания надеяться, что и нынешние разделят судьбу предыдущих.

Другое дело, что конец человеческой истории в принципе также неизбежен, как конец *всего сущего* во Вселенной. Точнее, каждой *конкретной* Системы, будь то человечество, Земля, Солнечная система, а может и «вся» Вселенная (ее «схлопывание»). «Человечество смертно, как и всё в Мире. Нельзя предсказать, что унесет человечество в небытие – омницид или же космическая катастрофа. Но конец неизбежен, как и конец нашей Вселенной»³.

Поэтому, с одной стороны, любой краткосрочный прогноз «конца света» выглядит не очень убедительно. С другой стороны, принципиальный «прогноз» конца человечества (как биологического вида? вместе с другими живыми существами? одновременно с Землей?) гарантировано сбудется. С вероятностью 100%. И здесь мы сталкиваемся с идеей *принципиальной непредсказуемости нашего общего будущего*. Другое дело, что человечество *step by step*, с поразительным упорством и ускорением приближает возможность «рукотворного» конца: благодаря экологическим катастрофам, войнам с использованием оружия массового поражения (атомного, водородного, нейтронного, биологического) или иным «достижениям науки и техники»...

Правда о Homo Sapiens

*Человек является единственным видом,
в котором борьба носит уничтожающий характер.*

Н. Тинберген

Насилие сопровождает человечество всю его историю. Оно - неотъемлемый элемент общественного бытия. Со временем насилие приобретает *системный* характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая

3. Гишинский Я. Я в Мире, Мир во мне. Неоконченные мемуары. СПб: Деан, 2010. С. 197.

«культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (N. Luhmann), «структурное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный строй, J. Galtung), криминальное насилие. Но и само «право поражено насилием» (W. Benjamin). В конечном счете, «насилие встроено в систему» (D. Becker)⁴.

В современном мире различные проявления насилия вызывают все более негативную реакцию. Это объясняется, во-первых, интуитивно осознаваемой угрозой существованию человечества в условиях, когда имеются средства, достаточные для уничтожения всего живого на Земле, а, во-вторых, толерантностью населения цивилизованных стран, чья мораль не приемлет насилия⁵. При этом масштабы насилия не сокращаются...

«Какое зверское убийство!» - восклицаем мы, услышав об особо жестоком лишении жизни. «Не человек, а зверь!» - говорим о человеке жестоком, убийце, садисте. При этом мы... клеветаем на зверей. Во-первых, внутривидовое убийство среди животных - крайняя редкость. У животных акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются серьезными травмами и смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигнал «капитуляции» немедленно прекращает самую жестокую схватку. «Борьба между животными одного и того же вида не имеет своей целью смерть противника; как правило, она не сопровождается кровопролитием и прекращается при отступлении одного из конкурентов»⁶. Так, при схватке двух волков побеждаемый... подставляет горло под клыки побеждающего, и схватка немедленно прекращается. Так природа защищает биологический вид от самоуничтожения. Во-вторых, агрессия среди животных всегда инструментальна: из-за пищи, из-за

4. См., например: Аснер П. Насилие и мир: от атомной бомбы до этнической чистки. СПб., 1999; Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000; Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб., 2000; Лоренц К. Агрессия. М., 1994; Goldstein A., Segall M. (Eds.) *Aggression in Global Perspective*. Pergamon Press, 1983

5. Hassner P. *La violence et la paix. De la bombe atomique au nettoyage ethnique*. Edition Esprit, 1995.

6. Симонов П. Знание - против зла. В: Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979. С.269.

самки, при защите детеныша, при «самообороне», но никогда не превращаются в самоцель, не бывает, как у людей, «просто так», из зависти, из мести, «из хулиганских побуждений», по мотивам ненависти или вражды. «Агрессивности ради агрессивности у животных, по-видимому, вообще не существует»⁷.

В человеческом обществе, по неполным подсчетам, с 3600 г. до н.э. по настоящее время на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тысяч войн унесло около 3,5 млрд. человеческих жизней. Только за 80 лет XX в. в мире произошло 154 войны, стоивших человечеству свыше 100 млн. жизней. В вышеназванной книге Р. Hassner приводятся данные Р. Руммела, согласно которым за 87 лет минувшего столетия помимо 39 млн. жертв межнациональных и гражданских войн, около 151 млн. человек было уничтожено собственными правительствами. По оценке N. Kressel, лидеры стран («спонсоры убийств»), принесли в жертву человеческие жизни: СССР (1917-1987) – 61,9 млн. человек, Китай (1928-1987) – 45,2 млн., Германия (1934-1945) – 20,9 млн., Япония (1936-1945) – 5,8 млн., Камбоджа (1975-1978) – свыше 2 млн. и т.д.⁸ Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?

Насилие в человеческом обществе отличается от агрессивности животных не только масштабами, но и тем, что оно сопровождается *враждебным отношением* к объекту насилия (волк не испытывает «вражду» к зайцу). Итак, *агрессия* присуща всему живому, *насилие* – только человеку. Впрочем, *качественное* отличие насилия от агрессии признается не всеми авторами⁹.

Надо ли напоминать, что уровень насилия в современной России один из самых высоких в мире? Что нет такого вида насилия – криминального, семейного, полицейского, пенитенциарного, школьного, армейского – по которому Россия ни была «впереди планеты всей»?

7. Симонов П. (1979) Указ. соч. С.269.

8. Kressel N. Masse Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996, pp. 252-253.

9. Goldstein A., Segall M. (Eds.) Aggression in Global Perspective. Pergamon Press, 1983, p.23.

С чего обезьяна так озверела, превратившись в человека?

*В природе идёт процесс не очеловечивания животных,
как нам внушают с детской скамьи,
а процесс озверения человека...*

А.И. Белов

Оставим без обсуждения ненаучную гипотезу божественного творения и происхождения рода человеческого от Каина (автор – упертый атеист).

«Если проявление истребительной внутривидовой агрессии – это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что *характерно* именно для человека, что его *отличает* от животных, а не в том, что его роднит с ними?... При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех *социальных причин*, которые агрессивность вызывают»¹⁰.

Обратимся к этим причинам.

Очевидно, не существует единой причины насилия как социального феномена. Имеется множество факторов, воздействующих на состояние и динамику многообразных проявлений насилия – государственного, полицейского, военного, семейного, педагогического, криминального и др. Это факторы экономические, демографические (пол, возраст, этническая принадлежность, миграция), культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, религиозной конфессии) и даже космические (были выявлены корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств и солнечной активностью, фазами луны¹¹). Остановимся на одном из главных факторов.

Все свои действия человек совершает, в конечном счете, для удовлетворения тех или иных потребностей: биологических, или витальных (в пище, в питье, в укрытии от неблаго-

10. Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий. В: Диалоги. М., 1979. С. 51, 55.

11. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С.350-405, 623.

приятных погодных условиях, в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении и др.); духовных, или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей для каждого времени распределены относительно равномерно. А *возможности* удовлетворения потребностей – различны. Некоторая степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей человека (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, с высоким интеллектом или не очень). Но главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности *служит социально-экономическое неравенство*, занятие людьми различных неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или бизнесмен, крестьянин или банкир, школьный учитель или министр). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения (можно говорить о едином социально-экономическом статусе) человека в основном зависят возможности удовлетворять те или иные потребности¹².

Социальную структуру общества изображают обычно в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет «элита» общества (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная). Средняя часть – «средний класс». В основании пирамиды, в ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники и т.п.). За пределами официальной социальной структуры (или на самом ее низу – это зависит от точки зрения исследователя) находятся аутсайдеры, изгои (бездомные, безработные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, опустившиеся проститутки и т.п.). Чем ближе к верхушке пирамиды располагаются позиция и занимающий ее человек, тем больше у него возможностей удовлетворять свои потребности, чем дальше от вершины и ближе к основанию, тем меньше таких возможностей. При этом распределение людей по тем или иным социальным позициям обусловлено, прежде всего, независящими от них (людей) обстоятельствами – социальным

12. Подробнее см.: Гилинский Я. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право / ред.А.П. Заостровцев. СПб: Наука, 2009. С.169-188.

происхождением, принадлежностью к определенному классу, группе, и лишь во вторую очередь – личными способностями, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый простой американец может стать президентом»), однако статистически зависимость от социальной принадлежности остается.

Социально-экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда. Дифференциация общества, как следствие углубляющегося разделения труда, есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако, как все в мире, она влечет и негативные последствия. Неравномерное положение социальных классов, слоев и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает социально-экономическое неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать зависть, социальные конфликты, протестные реакции, ненависть, принимающие форму различных девиаций, включая насилие. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»¹³.

На роль социально-экономического неравенства в генезисе преступности, включая насильственную, обращали внимание еще в XIX веке. Так, по мнению Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений.... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений»¹⁴. Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами»¹⁵. С точки зрения Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить всех

13. Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С.375.

14. Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 111.

15. Гернет М.Н. Там же. С.119.

своих потребностей ведет к преступлению»¹⁶.

Р. Дарендорф признает: «Социальное неравенство, пронизывающее сверху донизу все наше общество, восстанавливает одних людей против других, обуславливает конфликты и борьбу между ними»¹⁷. Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества»¹⁸.

Главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а *степень различий* в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это обращал внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено»¹⁹. Так что по-своему правы были наследники Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего населения СССР.

Для тех же, кто в современной России не очень доверяет К. Марксу, приведем слова Питирима Сорокина: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества.... Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты,

16. Гернет М.Н. Там же. С.375.

17. Цит. по: Денисов В.В. Проблема социального насилия в современной буржуазной философии // Вопросы философии. 1973, №11. С.156.

18. Белл Д. Преступление как американский образ жизни // Социология преступности. М., 1966. С.267.

19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.6.С. 446.

чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия»²⁰.

Социальная неудовлетворенность и попытки ее преодолеть, в том числе – незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными – по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Поэтому в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности, наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств²¹.

В генезисе насилия особую роль играет неудовлетворенность именно *социальных* потребностей – в престиже, статусе, самоутверждении, в творчестве. Если неудовлетворенная витальная потребность приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворенная социальная потребность – к «сверхборьбе за сверхсуществование»! Так, «отрицательные эмоции, возникающие на базе неудовлетворенных социальных потребностей, как правило стеничны и агрессивны»²². Насилие чаще других нежелательных для общества форм деятельности выступает «средством» *самоутверждения*, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные, творческие способы самоутверждения («Комплекс Герострата»). И тогда «как предельный случай самоутверждения – убийство»²³. Даже такое, казалось бы «очевидное» по своей мотивации преступление как изнасилование, в действительности не столько преследует цель удовлетворения витальной – сексуальной потребности, сколько служит способом самоутверждения (при невозможности «самоутвердиться другим путем, чем сексуальный»²⁴).

А об озверении человека читайте книгу биолога, антро-

20. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.273.

21. Гернет М.Н. Избранные произведения. С. 306-310, 449-459; Podgórecki A. Patologia życia społecznego. Warszawa, 1969.

22. Симонов П.В. Детерминизм и свобода выбора // Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1982. С. 105.

23. Туровская М. «Преступления века» и «Массовая цивилизация» // Новый мир. 1968, №7. С.236.

24. Фоке В. Введение в криминологию. М., 1980. С.241-242.

полога А.И. Белова, чьи слова взяты эпиграфом к этой части эссе²⁵.

Глобализация нам поможет...

Тема глобализации является одной из широко обсуждаемых в современных общественных науках, со всеми вытекающими из ее «модности» позитивными и негативными последствиями²⁶.

Само понятие «глобализация» многозначно и дискуссионно.

Различают глобализацию экономических, политических, социальных, культурологических, демографических, информационных и прочих процессов. Наиболее кратко глобализацию можно определить как *всеобщий (глобальный) взаимообмен (general global interchange)*. Заметим при этом, что хотя взаимообмен и взаимопроникновение экономики, культуры, этносов происходил всегда, однако всеобщий, глобальный и «молниеносный» характер этих процессов стал возможным лишь с появлением современных средств связи, транспорта (авиации), коммуникаций. Так что «глобализация» в современном понимании могла начаться не ранее второй половины XX столетия.

Глобализация – *объективный процесс*, развивающийся независимо от наших желаний (и даже вопреки им)²⁷. Деятельность транснациональных компаний; взаимозависимость стран (от энергоресурсов, сырья, технологий и т.п.); мировая информационная система (интернет, спутниковая связь и

25. URL: <http://forum.russ2.com/index.php?showtopic=1868> (дата посещения 27.03.2012).

26. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Многоликая глобализация / ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М.: Аспект-Пресс, 2004; Проблемы глобализации // Pro et Contra Т.4, № 4. 1999; Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии целостности. М.: МОНФ, 1999; Этос глобального мира. М., 1999; Baylis J., Smith S. (Eds.) The Globalization of World Politics. Oxford University Press, 1997; Mittelman J.H. (Ed.) Globalization: Critical Reflection. L.: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1997.

27. Как заметил Г. Явлинский, «Разговоры о глобализации... это вроде подготовки к зиме. Можно долго рассуждать о том, нужно это или нет, зима все равно придет» (Новая газета, 2003. №60. С.11).

др.); взаимосвязь крупнейших финансовых систем; интернационализация и интенсификация современных транспортных средств и сетей; интенсивная миграция, обуславливающая взаимопроникновение этносов и культур; использование английского языка как средства международного общения; формирование «общечеловеческих ценностей»; планетарный характер экологических проблем – все это свидетельствует о вполне реальной глобализации экономического, социального, финансового, культурного пространств. Это необходимо отметить, поскольку в российских политических кругах нередко возникает идея «противостоять» глобализации, ратовать за «многополярный» мир. Но закономерные, объективные мировые социальные процессы не зависят от воли политиков или «народа». Как пишет З. Бауман, ««Глобализация» касается не того, что все мы... хотим или надеемся совершить. Она означает то, что со всеми нами происходит»²⁸.

Непонимание этого лишь увеличивает разрыв между государствами – лидерами цивилизационного развития и странами – аутсайдерами, к которым относится и Россия²⁹. Достаточно сказать, что к 2010 году продолжительность жизни россиян составляла всего 66,2 лет (61,1 у мужчин и 74,1 у женщин), это – 160-е место в мире. До 2003 г. мужчины в среднем не доживали до «заслуженного отдыха», ибо их продолжительность жизни – 59 лет – была одна из самых низких в мире, наряду с некоторыми африканскими странами. Например, в Германии в 2010 г. продолжительность жизни составила 77 лет у мужчин и 82 года у женщин. Россия занимает одно из первых мест в мире по смертности (16,3 на тысячу жителей, 16-17 – только в Восточной и Центральной Африке, среднемировой показатель – 9)³⁰. Валовой национальный продукт на одного жителя России составил в 2003 г. всего \$8920 при среднемировом показателе \$8180, в Люксембурге – \$54430, в

28. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 88.

29. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 354-471; Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. М.: МОНФ, ИМЭМО РАН, 1999. Сб. 1-4; Проблемы глобализации. Указ. соч., 1999. С. 227-232, 254-265; Глобализация и девинантность / ред. Я. Гилинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006, и др.

30. Все страны мира (2003) // Население и общество, №74, август 2003.

США – \$37500, в Норвегии \$37300, в Японии – \$28620³¹.

«Росстат недавно опубликовал данные о состоянии кошельков россиян. В крайней нищете в России живут 13,4% населения с доходом ниже 3422 рубля в месяц. В нищете пребывают 27,8% с доходом от 3422 до 7400 рублей. В бедности – 38,8% населения с доходом от 7400 до 17 тыс. рублей. «Богатыми среди бедных» являются 10,9% с доходом от 17 до 25 тыс. рублей. На уровне среднего достатка живут 7,3% с доходом от 25 до 50 тыс. рублей. К состоятельным относятся граждане с доходом от 50 до 75 тыс. рублей. Их число составляет 1,1%»³². Итого: 41,2% нищих, 49,7% бедных (всего нищих и бедных – 90,9%), 8,4% - состоятельных и, очевидно, 0,7% - богатых...

Глобализация, как все на свете, имеет свои *позитивные и негативные последствия*. При этом «позитивность» и «негативность» неравномерно распределяются по странам и регионам. Параллельно с процессом глобализации (и интеграции - например, Европейский Союз) идет процесс дифференциации и поляризации. Этот факт зафиксирован неологизмом Роланда Робертсона - «глокализация». «Глобальность характеризует лишь один из аспектов эволюции человечества – взаимосвязанность, взаимосоотнесенность. Наряду с этим действуют и другие механизмы – членения-дифференциации или – несколько в другом ракурсе – диверсификации»³³. Выделяются развитые страны «золотого миллиарда» в отличие от остальных государств, включая Россию.

Глобализация усилила процесс социального расслоения. Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность / исключенность» (*inclusive / exclusive*).

Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 60-х гг. как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоя-

31. Доклад о мировом развитии 2005: как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005. С.258-266.

32. URL:<http://www.argumenti.ru/toptheme/n266/8594>

33. Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы /Проблемы глобализации. Указ. соч., 1999.С.121.

нием одних и «никому не нужными» другими³⁴. Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей³⁵. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности.

Процесс *«inclusion/exclusion»* приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX в.: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего - Я.Г.) столетия примет метакод включения/ исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние»³⁶.

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечает отечественный автор, академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны «отстали навсегда»!... Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» – экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы – сверхжесткая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие

34. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология. 1999. С. 140-156.

35. Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974..

36. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94-108.

и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». «Культуры на всех» тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих «золотому миллиарду»³⁷.

Исключенными бывают государства и группы населения в них. Как пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы.

Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике, и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах»³⁸. При этом «если стране не удается стать частью мировой экономики, то чаще всего за этим кроется неспособность ее правительства выработать разумную экономическую политику, повысить уровень образования и здравоохранения, но, самое главное, - отсутствие правового государства»³⁹.

Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»?... По классификации И. Уоллерстайна (Центр, Периферия, Полупериферия), Россия относилась им к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии»⁴⁰.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается в одной из последних книг уже упомянувшегося З. Баумана. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. Это – длительное время безработные, мигранты, беженцы и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «челове-

37. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С.360, 447.

38. Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. М.: George C. Marshall, European Center for Security Studies, 2003. С.30. См. также: Moran T. On the Theoretical and Methodological Context of Cross-National Inequality Data // International Sociology. 2003, Vol. 18, N2, pp.351-378.

39. Купер Р. Там же. С.31.

40. Pro et Contra. Проблемы глобализации. 1999. Т.4, №4. С. 227

ческих отходов⁴¹. И в условиях глобализации, беспрецедентной поляризацией на «суперкласс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда» (это перекликается с вышеприведенным высказыванием Н. Моисеева: «Теперь отсталые страны «отстали навсегда»»⁴²). Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала «транзитным пунктом» на пути в никуда»⁴³.

По различным данным, сегодня в России не менее 50-70% населения – «исключенные». А недавно в СМИ появилась их новая (по моему, не очень удачная,) характеристика – «гетто». У находящихся в нем людей отсутствуют и солидарность, и ответственность, и надежда как-то выйти из тяжелой жизненной ситуации⁴⁴.

Дивный новый мир...

Лучшие представители рода Homo Sapiens (правда, думается, что мы скорее — subsapiens) всегда стремились представить и реализовать проект идеального общества. Платон и Кампанелла, Томас Мор и Сен-Симон, Бабёф и Оуэн, К. Маркс и Фурье... Но с осуществлением надежд на «светлое будущее», «Город Солнца», «американскую мечту», «общество всеобщего благоденствия» дела обстояли неважно. Скорее, «хотели, как лучше, а вышло, как всегда» (вечная память В.С. Черномырдину).

Всё разрастающиеся масштабы взаимного уничтожения людей, тотальность насилия по различным «поводам» и без оных породили серию антиутопий – «Мы» Евгения Замятина, «О дивный новый мир!» Олдоса Хаксли, «1984» Джорджа Ору-

41. Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5-7.

42. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С.360, 447.

43. Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. №1/2. С. 205.

44. Независимая Газета, 06.04.2011.

элла, «Москва 2042» Владимира Войновича, «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ (как актуально в сегодняшней России: котята утром поступают в первый класс и к вечеру получают аттестат зрелости, молодые коты и кошки утром поступают в университет, а к вечеру получают диплом о высшем образовании, при этом стар и млад потребляют дурман...) и несть им числа. Конечно, антиутопии гораздо ближе к реализации, чем утопии. Но Освенцим превзошел все самые мрачные предположения и стал символом XX века. А 11 сентября 2001 г. – символ века XXI-го? А Чернобыль? А Фукусима-1? Человечество быстрым шагом идет к самоуничтожению⁴⁵.

«Вместе с человечеством вымрет большое количество различных видов животных, – считает профессор Феннер. – Я думаю, что это необратимая ситуация. Я говорю так не потому, что еще что-то можно сделать. Люди могут только на некоторое время отсрочить неизбежное. Климатические изменения только начинаются, но уже ясен их необратимый характер. Человеческий род исчезнет так же, как исчезло множество видов животных до него» (по материалам MIGnews.com).

А вот мнение ученых МГУ: «Когда таяние гренландского ледника достигнет критической отметки, исландская скрепка может разорваться. Тогда Североамериканская литосферная плита устремится вверх, а Евразийская – вниз. Образуется огромный провал, куда хлынет вода и попадет в ноосферу, нагретую до 1000°C. Грянет взрыв, после чего на планете установится нулевая видимость. Произойдет всплеск невиданной сейсмической активности, проснутся спящие вулканы. Океан буквально вздыбится. Вода поднимется на 20-30 км и вызовет дождь библейской силы. Залиты будут все побережья на сотни и тысячи километров. Нависнет угроза над Нью-Йорком, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресом. У нас это Петербург, Калининград, Мурманск, Архангельск⁴⁶.

45. См., например: Paik P. From Utopia to Apocalypse: Science Fiction and the Politics of Catastrophe. University of Minnesota Press, 2010.

46. URL: <http://news.mail.ru/society/3718825/> (дата посещения: 27.03.2012).

Тем не менее, dum spiro, spero (пока дышу, надеюсь)

Чем сердце успокоится

Когда одной-единственной бомбой убивают сто тысяч человек — моя обязанность доказать миру, насколько ценна одна-единственная человеческая жизнь.

Альберт Швейцер

Нельзя бездумно верить и надеяться «сердцу вопреки». *Надо принять за должное: каждый из нас смертен, человечество конечно* (как и все в этом лучшем из миров). Но именно поэтому **абсолютна ценность каждого мгновения бытия**. Именно поэтому люди не должны бессмысленно сокращать отведенные каждому из нас дни и минуты бытия.

У меня лично нет никаких надежд на человеческое благоразумие. Мучаем друг друга, включая самых близких, самых дорогих, самых любимых; убиваем друг друга из-за денег, из-за «жилплощади», из ревности, куражу ради, из мести, из хулиганских побуждений, потому что сказки одних (христиан, мусульман, иудеев, баптистов, адвентистов, несть им числа) не соответствуют сказкам других (адвентистов, баптистов, иудеев, мусульман, христиан, несть им числа)... Стоит ли все это и тому подобное Жизни – единственной, неповторимой, необратимой для каждого из нас?

Зигмунд Бауман в лекции, которая упоминалась выше, выразил надежду, что поколение молодых (а среди слушателей они преобладали) сумеет обеспечить «позитивную глобализацию». Хотелось бы, конечно.

И «рецепты» просты и известны: *ахинса* (ненасилие) буддистов, *Veneratio Vitae* («Благоговение перед жизнью») Альберта Швейцера, принцип ненасилия Л. Толстого и М. Ганди, жизненная необходимость утверждения толерантности в современном мире, переполненном оружием и ненавистью.

Во всех странах все СМИ, все семьи, все учителя всех уровней образовательных учреждений, все политики должны воспитывать у всех понимание того, что мы все – *жители одной Земли*, такой маленькой при современных средствах связи и

передвижения; что *единственная ценность* каждого жителя Земли – его Жизнь, единственная и неповторимая, которую нельзя отнимать во имя чего бы то ни было (бредовые «благо отечества», «чистота веры», «дело чести»...). И что смерть каждого – конец небольшой, но очень индивидуальной, уникальной, неповторимой Вселенной. «Не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит по тебе».

Ну, и что?...

ДВА ЛИЦА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ¹

Идеальный капитализм невозможен так же, как и идеальный социализм, и ровно по той же причине – из-за несовершенства человеческой природы.

Г. Садулаев

История человечества – история зла на Земле.

В. Швებель

Введение

У меня давно сложилась уверенность в принципиальной невозможности создать относительно благополучное общество, без массового насилия, без страшного неравенства (социального, экономического, расового, этнического, религиозного и т.п.), без «войны всех против всех» [Гишинский, 1995; Гишинский, 1995а; Гишинский, 2011]. Насилие сопровождает человечество всю его историю. Оно – неотъемлемый элемент общественного бытия.

Со временем насилие приобретает системный характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (N. Luhmann), «структурное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный строй, J. Galtung), криминальное насилие. Но и само «право поражено насилием» (W. Benjamin). В конечном счете, «насилие встроено в систему» (D. Becker)².

Идеалом для меня всегда были государства Западной Европы, где я чувствую себя «свободным человеком в свободной

1. Опубликовано в: Экономическая свобода и государство: друзья или враги. СПб: Леонтьевский центр, 2012. С. 58-75.

2. Аспер, 1999; Жирап, 2000; Кырай, 2000; Goldstein, Segall, 1983

стране», и не боясь хожу по улицам в любое время суток. Но что-то стало меняться...

Конечно, насытившись развитым и недоразвитым социализмом, плановой экономикой, уголовным запретом частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества (ст. 153 УК РСФСР), «валютных операций» (ст. 88 УК РСФСР) и – как следствие – пустыми полками магазинов, при непрременной оглядке на КГБ, я с понятной радостью встретил горбачевскую «перестройку», частную собственность, рыночную экономику, свободу слова и зарубежных поездок. Я и сейчас принципиальный, категорический противник возврата к «социалистическому» прошлому. Я и сейчас уверен, что М.С. Горбачев совершил чудо, повернув историю России в либерально-демократически-прогрессивном направлении.

Однако современный отечественный опыт свидетельствует о том, что безусловно прогрессивный переход от казарменного полуголодного социализма с постоянным «дефицитом» всего и вся к рыночной экономике принес не только переполненные товаром магазины, заполненные иномарками улицы, возможность путешествовать по всему миру и обучать детей в Оксфорде или Гарварде, но и значительные негативные последствия: беспрецедентный разрыв между богатым меньшинством и бедным большинством населения (что отражается динамикой соответствующих экономических показателей – децильного коэффициента и индекса Джини); господство масскульта; призыв «обогащайтесь!» и воцарившуюся мораль «все на продажу» и «деньги не пахнут» с закономерным возрастанием негативных девиантных проявлений – преступности, коррупции, алкоголизации населения, наркотизма, торговли людьми, суицида.

Начитавшись либеральной и либертарианской литературы [Боуз, 2004; Фридмен, Хайек, 2003; и др.], я стал ярким сторонником либерализма не только в политике и частной жизни (коим был всегда), но и в экономике с ее свободной торговлей, принципом *laissez faire*. Честно ответив на вопросы теста «Являетесь ли вы либертарианцем?» [Боуз, 2004, с. 33-336], я лишний раз убедился в том, что – да, являюсь.

Размышления о капитализме

Однако последнее время я начал все чаще сталкиваться с разумным неприятием капитализма. Коллеги-криминологи давно пишут о капиталистических общественных отношениях как источнике преступности и иных негативных девиантных проявлений (пьянство, наркотизм, коррупция, проституция, суицид и т.п.). Это основатели «радикальной» («критической») криминологии – Я. Тэйлор, П. Уолтон, Дж. Янг [Taylor, Walton, Young, 1973]. Позднее Я. Тэйлор продолжал изучать экономические и политические предпосылки преступности в современном мире «свободного рынка» [Taylor, 1990]. Он не скрывал социалистические корни своих криминологических взглядов [Taylor, 1983].

Это многочисленные труды Н. Кристи, доступные на русском языке [Кристи, 1985; Кристи, 2001; Кристи, 2011]. В одной из своих работ Кристи обращает внимание на «образ новой действительности, где участие в трудовой деятельности – привилегия, где работа становится статьей дефицита... Теперь привилегия – это не свободное от работы время, а возможность найти применение своей жизни» [Кристи, 2001, с. 22-23].

Это работы немецкого представителя «критической криминологии» Ф. Зака. В опубликованной на русском языке статье Ф. Зак, критикуя современный капиталистический мир с его индивидуализмом, бесперспективностью для «исключенных», не имеющих даже шансов принадлежать «резервной армии индустриального труда», пишет: «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности... В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения... Чем больше социальная среда перерождается в экономическую, тем более она поражена преступностью» [Зак, 1999, с. 92-105].

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения

Земли [Валлерстайн, 2003]. В другой работе он приходит к убеждению, что капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис [Wallerstein, 2000].

Все основательнее вырисовываются два лица свободной экономики, свободных рыночных отношений.

С одной стороны – безусловный рост экономики; повышение уровня жизни и расширение возможностей «включенных» жителей развитых стран Европы и Северной Америки, Австралии и Юго-Восточной Азии; фантастическое развитие техники и новейших технологий.

С другой стороны – растущее социальное и экономическое неравенство; экономические преступления; формирование организованной преступности как криминального предпринимательства; все возрастающий удельный вес теневой («серой», «неформальной», «второй», «скрытой», «подпольной») экономики [Барсукова, 2004; Бурова, 2006; Клямкин, Тимофеев, 2000; Латов, Ковалев, 2006; Тимофеев, 2008; Неформальная экономика..., 1999]; растущее недовольство большинства населения господствующим (в политике и экономике) меньшинством и др.

Ю.В. Кузовков различает четыре основных типа социально-экономических систем [Кузовков, 2010, с. 759]. Две из них основаны на рыночной экономике: глобальный олигархический капитализм и национально-демократический капитализм (или национальная демократия). Отличием второй системы от первой является то, что: а) в правящей верхушке общества преобладает не олигархия, а национальная элита, думающая об интересах всего общества; б) в экономике основную роль играет средний и малый бизнес при отсутствии частнокапиталистических монополий; в) сформирован национальный (или региональный) рынок, защищенный от мирового рынка и глобализации посредством таможенных пошлин или, как это бывало ранее в истории, посредством естественных барьеров (горы, участки суши, большие расстояния). Две другие системы связаны с ограничением товарно-денежных отношений и с преобладанием не торговли, а распределения произведенных товаров. Это социализм и режим восточной деспотии. При социализме доминируют государственная и общественная собственность на средства производства, которыми управляет бюрократия. В режимах восточной деспотии

средствами производства владеет олигархия, но ее рыночная свобода сильно ограничена со стороны государства (монарха или диктатора).

Так вот, «можно считать доказанным тот факт, что наибольший экономический и технический прогресс общества, равно как и наибольшая социальная гармония, достигается в условиях режима национальной демократии... Этот режим существовал в США в эпоху «американского экономического чуда» (1865 г. – начало XX в.) и в Западной Европе в эпоху «послевоенного экономического чуда» (1946-1967 гг.), и во всех этих случаях привел к беспрецедентному экономическому росту, низкой безработице (или к полному ее отсутствию) и социальному миру» [Кузовков, 2010, с. 760].

Вместе с тем, «глобальный олигархический капитализм – наиболее распространенная социально-экономическая система, встречающаяся в истории. Эта система преобладала... в современном мире, начиная с последней трети XX в. В ее основе всегда лежала глобализация, а необходимым ее условием была свободная внешняя торговля, которая, по определению И. Валлерстайна, служила «максимизации краткосрочной прибыли классом торговцев и финансистов», то есть классом олигархии. Эта система вначале, как правило, приводила к товарному изобилию и кажущемуся процветанию общества. Но побочным эффектом всегда становился разгул товарных спекуляций, за счет которых обогащалась и приобретала все большую силу олигархия, захватывая власть над обществом. Все эти явления вызывали рост коррупции в обществе, падение нравов, обнищание населения и прочие явления, приводившие к кризису коррупции. Таким образом, глобальный олигархический капитализм всегда неизбежно приводил к кризису, и в ряде случаев имел следствием разрушение государств и крах цивилизаций, в которых установилась эта социально-экономическая система» [там же, с. 761].

Теневая экономика, организованная преступность

Теневая экономика не может не вовлекать в свою орбиту политику. Происходит сращивание теневой экономики и теневой политики, образуя теневую реальность, теневую действительность, невольными участниками (и жертвами)

которой оказываются все граждане страны [Барсукова, 2007]. «Развитие теневой экономики создает угрозу стабильности таких фундаментальных институтов, как государство, правовая система, система общественной морали... В сфере вне-легальных экономических связей... возникает и укрепляется некое теневое парагосударство – со своими «законами», со своей иерархией власти, со своей системой безопасности» [Теневая экономика... 2008, с.12].

Отсюда – коррупционные сети на высшем государственном уровне, управляемые суды, коррумпированные правоохранительные органы, политические убийства, выборы без выбора.

Организованная преступность как нелегальный бизнес, предпринимательство – business enterprise [Abadinsky, 1994; Albanese, 1995] давно приобрела международный характер (торговля наркотиками, оружием, людьми).

«Британские беспорядки — демонстрация уязвимости постиндустриального общества, опирающегося на финансово-ориентированную экономику. Социум, замкнутый на сверхпотреблении и сфере услуг в условиях ограниченности реального сектора, стимулирует непропорциональное развитие маргинального низшего класса... Криминал – стержневой регулятор «черной» экономики, сложившейся в постиндустриальном обществе и обеспечивающей заметную долю дохода для низших слоев. В Великобритании это, прежде всего, торговля наркотиками и оружием, а также рэкет. Молодежь, попадающая в криминальные группировки, скоро утрачивает мотивацию к нормальной работе. Недельный доход от силового прикрытия продажи наркотиков часто превосходит месячное жалование служащего сферы услуг» [Минаев, 2011].

«Кущевский феномен» выявил новую российскую тенденцию развития организованной преступности: тесное слияние организованной преступности, правоохранительных органов, властных структур и бизнеса. В регионах России объединились в контроле за всем и вся преступные организации, полиция, прокуратура, суды, местные органы власти (Кущевская станица, Гусь-Хрустальный, Миасс, Энгельск, Березовск, «Общак» Хабаровского края, «Уралмаш» на Урале, далее – везде...).

В современной России слияние организованной преступ-

ности («бандитов»), правоохранительных органов – «силови-ков» (включая милицию/полицию) и местных органов власти признается на самом высоком уровне. Так, в послании президента России Д. Медведева Федеральному Собранию говорится: «За последнее время, к сожалению, произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом» [Медведев, 2010].

О том же пишет Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин: «Увы, с каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют «кущевской», – не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах – в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее... Всем – и профессиональным экспертам, и рядовым гражданам – очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное» [Зорькин, 2010].

Еще раз об «исключенных»

Напомню, одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (inclusive/exclusive). Понятие «исключение» (exclusion) появилось во французской социологии в середине 1960-х гг. как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими [Погам, 1999].

Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, непригодности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей [Lenoir, 1974]. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост

благополучия не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может, в конечном счете, породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности» [Погам, 1999, с. 147].

Процессы глобализации конца XX века – начала XXI века лишь обострили проблему принципиального и устойчивого (более того, увеличивающегося) экономического и социального неравенства как стран, так и различных страт, групп («классов») внутри них. Глобализация – объективный процесс, влекущий – как все на свете – как позитивные, так и негативные последствия [Глобализация и девиантность, 2006].

Процесс «inclusion/exclusion» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX века: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего. – Я.Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние» [Луман, 1998].

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечал отечественный автор, академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны «отстали навсегда»!... Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» – экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы – сверхжесткая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». «Культуры на всех» тоже не хватит. И, так же как

и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих «золотому миллиарду» [Моисеев, 1998, с. 360, 447].

Об этом же пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике, и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах». При этом «если стране не удастся стать частью мировой экономики, то чаще всего за этим кроется неспособность ее правительства выработать разумную экономическую политику, повысить уровень образования и здравоохранения, но, самое главное, – отсутствие правового государства» [Купер, 2003, с. 30-31].

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается З. Бауманом. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («wasted life»), не нужными современному обществу. Это – длительное время безработные, мигранты, беженцы и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов» [Bauman, 2004, pp. 5-7]. И в условиях глобализации, беспрецедентной поляризации на «суперкласс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда» (это перекликается с вышеприведенным высказыванием Н. Моисеева: «Теперь отсталые страны «отстали навсегда»»).

Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала «транзитным пунктом» на пути в никуда» [Яницкий, 2004, с. 205].

Действительно, все свои действия человек совершает, в конечном счете, для удовлетворения тех или иных потребностей: биологических, или витальных (в пище, в питье, в укрытии от неблагоприятных погодных условий, в продолжении

рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении и др.); духовных, или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей для каждого времени распределены относительно равномерно, а возможности удовлетворения потребностей – различны. Некоторая степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей человека (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, с высоким интеллектом или не очень). Но главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит социально-экономическое неравенство, занятие людьми различных неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или бизнесмен, крестьянин или банкир, школьный учитель или министр). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения (можно говорить о едином социально-экономическом статусе) человека в основном зависят возможности удовлетворять те или иные потребности [Гишинский, 2009].

На роль социально-экономического неравенства в генезисе преступности, включая насильственную, обращали внимание еще в XIX веке.

Так, по мнению Ф. Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений.... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений» [Гернет, 1974, с. 111]. А. Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами» [Гернет, 1974, с. 119]. С точки зрения А. Кетле, неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить всех своих потребностей ведет к преступлению» [Гернет, 1974, с. 375].

Р. Дарендорф признает: «Социальное неравенство, пронизывающее сверху донизу все наше общество, восстанавливает одних людей против других, обуславливает конфликты и борьбу между ними» [Денисов, 1973, с. 56]. Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем

ему отказал сложный порядок стратифицированного общества» [Белл, 1966, с. 267].

Главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а степень различий в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это обращал внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более приниженно» [Маркс, Энгельс, 1957, с. 446]. Так что по своему правы были наследники Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего населения СССР.

Для тех же, кто в современной России не очень доверяет К. Марксу, приведем аналогичное мнение Питирима Сорокина: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества.... Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия» [Сорокин, 1992, с. 273].

Социальная неудовлетворенность и попытки ее преодолеть, в том числе – незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными – по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами.

Поэтому в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности, наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств [Гернет, 1974, с. 306-310, 449-459; Podgorecki, 1969].

Один из докладов на XVI Мировом Конгрессе международного общества криминологов (Кобе, 5-9 августа 2011 года) назывался: «Neo Liberalism, Social Exclusion and Criminal Justice» («Неолиберализм, социальная эксклюзия и уголовная юстиция»). Мне показалась символичной логика этого пути: от неолиберализма к массе исключенных и далее – к преступности и уголовной юстиции...

«Новый капиталистический мир»?

Особенно задуматься над «прекрасным новым миром» заставляют труды С. Жижек [Жижек, 2008; Жижек, 2010; Жижек, 2011]. В «Размышлениях в красном цвете» (явный намек на коммунистическую доктрину), Жижек демонстрирует фактически завершённый раскол мира на два полюса: «новый глобальный класс» – замкнутый круг «включенных», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир для решения своей герменевтической проблемы» [Жижек, 2011, с.6] и – большинство «исключенных», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан».

С. Жижек называет несколько антагонизмов современного общества. При этом «противостояние исключенных и включенных является ключевым» [Жижек, 2011, с. 342]. В другой своей работе, посвященной насилию, С. Жижек утверждает: «В этой оппозиции между теми, кто «внутри», последними людьми, живущими в стерильных закрытых сообществах, и теми, кто «снаружи», постепенно растворяются старые добрые средние классы» [Жижек, 2010, с. 27]. Происходит раскол общества на две неравные части: «включенное» меньшинство и «исключенное» большинство. При этом оба мира неразрывно связаны между собой. Точно так же, как «пороки» капиталистических отношений с их «достоинствами»: «Парадокс капитализма заключается в том, что невозможно выплеснуть грязную воду финансовых спекуляций и при этом сохранить здорового ребенка реальной экономики: грязная вода на самом деле составляет «кровеносную систему» здорового ребенка» [Жижек, 2011, с.19]. Поэтому (и не только) – «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет» [там же, с.21]. В результате автором предла-

гается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли» [там же, с. 8].

Либеральная, неолиберальная идеология (и практика, реальность!) оказывается столь же утопической, сколь утопическими были многочисленные разновидности социалистической (коммунистической) идеологии (и практики, реальности!). С.Жижек прекрасно это понимает, как предвидит и попытку представителей глобальных граждан обосновать капитализм «с человеческим лицом». «Следовательно, пользуясь старомодной марксистской терминологией, главная задача правящей идеологии в нынешнем глобальном кризисе состоит в том, чтобы навязать нарратив, который будет возлагать вину за него не на глобальную капиталистическую систему как таковую, а на ее второстепенные случайные отклонения (слишком слабое правовое регулирование, коррупция крупных финансовых институтов и т.д.). Во времена реального социализма просоциалистические идеологи пытались спасти идею социализма, говоря, что провал «народных демократий» означает провал неподлинной версии социализма, так что социализм нуждается в радикальной реформе, а не в отказе от него. Забавно, что (зачастую те же самые) идеологи, которые высмеивали эту критическую защиту социализма как иллюзию и настаивали на том, что нужно винить саму идею, теперь обращаются к той же самой линии защиты: банкротство потерпел не капитализм как таковой, а его искаженная реализация...» [там же, с. 26].

В развитом капиталистическом обществе все большему числу людей угрожает маргинализация на рынке труда, полное исключение возможностей найти работу и общественная изоляция [Althoff, Cremer-Schafer, Loschper, Reinke, Smaus, 2001, S.29].

Можно, конечно, отмахнуться от трудов Жижекa и его сторонников как «пережитков социализма/коммунизма», но как пренебречь современными реалиями: растущим и принимающим катастрофические масштабы социально-экономическим неравенством, миллионами «исключенных» и соответствующей реакцией – от «цветных революций» и «арабской весны» до массового осеннего движения 2011 г. «Оккупировать Уолл-Стрит» (движение поддерживают от 40% до 60% американцев!), перекинувшегося на Великобританию, Ита-

лию, Испанию и ряд других европейских государств, а также Японию, Корею, Австралию.

В результате, в частности, «британцы убедились, что в их стране образовался многочисленный и весьма пассионарный слой молодежи, полностью отчужденный от остального общества и не испытывающий пиетета к либеральным, гуманистическим ценностям Соединенного Королевства. Общество не желало задуматься над тем, что творится в головах у людей, не знающих, что такое работа и зарплата, и чьи родители тоже никогда не работали...» [Остальский, 2011, с. 65].

И не является ли это следствием того, что, по Н. Луману, «эксклюзия интегрирует гораздо сильнее, чем инклюзия... Следовательно, общество... в самом нижнем слое интегрировано сильнее, чем в верхних слоях» [Луман, 2006, с. 45-46]. Думается, это важно учитывать при оценке как девиантных проявлений, так и иных социальных феноменов.

А в России? По различным данным, сегодня в России не менее 50-70% населения – «исключенные» [Бородкин, 2000]. А недавно в СМИ появилась их новая (не очень удачная) характеристика – «гетто». У находящихся в нем людей отсутствуют и солидарность, и ответственность, и надежда как-то выйти из тяжелой жизненной ситуации [Независимая газета, 2011].

«Росстат недавно опубликовал данные о состоянии кошельков россиян. В крайней нищете в России живут 13,4% населения с доходом ниже 3422 рубля в месяц. В нищете пребывают 27,8% с доходом от 3422 до 7400 рублей. В бедности – 38,8% населения с доходом от 7400 до 17 тыс. рублей. «Богатыми среди бедных» являются 10,9% с доходом от 17 до 25 тыс. рублей. На уровне среднего достатка живут 7,3% с доходом от 25 до 50 тыс. рублей. К состоятельным относятся граждане с доходом от 50 до 75 тыс. рублей. Их число составляет 1,1%» [Попова, 2011]. Итого: 41,2% нищих, 49,7% бедных (всего нищих и бедных – 90,9%), 8,4% – состоятельных и, очевидно, 0,7% – богатых...

Достаточно сказать, что к 2010 году продолжительность жизни россиян составляла всего 66,2 лет (61,1 у мужчин и 74,1 у женщин), это – 160-е место в мире. До 2003 г. мужчины в среднем не доживали до «заслуженного отдыха», ибо их продолжительность жизни – 59 лет – была одна из самых низких в мире наряду с некоторыми африканскими странами. Напри-

мер, в Германии в 2010 г. продолжительность жизни составила 77 лет у мужчин и 82 года у женщин. Россия занимает одно из первых мест в мире по смертности (16,3 на тысячу жителей, 16-17 – только в Восточной и Центральной Африке, среднемировой показатель – 9) [Все страны мира..., 2003]. Валовой национальный продукт на одного жителя России составил в 2003 г. всего \$8920 при среднемировом показателе \$8180, в Люксембурге – \$54430, в США – \$37500, в Норвегии \$37300, в Японии – \$28620 [Доклад о мировом развитии..., 2005].

Двуликость свободной экономики, особенно в российских условиях, начинает все больше осознаваться отечественными учеными, журналистами, вообще мыслящими людьми. «Рабство якобы отменено, а на самом деле присутствует в нашей жизни в полной мере. Только на место личной зависимости встала зависимость экономическая или социальная... Из шести миллиардов людей, живущих сегодня на планете, лишь самое малое меньшинство имеет право на индивидуальность... Остальные превращены в безликую массу, которая используется в экономике, как мясной фарш в кулинарии... Родившийся рабом, на всю жизнь остается рабом промышленности, которая забирает его тело взамен на уголь или кирпич; родившийся среди серых заборов и фабричных корпусов навсегда остается в этом пейзаже, как раб... Различие между реальным социализмом и реальным капитализмом меньше их основного сходства в отношении к человеку как к рабу на промышленной плантации... Управляющему меньшинству принадлежат не только деньги и не только собственность, но и свобода... Колесо социального прогресса застряло в исторической грязи. Оно крутится на месте... Рабство остается рабством, даже если рабы ездят на работу в собственных автомобилях и отдыхают в Египте в отелях all inclusive» [Поликовский, 2012]. Последняя фраза – не про нас ли с вами, уважаемые читатели?

«Что делать?»

Ясно, что необходимы нетривиальные идеи и решения сложнейших мировых социально-экономических проблем, связанных со «вторым лицом» современного капитализма. Но надежды на своевременность таких неординарных ходов

(как создать не социализм и не капитализм!) невелики. «Хозяева мира» вполне удовлетворены status quo. «Исключенные» либо безмолвствуют, либо способны на «беспощадный бунт», не меняющий принципиально порождающих его отношений. Включенный «средний класс» и его идейные представители – либералы и либертарианцы – психологически не готовы отказаться от «благ» рынка и свободной экономики. Тем более, что им есть что терять, и не ясно, что они приобретут со сменой парадигмы и ее практических воплощений.

У автора нет рецептов. Есть уверенность в необходимости принципиальных изменений российского и мирового социального, экономического, политического status quo. И – большое сомнение в реализации этой необходимости (до наступления возможного омницида...).

Об этом же говорилось на 42-ой сессии Всемирного экономического форума в Давосе (2012), прошедшего под лозунгом «Великая трансформация: формирование новых моделей»: «Международное сообщество должно сформировать новые модели управления и предпринимательства, которые были бы направлены на решение проблем, волнующих сегодня людей... Англо-саксонский финансовый капитализм сегодня не в моде» [А. Минеев, 2012].

Как на один из примеров понимания ситуации и попыток предложить некие решения сошлюсь на программу «Огосударствление с предохранителями» Г. Попова, изложенную им в интервью «Голосу Америки» в связи с движением «Окупируй Уолл-Стрит» [Попов, 2011]. Прошу извинения за длинную цитату. «Средний класс – это хребет современного общества. И его выступления – несогласие не монополистов, не пролетариев, а главной части, сердцевины общества. Это не безработные. Не обездоленные. Не пролетарии. Протестует средний слой. Хребет американского общества... На штурм Уолл-стрит идет Большинство. Оно не желает жить в мире финансовых пузырей и пирамид, наполняющих рынок не реальными деньгами, а разного рода фантиками... Движение еще не вполне осознало, что разгром финансового капитала неизбежно изменит все постиндустриальное общество. Превратит – говоря словами Ибсена – общество троллей в общество людей. Но первый тайм борьбы оно очертило правильно – финансовый капитал. Вот уже двадцать лет мы видим,

как финансовые гении спасают нас и весь мир от катастроф. Но с железной неизбежностью возникают все те же повторяющиеся кризисы... Финансово-номенклатурная олигархия с ролью руководителя цивилизации XXI века не справляется... Не справляется – несмотря на то, что обеспечила себе уровень жизни в сотни, тысячи раз превышающий то, что имеют остальные члены общества. Моя идея состоит в том, что общество может существовать без частных банков и бирж. А ключевым звеном финансовой структуры становятся государственные банковские системы, а также системы обществ взаимного кредита и народных сберкасс... Финансовый капитал себя исчерпал потому, что все его концепции были использованы и все не смогли обеспечить выход из перманентного кризиса. Исчерпан весь потенциал денег и денежных механизмов, потенциал монетаризма. Более того, исчерпываются возможности и резервы вообще всего экономического подхода... Поэтому изгнание финансового капитала с его финансово-олигархическими и номенклатурными лидерами – потребность человечества в наступившем XXI веке. Взамен финансового капитала мною предложены два комплекса мер. Внизу и в середине – укрепление среднего и малого бизнеса, обеспечение реальной конкуренции, возвращение рынка. Вторая группа мер – создание государственного банковского сектора, преодолевающего все минусы частного финансового центра... меры по вытеснению финансового капитала обязательно должны согласовываться с мерами по обузданию бюрократии... Опасность огосударствления я полностью признаю и предлагаю целый комплекс мер, систему «предохранителей»... В России, с одной стороны, наиболее разнузданно господствуют и номенклатура, и олигархия. Но, с другой стороны, нет того среднего класса, который составил базу протеста против Уолл-стрит... Народ наш деморализован и дезорганизован. Уже не государственным социализмом, а двумя десятилетиями номенклатурно-олигархического командования в экономике, в культуре, в системе средств информации. Но я вижу и другое. Как растет в массе простых людей России ненависть ко всей системе жизни. Вот почему я думаю, что идеи «Захвати Уолл-стрит» не окажутся в России чем-то чуждым. В конце казавшегося тупиком тоннеля появился просвет. Какая-то Надежда. И я говорю: нам надо

идти путем, на который вступает лучшая часть народных масс развитых стран. Лучшая часть интеллигенции. Дальновидная часть бизнеса. Захвати Уолл-стрит – и спаси в XXI веке и себя, и детей, и народ, и Россию, и человечество».

Нельзя сказать, что мнение Г. Попова единственно возможное и единственно правильное. Важно другое: надо обсуждать сложившуюся мировую социальную и экономическую ситуацию и «коллективным разумом» искать пошаговый и некровавый путь выхода из нее.

Вместо заключения

Итак, с капитализмом все ясно... Как было все ясно с социализмом... Как мне ясно с Россией... [Гилинский, 2011]. Остается последний вопрос: что движет автором этих строк? Ненахождение в мире «новых глобальных граждан» и невозможность в него попасть? Или престарелый возраст, когда мизантропия обусловлена приближающимся естественным Концом? Или же взгляд на Человека и Социум без иллюзий? Ответ на этот вопрос предоставим читателю.

Литература

1. Аснер П. Насилие и мир: от атомной бомбы до этнической чистки. СПб., 1999.
2. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
3. Барсукова С.Ю. Сращивание теневой экономики и теневой политики (на примере финансирования избирательных кампаний и деятельности политических партий) // Теневая экономика – 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности. М., 2008.
4. Белл Д. Преступление как американский образ жизни // Социология преступности. М., 1966.
5. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал, 2000. №3-4.
6. Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. Челябинск: Социум, 2004.
7. Бурова Н.В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб: ГУЭИФ, 2006.

8. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.
9. Все страны мира (2003) // Население и общество, №74, август 2003.
10. Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974.
11. Гишинский Я. Онтологический трагизм бытия, или Размышления малицириста // Молодежь: Цифры. Факты. Мнения. 1995. №2-3.
12. Гишинский Я. Человек человеку волк? // Рубеж, 1995 (а). №6-7.
13. Гишинский Я. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право / ред. А.П. Заостровцев. СПб.: Наука, 2009.
14. Гишинский Я. Новый мир? Размышления профана (2011) // URL: <http://crimpravo.ru/blog/1016.html> (дата обращения 27.01.2012).
15. Гишинский Я. Исключенные навсегда (2011) // URL: <http://crimpravo.ru/blog/1044.html> (дата обращения 27.01.2012).
16. Глобализация и девиантность / ред. Я. Гишинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
17. Денисов В.В. Проблема социального насилия в современной буржуазной философии // Вопросы философии. 1973. №11.
18. Доклад о мировом развитии 2005: как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005.
19. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008.
20. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010.
21. Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.
22. Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000.
23. Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право, 1999. №1.
24. Зорькин В. Конституция против криминала // «Российская газета» – Федеральный выпуск № 5359, 10 декабря 2010 г.
25. Клямкин И.М., Тимофеев Л.Н. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000.

26. Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985.
27. Кристи Н. Плотность общества. М., 2001.
28. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб: Алетейя, 2011.
29. Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб., 2000.
30. Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. Интернет-версия.
2010 URL: http://www.yuri-kuzovkov.ru/second_book/ (дата обращения 28.01.2012).
31. Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. М.: George C. Marshall, European Center for Security Studies, 2003.
32. Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. М.: Норма, 2006.
33. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века:
Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998.
34. Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006.
35. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.6. М., 1957.
36. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию // «Российская газета» – Федеральный выпуск № 5350, 1 декабря 2010.
37. Минаев М.В. Постиндустриальный бунт (2011). URL: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Postindustrialnyi-bunt-15357> (дата обращения 28.01.2012).
38. Минеев А. Главный итог Давоса: капитализм вышел из моды // Новая Газета, 02.02.2012.
39. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998.
40. Независимая Газета, 06.04.2011.
41. Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999.
42. Остальский А. Восстание дна // The New Times, 2011. №44-45.
43. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и соци-

альной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999.

44. Поликовский А. Рабы эпохи хай-тек // Новая Газета, 16.01.2012.

45. Попов Г. (О бунте среднего класса, 2011) URL: <http://www.voanews.com/russian/news/russia/Interview-with-Gavriil-Popov-on->

OWS-2012-01-31-138407479.html (дата обращения 04.02.2012).

46. Попова Н. Конфискация IN REM: Свет в конце туннеля? Доходы богатых россиян выше доходов бедных в 800 раз. Почему? // Аргументы недели, 2011. №47 (237).

47. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

48. Теневая экономика – 2007. М.: РГГУ, 2008.

49. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России: теория, анализ, модели. М.: РГГУ, 2008.

50. Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Челябинск: Социум, 2003.

51. Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. №1/2.

52. Althoff M., Cremer-Schafer H., Loschper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschliessung: Kriminalpolitik und Kriminalitat in Zeitengesellschaftlicher Transformation. Baden-Baden, 2001

53. Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004.

54. Goldstein A., Segall M. (Eds.) Aggression in Global Perspective. PergamonPress, 1983.

55. Lenoir R. Les exclus, un francais sur dix. Paris: Seuil, 1974.

56. Podgorecki A. Patalogia życia społecznego. Warszawa, 1969.

57. Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies. An InternationalText. Harvester Wheatsheaf, 1990

58. Taylor I. Crime, Capitalism and Community: Three essays in socialist criminology. Toronto: Butterworths, 1983.

59. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L., 1973.

60. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000. Vol.15, N3.

61. Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE, 2007.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ¹

There are many criminologies and many criminologists²

R. Michalovskij

Введение

Любая наука носит мировой характер. Не является исключением и криминология. Тем более, что ее объект – преступность также носит интернациональный характер. «Crime has been international for a long time»³. К чему приводит политика изоляционизма, хорошо известно по десятилетиям фактического запрета криминологии в СССР с начала 30-х до середины 60-х годов. Мы очень отстали от практики эмпирических исследований. Российская криминология не до конца избавилась от «любви» к смертной казни, от требований «борьбы», а то и «войны» с преступностью, от пренебрежительного отношения к достижениям зарубежных коллег.

Эта тенденция усилилась в последние десятилетия. Если в 60-е – 80-е годы минувшего столетия были переведены и изданы многочисленные труды зарубежных коллег, то за 2000-е были опубликованы на русском языке только 3-4. Правда, повезло профессору Нильсу Кристи, чьи труды издаются в России с 1985 г. по настоящее время. Лишь изредка можно встретить на международных форумах соотечественников. По данным Европейского Общества Криминологов (ESC), в 2009 и 2010 гг. среди его многочисленных членов был всего один представитель России⁴.

1. Опубликовано в: Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012, №3. С. 5-14.

2. Есть много криминологий и много криминологов (здесь и далее перевод автора).

3. «Преступность давно интернациональна». Smith C., Zhang S., Barberet R. (Eds.) Routledge Handbook of International Criminology. Routledge, 2011, p.1.

4. Criminology in Europe. Newsletter of the ESC. 2010. Vol.9, N2, pp. 6-7; Criminology in Europe. Newsletter of ESC. 2011. N2, pp.6-7.

Ниже представлены некоторые тенденции мировой криминологии. Базой для анализа послужили труды иностранных коллег, участие в зарубежных конференциях, симпозиумах, конгрессах, личные беседы. Был предпринят контент-анализ материалов одиннадцати европейских криминологических конференций (2001-2011) и четырех мировых конгрессов (в Сеуле - 1998, Рио-де-Жанейро - 2003, Барселоне — 2007, Кобе -2011), в которых автору довелось принять участие.

Краткий обзор этапов развития криминологии

*«Сегодня» началось одновременно
вчера, позавчера и некогда»*

Фернан Бродель

В истории криминологии выделяют несколько этапов:

1. Классическая школа уголовного права и криминологии (XVIII век). Развитие ее криминологических идей связано с именами Ч. Беккариа (1738-1794) и И.Бентама (1748-1832). Основная *методология*: философия, социальная философия, право.

2. *Позитивизм* (XIX-XX века). Включает *биологическое* (антропологическое) направление, начиная с Ч. Ломброзо (1835-1909) и до наших дней⁵; *психологическое* направление от Г. Тарда (1843-1904); и *социологическое* направление с многочисленными школами и теориями. Основная *методология*: методы естественных, «позитивных» наук (наблюдение, опросы, измерения, эксперимент и др.).

3. *Критическая криминология и постмодерн* (конец XX в. – XXI в.). Основная *методология*: негативный аспект – отрицание всего предшествующего; позитивный момент – методы современных естественных наук (теория катастроф, теория хаоса, синергетика, «странный аттрактор», бифуркации и др.).

Названия направлений и школ и их временные рамки условны и по-разному освещаются различными авторами. Остановимся подробнее на последнем этапе. Предварительно заметим, что критическую (радикальную) и постмодернист-

5. См.: Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology. Wadsworth, 2001.

скую криминологию характеризуют:

◁ критическое отношение ко всем предшествующим теориям;

◁ резко критическое отношение к современным общественным, экономическим, политическим, властным структурам и отношениям;

◁ релятивистский подход к понятиям «преступность» и «преступление», как социальным конструктам⁶;

◁ убежденность, что социально-экономическое неравенство служат основным источником преступности;

◁ критическое отношение к традиционным методам и средствам социального контроля над преступностью; признание «кризиса наказания»;

◁ обновление методологического инструментария.

Определенной вехой возникновения «радикальной» криминологии служит книга английских авторов – Я. Тэйлора, П. Уолтона и Дж. Янга — «Новая криминология» (1973)⁷. В ней обобщаются критические теории, проводится неомарксистская критика современного общества. Правонарушитель рассматривается как двойная жертва — общества и уголовной юстиции. Авторы исходят из того, что важным криминогенным фактором является неравенство возможностей, присущее современному капиталистическому обществу. Неравенство же возможностей есть результат неравенства классового, полового или этнического. По словам Айнштадтера и Генри, «вместо взгляда на некоторых людей как «плохие яблоки» или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обществе «плохую корзину», в которой все больше яблок будет портиться... Решение – только в новой корзине»⁸.

Р. Куинни (Quinney) и В. Чемблисс (Chambliss) рассматривают правопорядок в современном западном обществе как систему, созданную классом капиталистов для обеспечения своих интересов. Для финской исследовательницы Антиллы

6. См.: Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб, 2011.

7. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973.

8. Einstadter W., Henry S. Criminological Theory: An Analyses of Its Underlying Assumption. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995, p.227.

(равно как для А.М. Яковлева) преступники служат «козлами отпущения».

М. Брустен настойчиво проводит мысль о селективности уголовной юстиции и применении ею уголовных санкций, подтверждая это результатами эмпирических исследований.

Ф. Зак ставит под сомнение обоснованность имеющихся определений преступления и преступности. Он предлагает анализировать предмет криминологии с точки зрения различных дискурсов⁹. Зак усматривает значительную зависимость криминологии и ее теорий от властных структур. Он негативно относится к современным тенденциям глобализации и «экономизации» жизни и сознания. «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности... В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения»¹⁰.

Авторы «Новых направлений в социологической теории» - П. Филмер, М. Филипсон, Д. Силверман, Д. Уолш, будучи сторонниками феноменологического направления, не могли не затронуть проблемы девиантности и преступности. Их основная идея – конвенциональный характер и девиантности, и преступности. Отклонение «не внутренне присущее тому или иному действию качество, а следствие соотнесения действий с правилами и применения санкций к нарушителю... Социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус, в нем фиксируются не только поступки самого отклоняющегося индивида, но и действия окружающих его людей»¹¹. Штампование «преступников» – это социальная работа, она есть продукт практической деятельности некоторых организаций, отражающий и поддерживающий представления их сотрудников о социальной структуре¹².

Относительно самостоятельным течением в криминоло-

9. Дискурс – определенная область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих установок для многих людей. Дискурсы изменяются со временем, а также от культуры к культуре. Так, по М.Фуко, меняется дискурс безумия: сперва безумец воспринимается как мудрец, провидец, затем – как преступник, позднее – больной.

10. Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право, 1999, №1. С.98, 99.

11. Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 98, 99, 101.

12. Там же. С. 98, 286.

гии считается аболиционизм¹³. Его последователи (Т. Матисен, Н. Кристи, Л. Хулсман, Х. Пепински, Р. Моррис, М. Платек и др.) выступают против современной пенитенциарной системы, за альтернативные меры социального контроля¹⁴. Конечно, многие из них понимают, что немедленная отмена лишения свободы – утопия. Но стремиться к этому надо. Тюрьма никого не исправляет, а ломает личность и способствует повышению криминальной профессионализации.

Х. Пепински, наряду с Р. Куинни являются основателями «миротворческой криминологии» (peacemaking criminology). Их усилия направлены на то, чтобы традиционную «войну с преступностью» заменить на «мир с преступностью»¹⁵ (это не означает оправдания преступлений, речь идет о выработке оптимальной стратегии противодействия ей). Эскалация преступности, особенно насильственной, связана с эскалацией насилия со стороны государства, с институтом смертной казни и жестокими условиями пенитенциарных учреждений. Неслучайно в официальном докладе Американской национальной комиссии по уголовной юстиции (1996) предлагается перейти от стратегии «войны с преступностью» (war on crime) к стратегии «меньшего вреда» (harm reduction).

Множество криминологических теорий и обширный эмпирический материал привели с конца 70-х гг. прошлого века к попыткам создания обобщающих, интегративных теорий, на основе наиболее плодотворных элементов уже существующих¹⁶.

Постмодернизм

Постмодернизм зарождается во второй половине XX в. как

13. От латинского *abolitio* – отменять, упразднять (английское *abolish*). Первоначально им воспользовались американские сторонники отмены рабства (18-19 века в США). Более широкое значение – отмена какого-либо закона – позволило многократно использовать этот термин сторонниками отмены чего-либо (например, регламентации проституции).

14. См.: Lasocik Z., Platek M., Rzeplinska I. (Eds.) *Abolitionism in History. On another way on thinking*. Warszawa, 1991; Morris R. *Crumbling Walls. Why Prisons Fall*. NY-L.: Mosaic Press, 1989.

15. Pepinsky H., Quinney R. (Eds.) *Criminology as Peacemaking*. Bloomington: Indiana University Press, 1991.

16. Barak G. *Integrating Criminologies*. Allyn and Bacon, 1998.

реакция на крушение иллюзий и мифов относительно человеческого разума, порядка, прогресса, развеянных страшными реалиями Освенцима, Холокоста, ГУЛАГа. Основоположниками постмодернизма обычно называют Ж.-Ф. Лиотара и М. Фуко, хотя последний не считал себя таковым.

Постмодернизм характеризуется скептицизмом по отношению к науке, релятивизацией всех знаний. Релятивны (относительны) и являются социальными конструктами – ценности, нормы, то, что называют преступностью, а также само общество как источник преступлений. Преступления причиняют вред, но он порождается и всей рутинной практикой, социальными институтами, такими как труд, бюрократия, правительство, право и семья. Постмодернизм отражает переход от классовой структуры к обществу фрагментарному. Чем более фрагментарно общество, тем больше в нем нормативных субкультур (а, следовательно, и вариантов «отклонений»). И кто вправе судить, чьи нормы «правильнее» и что тогда есть «отклонения»?

Основная претензия постмодернизма к модернизму состоит в том, что последний вел скорее к угнетению, чем к освобождению. «Должна ли социология, наряду с другими типами гуманитарного знания участвовавшая в создании бентамовского Паноптикона, - т.е., в конечном счете, всеобщей тюрьмы, - с прежним миссионерским жаром взяться за построение всеобщего постмодернистского Бедлама?», - вопрошает З. Бауман¹⁷.

В книгах М. Фуко «История безумия в классическую эпоху», «Рождение клиники», «История сексуальности: Забота о себе», «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы»¹⁸ исследуются преступность, проституция, бродяжничество, нищета, безработица, сумасшествие в контексте власти. Мы опутаны сетями власти. Новая дисциплинарная общественная формация с ее всеохватывающей дисциплинарной властью ассоциируется с тюрьмой. Этот образ «общество-тюрьма» по-

17. Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. L.: Routledge, 1992.

18. Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. СПб, 1997; Он же. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М., 1999; Он же. *Рождение клиники*. М., 1998; Он же. *История сексуальности - III: Забота о себе*. М., 1998.

вторяется в исследованиях современных зарубежных и отечественных авторов¹⁹.

Переоценка всего и вся заставляет переосмысливать методологию исследования. Постмодернизм в криминологии обращается к таким общенаучным концепциям, как теории нелинейных динамических систем, теория хаоса, теория катастроф, синергетика, квантовая механика, к таким понятиям, как «странный аттрактор», бифуркация²⁰.

Одной из разновидностей постмодернизма является конститутивная криминология²¹. Ее суть заключается в том, что преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются. Преступность — интегральная часть тотального продукта общества, часть культуры. Поэтому криминологический анализ преступности должен осуществляться в общей социальной картине, наравне с другими составляющими общества. Преступление — социально сконструированная категория. «Право — это игорный дом властей, преступление — их мышеловка»²². В современных индустриальных странах зло группируется вокруг следующих различий: экономических (класс, собственность), политических (власть, коррупция), морально-этических, прав человека, социального статуса (статус, престиж, неравенство), психологического состояния (безопасность, благополучное существование), самореализации/актуализации, биологической целостности и др.²³

Преступность у постмодернистов — это ограничение властью индивида в его стремлении вести себя иначе, нежели предписывается властью (уголовным законом). Интересно, что отнюдь не постмодернист, А.И. Долгова определяет преступность, как «социальное явление, заключающееся в реше-

19. Wacquant L. Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh // Punishment and Society. Vol. 3, N1, 2001, pp. 95-133; Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.

20. Milovanovic D. Postmodern Criminology. NY-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

21. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. SAGE Publications, 1996.

22. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology, p. 117.

23. Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998, p. 283.

нии частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета»²⁴.

Современные тенденции развития криминологии

При всей пестроте картины отметим наиболее значимые новеллы. Наряду с соответствующей литературой обратимся и к анализу тематики докладов на одиннадцати европейских конференциях и четырех мировых криминологических конгрессов. Всего проанализировано свыше 4500 выступлений на европейских конференциях и около 2000 на мировых конгрессах.

Легко объяснима динамика докладов о киберпреступности и терроризму. Так, на европейских конференциях в Лозанне (2001) и Толедо (2002) еще отсутствовали доклады, посвященные компьютерной преступности (киберпреступности). Правда, киберпреступность активно обсуждалась на мировых конгрессах: 12 докладов в Сеуле (1998) и 21 доклад в Рио-де-Жанейро (2003). Первые три доклада о терроризме появились только на второй европейской конференции в Толедо, тогда как в Барселоне (2008) их уже 25. При этом в Сеуле был доклад о государственном терроре, что не часто служит темой криминологических обсуждений²⁵. В Европе криминологическое осознание теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке нашло первое отражение на конференции 2002 г. и, нарастая количественно, выросло до 10-12 докладов в Кракове (2005 г.), Болонье (2007) и Любляне (2009).

Сокращается на европейских конференциях доля выступлений, посвященных организованной преступности. Зато на мировых конгрессах эта тематика освещалась достаточно активно (по 22 доклада в Сеуле и Рио-де-Жанейро, 26 в Барселоне, 14 в Кобе).

Стабильно велико число докладов о насильственной пре-

24. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С.7.

25. Разносторонний подход к проблеме террора и терроризма представлен также в: Gilly T., Gilinskiy Y., Sergevnin V. (Eds.) *The Ethics of Terrorism. Innovative Approaches from an International Perspective*. Springfield (Ill.): Charles C Thomas Publisher, Ltd, 2009.

ступности (от 22 до 44 без выраженной тенденции)²⁶. Значительная их доля посвящена домашнему насилию (Domestic violence). Почти на каждой конференции часть докладов об убийствах «сопряжена» с темой самоубийств. Авторы усматривают связь между проявлениями агрессии и аутоагрессии.

Наблюдается различный интерес к проблеме жертв преступлений на европейских конференциях (от 6 докладов в Лозанне до 22 в Льеже) и мировых конгрессах (от 26 в Рио-де-Жанейро до 44 в Кобе и 55 в Сеуле). Значительная часть виктимологических выступлений посвящена детям - жертвам преступлений.

На европейских конференциях и мировых конгрессах были представлены доклады о таком «неизвестном» для российского читателя преступлении, как «стокинг» (stalking) - преследовании по мотивам личной вражды, ненависти, неприязни. В Рио-де-Жанейро был доклад о «cyber-stalking», а в Барселоне – о «gang stalking».

Тема наркотиков и, прежде всего, антинаркотической политики отражена ежегодно в 7-28 докладах (41 в Кобе). Значимой представляется смена парадигм, обозначенная в одном из докладов в Кобе (2011): «From Punishment to Harm-Reduction» («От наказания к сокращению вреда»).

Удельный вес сообщений о преступности несовершеннолетних и ювенальной юстиции колеблется от 4,9% (2002, Толедо) до 9,6% (Эдинбург, 2008).

Относительно стабильны на европейских конференциях количество докладов о «страхе перед преступностью» (fear of crime): ежегодно 7-14 без видимой динамики. Эта тема, практически не разрабатываемая отечественной криминологией, интересна тем, что прослеживается связь между «моральной паникой» (moral panic, по С. Козну), «страхом перед преступностью» и - репрессивностью массового сознания (особенно – среднего класса, которому есть что терять), а, соответственно, репрессивностью законодательства и правоприменения²⁷.

На всех конференциях и конгрессах многие проблемы преступности рассматривались с более широких «девианто-

26. О насилии в разных странах см. также: Adler L., Denmark F. (Eds.) *International Perspectives on Violence*. Westport (CT): Praeger, 2004.

27. Bilsky W., Pfeiffer Ch., Wetzels P. (Eds.) *Fear of Crime and Criminal Victimization*. Stuttgart: Enke Verlag, 1993.

логических» позиций в связи с проституцией, наркотизмом, алкоголизмом, иными аддикциями, включая гемблинг (игровая зависимость)²⁸

Наиболее устойчивым является интерес к проблемам, связанным с контролем над преступностью. Вопрос «что делать?» явно преобладал над всеми другими темами. Это представляется особенно значимым. Количество докладов на тему «социальный контроль над преступностью» колебалось на европейских конференциях от 25 (Лозанна, 2001) до 67 (Эдинбург, 2008).

Тема «уголовная юстиция», включая «восстановительную юстицию» (*restorative justice*), была представлена от 7 докладов в Лозанне (2001) до 44 в Вильнюсе (2011). Превенции и пробации были посвящены от 2,6% всех выступлений в Кракове (2006) до 11,0% в Лозанне (2001). Если на двух первых европейских конференциях проблемы полиции обсуждались в 15-17 докладах (Лозанна и Толедо), то в дальнейшем количество выступлений на эту тему выросло до 42-43 (Любляна, Вильнюс). Наконец, количество выступлений по тюремным проблемам увеличилось с 15-17 докладов в Хельсинки (2003) и Лозанне (2001) до 40-47 в Эдинбурге (2008), Любляне (2009) и Вильнюсе (2011). Всего же общим проблемам контроля над преступностью, включая все названные темы, на европейских конференциях были посвящены от 21% всех выступлений в Тюбингене (2006) до 38-44,3% в Лозанне, Толедо, Любляне, Вильнюсе. Еще внушительнее количество и удельный вес докладов на эту тему на мировых конгрессах: 171 выступление в Сеуле (34,3% от общего количества), 147 в Рио-де-Жанейро (39,2%), 126 в Барселоне (33,2%) и 234 в Кобе (34,5%). Это свидетельствуют о растущем беспокойстве криминологического сообщества неэффективностью традиционных методов противодействия преступности. Во многих докладах затрагивались вопросы альтернативных лишению свободы мер нака-

28. См. также: Meyer G., Hayer T., Griffiths M. (Eds.) *Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions*. Springer, 2009.

зания, электронного слежения и медиации²⁹, пока еще почти не практикуемой в России. Медиация обсуждалась на всех мировых конгрессах. В Сеуле был доклад «Медиация против тюремного заключения» («Mediation versus imprisonment»).

Культуральная криминология

Культуральная криминология представляется одним из последних достижений криминологической теории. Нельзя сказать, что ее положения абсолютно оригинальны. Важно, что преступность еще и еще раз воспринимается как элемент культуры. Для лучшего понимания культуральной криминологии, следует напомнить, что «культура» выступает не в привычном для российского читателя исключительно «позитивном» смысле, как нечто положительное (отсюда бытовизмы: «культурный человек», «культурное поведение»), а как способ существования общественного человека³⁰. Способ существования, результатами которого являются как «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, так и надписи на заборе, как труды А. Эйнштейна, так и школьные шпаргалки, как возвышенная любовь, так и порнография, как подвиг, так и преступление (вспомним «Преступление и кара, подвиг и награда» П. Сорокина).

Д. Гарланд (David Garland) продолжая Фуко, исследует роль власти в стратегии социального контроля³¹. Гарланд увязывает социальные изменения последних десятилетий, сконцентрированные в изменяющейся культуре, новые вызовы среднего класса (middle class), испытывающего страх перед преступностью (fear of crime) с противоречивой политикой властей.

С одной стороны, это адаптивная стратегия (adaptive

29. Медиация - одна из современных технологий альтернативного урегулирования конфликтов (между обвиняемым и потерпевшим, между заключенным и администрацией пенитенциарного учреждения и т.п.) с участием третьей нейтральной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение.

30. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Он же. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

31. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent "Law and Order" Policies // The British Journal of Criminology. 2000, Vol.40, N3, pp. 347-375; Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2001.

strategy) с приоритетами превенции и партнерства (разновидность - концепция community policing, в которой полиция представлена как сервисная служба, содержащаяся на деньги налогоплательщиков и призванная предоставлять услуги населению по защите от преступлений³²). С другой стороны, стратегия «суверенного» полномочного государственного контроля (sovereign state strategy) и жесткого, «экспрессивного» (expressive) наказания³³.

Культуральную криминологию, наряду с Гарландом, развивают Дж. Янг (Jock Young), Дж. Феррел (J. Ferrel), К. Хейворд (К. Hayward)³⁴ и др. Культуральная криминология есть рассмотрение преступности и контроля над ней в контексте культуры, взгляд на преступность и агентов контроля как на культуральные продукты, созданные конструкции (as creative constructs)³⁵. Д. Янг является одним из тех криминологов, которые применяют социологическую концепцию дифференциации людей на «включенных»/«исключенных» (inclusion/exclusion) для объяснения преступности в современном мире³⁶.

«Кризис наказания»

В большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля³⁷. «Кризис наказания»

32. Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. Oxford University Press, 1997.

33. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Ibid., p. 348.

34. Ferrel J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008; Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Oxford University Press, pp.102-121.

35. Maguire M., Morgan R., Reiner R. Ibid., p. 102.

36. Young J. The Exclusive Society. SAGE, 1999.

37. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; Robinson M. Justice Blind? Ideals and realities of American Criminal Justice. Prentice Hall, 2002; Whitman J. Harsh Justice. Criminal Punishment and the Widening Divide between America and Europe. Oxford University Press, 2003; Tak P., Jendly M. (Eds.) Prison Policy and Prisoners' Rights. Wolf Legal Publishers, 2008; и др.

проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции. Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5-6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека³⁸. Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.

Мировое криминологическое сообщество выступает против смертной казни; за минимизацию лишения свободы и допустимость ее применения только за тяжкие насильственные преступления и только в отношении совершеннолетних преступников; за расширение сферы деятельности «восстановительной юстиции» («restorative justice») и ювенальной юстиции; за приоритет превенции и службы пробации; внедрение практики медиации; и др.

«Новые» преступления

Преступность и ее отдельные виды суть социальные конструкторы. Но законодатель конструирует «преступность», отражая происходящие в обществе изменения. Так появляются «новые» преступления и «исчезают» старые. Переход России от «плановой» государственной экономики к рыночной привел к декриминализации «спекуляции», «частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества», «занятия бродяжничеством или попрошайничеством либо ведения иного паразитического образа жизни». Одновременно оказались криминализованы деяния, присущие рынку (гл. 22 УК РФ).

Мировая криминология фиксирует появление новых –

38. Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С.40-50; Хохлаков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; Он же. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991.

компьютерных, киберпреступлений (electronic-crime или e-crime), а также переосмысляет некоторые «старые» по содержанию преступления, придавая им новый смысл. К таким преступлениям относятся «преступления ненависти» (hate crimes) и «стокерство» (stalking).

Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды — «преступления ненависти» были всегда. Однако со второй половины XX столетия эти преступления приобрели характер острой социальной проблемы. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев. Это приводит к взаимному непониманию, раздражению по поводу «их» нравов, обычаев, привычек, стиля жизни и т.п. Не миновала чаша сия и Россию. Между тем ксенофобия, нетерпимость во всех ее проявлениях служит реальной угрозой существованию и отдельных обществ и человечества в целом³⁹.

Следует ограничивать преступления ненависти от еще одного вида преступлений, не артикулируемого в отечественной литературе, — «стокерства» или «сталкерства» (stalkers – упорные преследователи, «охотники»)⁴⁰. Потенциальными и реальными жертвами стокеров (для россиян привычнее – сталкеров, благодаря роману братьев Стругацких и фильму А. Тарковского) могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т.п.), сослуживцы, коллеги по профессии, соученики. Нередко «стокерство» - результат психических отклонений, но может быть и следствием ревности, зависти, мести.

Существенное отличие «стокерства» от «преступлений ненависти» состоит в том, что, во-первых, стокеры преследуют конкретное лицо, а не неопределенный круг лиц, принадлежащих к ненавистной группе. Во-вторых, стокер преследует и может учинить насилие по личным мотивам, вытекающим из личных неприязненных отношений (зависть, ревность, месть и т.п.).

39. См.: Гилинский Я.И. Толерантность в России: возможность и невозможность. В: Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. СПб ГУ, 2004. С. 53-58; Он же. Интолерантность в современной России. В: Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2005. С.98-103.

40. Mullen P., Pathé M., Purcell R. Stalkers and their Victims. Cambridge University Press, 2000; Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention. Stockholm, 2006.

Заключение

Даже краткий анализ развития мировой криминологии позволяет сделать ряд выводов.

1. Большинство криминологов не сомневаются в социальной природе преступности и рассматривают ее, как продукт общества, культуры, а криминологию как социологию преступности.

2. Преступность суть социальный конструкт, «конструируемый» законодателем отчасти в соответствие с реальной общественной опасностью деяний, отчасти – выполняя политические интенции и предпочтения властных структур, политических режимов.

3. Обычно криминологами исследуется преступность как одна из разновидностей девиантности, наряду с иными правонарушениями, а также наркотизмом, суицидом, проституцией, злоупотреблением алкоголем и иными негативными девиантными проявлениями.

4. Дальнейшее развитие получают теории, усматривающие основную причину преступности и отдельных ее видов в самой структуре общества, в социально-экономическом неравенстве, в культуре. Структурные пороки усиливаются глобализацией, приводя к объективному разделению людей, групп, классов, государств на «включенных» (included) в современные экономические, социальные, политические, культурологические процессы или же – «исключенных» (excluded) из них.

5. Криминология все более пристально изучает такие относительно «новые» криминальные явления, как «преступления ненависти», «стокерство», компьютерные преступления (киберпреступность).

6. В течение последних двух десятилетий все большее внимание уделяется проблемам социального контроля над преступностью. Традиционные меры проявили свою неэффективность. Превенция, на которую возлагалось столько надежд, тоже далеко не всегда эффективна⁴¹.

«Кризис наказания» становится все более очевидным. Ме-

41. Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегия предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки, 1995; Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carrol) // Security Journal. Vol. 12. N3. 1999, p. 67-68.

нее очевидно – что делать? Каковы альтернативы наказанию и, прежде всего, лишению свободы? Именно этим проблемам посвящены многочисленные труды криминологов разных стран.

MODERN TERRORISM: WHO IS TO BLAME AND WHAT CAN BE DONE?¹

Overview

Terrorism (terror – lat. fear, horror) is one of the most serious global social problems, potentially or actually touching every inhabitant of our planet. At the same time, as often happens, the more serious, real and obvious the problem, the more surrounding myths and misunderstandings.

Introduction

There is no single definition of terrorism in the social sciences. In this regard, the observation that the literature offers more than hundred different terrorism definitions does not come as a surprise². Listed below are the most prominent and commonly quoted definitions:

«The threat of violence or the use of violence for political motives»³;

«The use of violence or the threat of violence against property owners in order to achieve political goals»⁴;

«Violent actions or threats by politically engaged subjects when pursuing their political objectives»⁵;

«Systematic use of murder, bodily harm and destruction, or the threat of such activities as means to achieve political goals»⁶

1. Опубликовано в : Т. Gilly, Y.Gilinskiy, V. Sergevnnin (Eds).The Ethics of Terrorism: Innovative Approaches from an International Perspective. Charles C Thomas Pub Ltd, 2009, pp.168-172.

2. Cassesse A. (1989) Terrorism, Politics and Law. Cambridge: Polity Press, p.3.

3. Das neue taschen Lexikon (1992). Bertelsmann Lexikon Verlag. Band 16, S. 59-60.

4. Shnaider G.Y. (1994) Criminology. Moscow: Progress-Universe, p. 439 (Russian).

5. Kabanov P.A. (2000) Political Crime: its Essence, Causes and Prevention. Nizhnekamsk, p.40 (Russian).

6. Laqueur W. (1977) Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, p.79.

«Method of political war, a systematic use of physical compulsion which is unlimited, disconnected from military action and which, instead of being aimed at concrete result achievement, is rather animated by the goal that consists of the promotion of fear among the opponents»⁷.

This listing reveals two basic characters of terrorism:

1. the threat to use *violence* or the effective use of violence;
2. a political *motivation*.

Terrorism as a social problem

And yet terrorism is not to be thought of as political murder committed by individuals; rather, it is genuinely a social phenomenon. In this *respect the indeterminate circle of immediate objects* of terrorist acts and the use of violence in relation to an indeterminate group of people («innocent people») for the sake of achieving an ultimate objective – the satisfaction of political (economic, social) demands, are the most relevant and highly eloquent indicators. For, «of terrorism we can speak only when the sense of an act is defined as the creation of fear and horror. This is the fundamental characteristic of terrorism, its specific»⁸.

Laqueur pointed out the definition's inherent complexity and subjectivity: «One man's terrorist is another man's freedom fighter»⁹. Analogously, B. Ganor¹⁰, a member of the international police counter-terrorism institute, focuses on the same topic. How can we differentiate terrorism from partisan conflict, terrorism from revolutionary violence, terrorism from the battle for national liberation? Much depends on the position of the subject's defining and judging various violent, politically motivated acts. In addition, Ganor tries to adumbrate a distinction between analyzed phenomena. According to his interpretation, declared war between states, and *undeclared war* between organizations

7. Dmitriev A.V., Zalysin I.U. (2000) Violence: A Socio-Political Analysis. Moscow: ROSSPEN, p.53 (Russian).

8. Antonyan Y.M. (1998) Terrorism. Criminological and Criminal Law Research. Moscow: Shit-M, p.8 (in Russian).

9. Laqueur W. (1987) The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, p.302.

10. Ganor B. (2002) Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. Vol.3, N4, pp.287-304

and states are distinguishable. *Terrorism* and *partisan conflict* are primarily involved in the second category. Anarchist's, freedom fighters', revolutionaries' activities as well as ad hoc actions (in specific situations) are another important topic. The distinction between *terrorism* and *partisan conflict* is the most important of all. It consists of the observation that partisan conflict is carried out *against combatants* i.e., armed forces, military units and equipment, whereas terrorism is directed *against a peaceful population of non-combatants*, and rooted in political motivation.

This distinction strikes me as highly relevant and allows us to make some of our evaluations more concrete. On the other hand, the suggested difference is somewhat conditional (a peaceful population could become the victim of partisan activity as, for example, in the use of «smart bombs» or «limited strike», «dotty thrust»). In any case, Ganor cites three very important elements of terrorism: (1) the use of violence or the threat of violence; (2) the *political goal or motive of the act*; (3) the *real objective is aimed at the peaceful population, the citizenry*¹¹.

Terror and terrorism are usually distinguished as follows:

1. *Terror* on the part of the ruling power structures (or «violence of the strong against weak», which is inherent in totalitarian regimes);

2. *Terrorism* is involved in violence and intimidation used by «the weak against the strong», «the weapon of the weak, the victim of state terror»¹².

In other words «terror is violence and intimidation objectively used by the stronger in relation to the weaker»¹³.

The Meta-Code: Exclusion - Inclusion

The interests of a mass of *excluded* people, in our contemporary world¹⁴, are directly or indirectly, tacitly or obviously, represented

11. Ganor. L.c., pp. 294-95.

12. Chalikova V. (1989) *Terrorism*. In: 50/50 Experience From a Lexicon of New Thinking. Moscow: Progress, p.310 (Russian); Ferro M. (1989) *Terrorism*. In: 50/50 Experience From a Lexicon of New Thinking. Ibid., p.314 (Russian).

13. Berggard A. (1978) *Strategy of Terrorism*. Warsaw, p.23.

14. Finer C., Nellis M. (Eds.) (1998) *Crime and Social Exclusion*. Blackwell Publishers, Ltd.; Lenoir R. (1974) *Les exclus, un français sur dix*. Paris: Seuil; Young J. (1999) *The Exclusive Society: social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. SAGE Publications.

by terrorist organizations and individual terrorists working independent of organizations or groups. The polarization between the very rich and powerful minority of “included” and the really impoverished and powerless majority of “excluded” (associated with the relative erosion of «the middle class», the guarantor of the social system’s solidity) culminates, in conditions of global economics, into the world-wide split between included/excluded people – an issue that puts humanity at existential risk. There are included/excluded people and countries. Thus, we have the «Gold Billion» countries (included) and all the rest (excluded)¹⁵. This bipolarity of people and groups is eloquently stressed in the writing of N. Luhmann:

Among all imaginable scenarios the worst one is that the society of the next century (i.e. the present 21st century – Y.G) will be rooted in and determined by the meta-code inclusion/exclusion. This means that certain people will be personalities and others nothing but simple individuals, that some will be included in the functional system, others excluded from it- remaining creatures who just try to survive for another day; ... that care and scorn will lie on different sides of the border, that the tight bond of exclusion and the loose, freer ties of inclusion will distinguish Fate from Fortune, that two forms of integration - negative integration by means of exclusion, on the one hand, and positive integration by means of inclusion will go hand in hand»¹⁶. Is negative integration not the major social base for terrorism as well as for other forms of deviant behavior – crime, drug addiction, alcoholism etc.? (1998).

Terror Engenders Terrorism – Human Rights in Central Issue

The ruling elites are insufficiently aware of this global process. In this respect, the American aggression of Iraq (no matter how «bad» Saddam Hussein may have been) and the actions of Russia in Chechnya (no matter how ruthless the Chechen fighters can be) are eloquent examples. *Terror automatically engenders terrorism.*

15. Of the place of Russia among the excluded see in more detail: Moiseev N.N. (1998) Farewell to Simplicity. Moscow: Agraf (Russian).

16. Luman N. (1998) The Globalization of the World Community: how to Understand Contemporary Society Systematically. In: Sociology on the Thresh Hold of the 21st Century: New Perspectives in Research. Moscow: Intellect, p.107 (Russian).

The St. Petersburg economist D. Travin put it in this way: “*Don’t wet on others, so that you don’t get wet on yourself!*”¹⁷ No matter who started it, humanity is now paying for its political games with mountains of corpses.

Human rights are primary and inalienable rights (Articles 1, 2 and 3 of the General Declaration of Human Rights, 1948). Violations of human rights breed violent reactions, namely terrorism. *Demands for the curtailment of human rights for the sake of the war against terrorism are absurd.* Firstly, because human rights constitute the ideologically most powerful supporter of terrorism; it is the ideological basis for terrorism’s legitimization (terrorism as a response to state terror). Secondly, there is an increasing risk for citizens to become the victims of human rights violations. This observation applies in particular to contemporary Russia: we are all, to a large extent, hostages, not of terrorists, but of the power structure.

Human beings’ rights and risk of crime are inter-dependent issues: *the more reliable the defense of human rights, the smaller the probability of crime.*

The history of political repression (terror) and terrorist acts in the form of political assassinations goes back many centuries¹⁸. However, the majority of researchers have noticed that the essential and most distinctive character of contemporary terrorism consists of the fact that terrorism has become «an integral part of state terror – one of the forms of state power»¹⁹; that it constitutes a systematic violent intimidation of society; that it presents a mass character (sometimes to the point of genocide perpetrated by the power structures²⁰); that the number of terrorist acts and their victims is constantly growing; that terrorism is to be thought as of globalization (internationalization).

The Twenty-first Century Reality

The New York tragedy of September 11, 2001 has become a

17. President V. Putin began his career with the slogan: “Wet on terrorists in the toilet!”. In criminal slang this means “to kill terrorists in the toilet”.

18. In relation to Russia, “the cradle of terrorism” see: Budnitsky O.V. (1996) History of terrorism in Russia (documents, biographies, research). Rostov-on-Don: Phoenix.

19. Ferro M. Ibid. P.313.

20. Kressel N. (1996) Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press.

terrible symbol of the new reality of the 21st century (as Auschwitz was a symbol of the 20th century)²¹. It is significant that the chosen objects of the most monstrous act in world history were New York (how can we not recall M. Gorky's «City of the Yellow Devil») and the World Trade Centre, a symbol of the country of the «Golden Billions» (the included).

Terrorism's new methods are innumerable: hijackings of transport and hostage-taking; the destruction of transport communications; explosion and arson; military force, including partisan actions; poisoning the food and water supplies; the use of poisonous substances or the threat to use them, and other measures and means.

Leaving the juridical (criminal) aspect of the terrorism problem²², we will consider some socio-political questions.

Terrorism, leading to innumerable victims, and bringing unimaginable suffering, is a form of criminal activity (a crime) and deserves severe punishment. But the socio-political essence of terrorism and the desire to counter or fight terrorism requires a much wider approach than the simply juridical one. Yes, from the point of view acceptable to the world community there is no justification for terrorism. But terrorism is nevertheless a special type of crime. From the point of view of terrorists and organizations and movements using terrorist methods, the demands and asserted ideas are «just», and have no less value than those that are shared by those against whom they perpetrate their acts. Therefore, the armed war on terrorism, which has a political (ethnic, confessional, ideological) character, is not effective. The protracted, bloody experience of Ulster in the Irish conflict, the war with Basque separatists in Spain, Algerian terrorists in France, Albanians in Serbia and Chechens in Russia come as supporting examples.

Violence and hate breed violence and hate, and form the

21. For a more detailed description see: Alexander D., Alexander Y. (2002) *Terrorism and Business. The Impact of September 11, 2001*. Transnational Publishers, Inc.; Aust S., Schnibben C. (Hg.) (2002) 11. September. *Geschichte eines Terrorabgriffs*. Deutsche Verlags-Anstalt.

22. Emel'yanov V.P. (2002) *Terrorism and Crime with the Sign of Terrorization*. SPb: Juridical centre Press (Russian); Kabanov P.A. *Ibid.*; Komissarov V.S. (1997) *Terrorism, Banditism and Hostage-taking*. M. (Russian); Ovchinikova G.V. (1998) *Terrorism*. SPb: Juridical Institute of the General Prosecutor Office (Russian).

ideology and perpetrators of «hate crimes»²³. Therefore «the art of civilized life consists in not breeding unhappy, resentful «martyrs» but in building the well-being of people in the context of their long-term relations with one another»²⁴.

The international community as a whole and each state in particular must first of all take political (economic, social) steps towards preventing the conditions which breed terrorism and finding non-violent means of dealing with inter-ethnic, inter-religious, social conflicts. Of course, it is much easier to propose non-violent, preventive measures to counter long-standing problems and conflicts than it is to actually make them work in practice. But a «simple solution» to complicated social problems does not exist. So-called «simple solutions» («liquidation», «suppression», «extermination») are either unworkable or lead to a further complication of the situation. It is possible (and necessary) to do battle with individual perpetrators of terrorist acts – skyjackers, assassins, bombers etc. But we cannot use the law and prisons, eradicate the causes and sources of terrorism when it is used as a method of «solving» social (ethnic, religious, political, ideological) conflicts. Obviously, it is not by chance, that in the post-war world, terrorist organizations arose first of all in post-fascist, post-totalitarian, post-communist countries - Italy (the Red Brigade), Germany (Red Army Faction, Neo-Nazis), Japan (the Japanese revolutionary Red Army), Spain, Yugoslavia, Russia and in countries with a totalitarian regime (Latin America, the Near and Middle East), where there was no experience of solving social problems and conflicts through democratic political methods. In 1990, out of 79 well-known terrorist organizations, 37 belonged ideologically to Marxism, Leninism, Trotskyism, Maoism, 9 represented various strands of Pan-Arab and Islamic fundamentalism, 7 were a remarkable mix of Pan-Arabism and Marxism, 4 were relabeled to right-wing extremism and Neo-fascism²⁵. Of course this correlation has undergone certain changes up to the present day. The number of prominent terrorist organizations has grown; the number of left-wing groups has fallen

23. Jacobs J., Potter K. (1998) *Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics*. Oxford University Press.

24. Dmitriev A., Kudryavtsev V., Kudryavtsev S. (1993) *Introduction to the General Theory of Conflict*. M.: CKI RAN, p.171.

25. Long D. (1990) *The Anatomy of Terrorism*. The Free Press.

on account of the growth of rightists and Islamic movements.

There is no universal medicine for preventing terrorism and solving the complex problem, which lies at its roots. Certain general approaches have been suggested in the conflict and political sciences' literature²⁶.

It is important to understand:

◁ A world without violence is impossible in the foreseeable future;

◁ The fundamental anti-terrorist problem is, as much as possible, to curtail the scale of terrorism (understood as violence of the weak used against the strong);

◁ The main path to this curtailment is the prevention, or at least the regulation of social problems and conflicts by non-violent, non-repressive political methods.

«An absolutely non-violent world is an unreal prospect. The task of reducing political violence to the minimum appears much more realistic. The evidence for this is in the political life of developed, democratic countries, where violence is more often than not a secondary means of power»²⁷.

References

1. Alexander D., Alexander Y. (2002) *Terrorism and Business. The Impact of September 11, 2001*. Transnational Publishers, Inc.
2. Antonyan Y.M. (1998) *Terrorism. Criminological and Criminal Law Research*. Moscow: Shit- M. (in Russian).
3. Aust S., Schnibben C. (Hg.) (2002) 11. September. *Geschichte eines Terrorabgriffs*. Deutsche Verlags-Anstalt.
4. Bergard A. (1978) *Strategy of Terrorism*. Warsaw.
5. Budnitsky O.V. (1996) *History of terrorism in Russia (documents, biographies, research)*. Rostov-on-Don: Phoenix (in Russian).
6. Cassesse A. (1989) *Terrorism, Politics and Law*. Cambridge: Polity Press.
7. Chalikova V. (1989) *Terrorism*. In: *50/50 Experience From a Lexicon of New Thinking*. Moscow: Progress (in Russian).

26. Dmitriev A.V. (2000) *Conflictology*. M., pp. 221-277; Dmitriev A.V., Zalyzin I.Y. *Ibid*. Pp. 242-296; Dmitriev A., Kudryavtsev V., Kudryavtsev S. *Ibid*. Pp. 162-208.

27. Dmitriev A.V., Zalyzin I.Y. *Ibid*. P.296.

8. Das neue taschen Lexikon (1992). Bertelsmann Lexikon Verlag. Band 16.
9. Dmitriev A.V. (2000) Conflictology. Moscow (in Russian).
10. Dmitriev A., Kudryavtsev V., Kudryavtsev S. (1993) Introduction to the General Theory of Conflict. Moscow: CKI RAN (in Russian).
11. Dmitriev A.V., Zalyzin I.U. (2000) Violence: A Socio-Political Analysis. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
12. Emeliyanov V.P. (2002) Terrorism and Crime with the Sign of Terrorization. St. Petersburg: Juridical centre Press (in Russian)
13. Ferro M. (1989) Terrorism. In: 50/50 Experience From a Lexicon of New Thinking. Moscow: Progress, (in Russian).
14. Finer C., Nellis M. (Eds.) (1998) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers, Ltd.
15. Ganor B. (2002) Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. Vol.3, N4, pp.287-304.
16. Jacobs J., Potter K. (1998) Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press.
17. Kabanov P.A. (2000) Political Crime: its Essence, Causes and Prevention. Nizhnekamsk (in Russian).
18. Komissarov V.S. (1997) Terrorism, Banditism and Hostage-taking. Moscow (in Russian).
19. Kressel N. (1996) Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press.
20. Laqueur W. (1987) The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co.
21. Laqueur W. (1977) Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson.
22. Lenoir R. (1974) Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil.
23. Long D. (1990) The Anatomy of Terrorism. The Free Press.
24. Luman N. (1998) The Globalization of the World Community: how to Understand

RUSSIA: AN OVERVIEW OF CRIME AND CRIMINOLOGY¹

Chapter 46.

Introduction

Criminality is an element of society. The state of criminality is reflected in the crime trends, which reflect the society in which it exists. For many decades Russia and Russian criminology existed in conditions of isolation from the world and its science. Russian criminology dates from the 1870s to 1890s. From the 1930s to 1950s, during Stalin's totalitarian regime, criminology, sociology, genetics, cybernetics, and others were «forbidden science.» Russian criminology only began to reappear during the Khrushchev's «thaw» (1960s) and began actively to develop and to join the world of criminological science at the time of Gorbachev's «Perestroika» (1986–91).

Infrastructure

Russia, or the Russian Federation (RF), resulted from the breakup of the USSR in 1991. Russia's 17-million square kilometers of land mass shares borders with Norway, Finland, Estonia, Latvia, Byelorussia, Ukraine (to the west), Georgia, Azerbaijan, Kazakhstan, Mongolia, China (to the south), and North Korea, Japan, and USA to the east. It includes many climatic zones: from permafrost in the North to subtropics in the South, from black earth to Siberian and Far-Eastern taiga, from the Baltic Sea and Arctic Ocean to the Pacific Ocean and Black Sea. The huge territory supports many kinds of land use: agriculture, timber cutting, pasture, different spa resorts, national parks, and mineral industry. There are numerous natural resources: mineral oil, natural gas, coal, ferrous and non-ferrous metals, precious metals (gold, silver, and others), bauxite, diamonds, amber, and others.

But there are complicated environmental issues. Many pollutant emissions, including atmospheric, water, and air

1. Опубликовано в: Cindy J. Smith, Sheldon X. Zhang, Rosemary Barberet (Eds.) Routledge Handbook of International Criminology, Routledge, 2011, pp.497-508.

pollutions, are the result of outdated techniques, outdated technology, and violation of safety measures.

The gross domestic product (GDP) was \$1,746 billion (trillion) USD in 2006 and \$1,164 billion (trillion) USD in 2009. The reduction in GDP is the result of the contemporary world economic crisis. GDP per capita was \$8,230 USD in 2009.

There are varying data on poverty in Russia, which causes confusion. According to the World Bank data, poverty increased during 1997–99 from 24.1 percent of population (35.3 million people) to 41.5 percent (60.5 million people), and decreased to 19.6 percent in 2002. Various Russian experts (for example, Janitskiy, 2004) consider that 20.8 percent of the population (29.8 million people) has an income lower than the official living wage in 2004. Other data suggest that about 30 percent of the Russian population have incomes lower than the official living wage (World Development Report, 2005).

The ever-growing economic polarization of the population – visible in the stark contrast between the impoverished majority and the nouveau riche minority (the «New Russians») – is a [source of social conflicts]. The ratio between the incomes of the 10 percent least prosperous and the 10 percent most prosperous [(the «coefficient of decile»)] increased from 1:4.5 in 1991 [to 1:16.8 in 2007], according to the official data. In the opinion of experts, the actual ratio between the incomes of the highest and lowest 10 percent is as high as 23–25 in Russia as a whole (Russian Federation, 1999) and 40–60 in Moscow. For comparability, this coefficient is 3–4 in Denmark, Finland, Sweden, and 10–12 in USA (Gilinskiy, 2009, p. 261)

The Gini index (i.e. index of economic inequality) in Russia increased from 0.289 in 1992 to 0.422 in 2007. According to Ol'kov (2004), during 1990–9 the index was at its maximum in 1994 (0.409) and the number of homicides was at a maximum too (32,300); the index was at its lowest in 1990 (0.218) and the number of homicides was also lowest then (15,600).

Technological backwardness and the incompetence of the domestic production and service sectors have manifested themselves in the course of the reforms . . . The class of the excluded (Lenoir, 1974; Young, 1999) constitutes the social basis for various forms of deviance including crime and organized crime. (Gilinskiy, 2006, p. 262).

The inflation rate decreased from 18.8 percent in 2001 to 9.1 percent in 2006 and increased to 13.3 percent in 2008. The unemployment rate decreased from 13.2 percent in 1997 to 6.2 percent in 2008, which is associated with crime reduction.

Foreign trade turnover of Russia was \$735 billion USD in 2008. Main imports include machinery and equipment, trucks and passenger cars, medicines, clothes, shoes, software, and environmental and other consumer commodities. Main exports are mineral oil, natural gas, coal, and ferrous and some non-ferrous metals (e.g. aluminum, nickel, native copper).

There are some joint energy systems in Russia: Central, Northwestern, Volga region, North Caucasian, Ural, Siberian, and Far Eastern. Ten nuclear power plants exist in Russia. The production volume of electrical energy was 997.3 billion kilowatt-hours in 2007.

According to the Constitution of the Russian Federation there is a «division of powers.» The Russian Federation is a presidential republic. The President is the head of State, and there are presidents in republics, such as Bashkiria, Dagestan, Tatarstan. The Federal legislature is a parliament (or «*Federal'noe Sobranie*» – the Federal Assembly) which consists of two chambers: the upper chamber «*Soviet Federatsiy*» (the Federation Council) and the lower chamber «*Gosudarstvennaja Duma*» (the State Duma). The regional legislatures are called «*zakonodatel'noe sobranie*» (legislative assembly) or parliament.

The Federal executive power belongs to the government with a Prime Minister. Regional executive power lies with the governor (or mayor in a city) and the government (administration).

There are many commercial communications companies and a state telephone service. Many radio and television broadcasters were established after the breakup of the USSR. Unfortunately, state television exerts a prevailing influence and unofficial («internal») censorship exists. The internet is widely used, with several internet service providers and about 46 million users.

Russian railways extend 154,000 kilometers, including 75,300 kilometers of electrified lines.

The network occupies is second, only to the US. There are more than 20,000 locomotives and more than 550,000 freight cars and more than 70,000 passenger cars.

There are 701,000 kilometers of motor roads, including

597,000 kilometers of asphalt surfaces («highways»). But the quality of Russian roads is bad (i.e. uneven, holes). An old Russian proverb exists that explains the road situation: «There are two Russian troubles: fools and roads.» There are more than 38 million vehicles.

There are 1,623 airports in Russia; the largest are Domodedovo, Sheremetjevo, Vnukovo in Moscow, and Pulkovo in St. Petersburg.

People

The population of the Russian Federation rose from 102.9 million in 1951 to 148.7 million in 1991 and fell to 141.9 million people in 2009. Seventy-eight percent of the population live in the European part of the country and 22 percent in the Asiatic sector (i.e. West Siberia, East Siberia, and the Russian Far East) (Gilinskiy, 2006, p. 260). The Russian population is aged or aging. More than 20 percent of the population in 2005 were pensioners and only 17 percent children. Approximately 47 percent of the population is male and 53 percent female. Three quarters of the population (73.1 percent) live in urban areas (Vishnevski, 2006).

According to Vishnevski (2006), the growth rate (per 1,000 population) was 12.1 in 2009. The death rate (per 1,000 population) was 15.0 in 2009. Life expectancy in Russia in 2005 was 59 for males and 73 for females. In Western Europe (2005) the figures were: males, 76, and females, 82. This is a national catastrophe for Russia.

Every year more than 12 million persons enter Russia and more than 11 million persons depart from Russia. Migrants totaled 258,193 in 2007 and 257,148 in 2008 (Vishnevski, 2006).

The number of HIV-positive individuals was about 325,780 people in 2005 or 228.2 per 100,000 of the population (Vishnevski, 2006).

There is a variety of different nationalities. Russians make up 80.1 percent of the population, with Tartars composing 3.3 percent, Ukrainians 2.1 percent, Chuvashians 1.1 percent, and less than 1 percent of each of the other groups. There are more than 100 languages spoken by different nationalities and ethnic groups in Russia (Vishnevski, 2006).

The Russian Federation is a secular State with freedom of conscience. Official statistics on religion do not exist. According

to various sociological surveys conducted by the Lewada-Center, about 65–7 percent of the population is considered Orthodox, 5–6 percent is Muslim, 6–10 percent is atheist, and 1–2 percent is representatives of other faiths. But only 30 percent of population attends church.

Russia's educational system includes primary (elementary) education (grades 1–4, children aged 7–10); main general education (grades 5–9, children aged 11–15); secondary education (grades 10–11); primary and secondary professional (vocational) education; higher education (university, institute, or academy) and post-graduate study. According to general media, the literacy rate for ages 9–49 is 99.8 percent. There are about 61,000 schools (gymnasias, lyceums), and 1,068 universities (institutes, academies). A bimodal system of higher education (bachelor and master's degree) has been introduced.

Administration of justice

The police of Russia, known as the Militia, was set up a month after the coup d'état of October 1917 and continues to this day. The entire Militia in Russia is under the direction of the Ministry of Internal Affairs (MVD), as are the internal forces (e.g. army), specialized police forces (e.g. railroad, air, and river militia). The penitentiary service was transferred in 1998 to the Ministry of Justice.

The Militia in the republics are directed by the republican Ministry of Internal Affairs, and in each territory, region, city, or district they are directed by the main board of internal affairs, as established by the Constitution and law of each region. The current directives, functions, and structure of the Militia are laid down in the Russian Law «On the Militia,» passed on 18 April 1991 (with subsequent modifications).

The Militia is organized into two main sub-divisions: the Criminal Militia and the Militia for Civil Safety (or Public Order) at the local level (Law «On the Militia for Civil Safety,» 1993).

The Criminal Militia include the Detective Service, the Economic Crime Prevention Service, scientific-technical specialists, operational investigators, and others who supply material for the criminal investigation. The Civil Militia include the Duty Service, the Service for Securing Civil Order, the State

Automobile Inspectorate, the Security Service, divisional inspectors, temporary detention guards, the prevention service, and others. The Criminal Investigation Service is a separate unit under the Ministry of Internal Affairs.

There are different data on the size of the Russian Militia: the Militia forces stood at about 540,000 and that of the internal forces (e.g. army) at about 278,000 in 1995 (Everyone's Newspaper, 1995, No. 51); the police ratio per 100,000 population was 1,224.58 in 1994 (Newman, 1999); and the staff of the system of the Ministry of Internal Affairs RF was about 1.5 million in 1996 (Dolgova, 2000).

According to the Constitution there are several levels of legal institutions (Art.118, Part 2):

- The Constitutional Court of the Russian Federation;
- The Supreme Court of the Russian Federation;
- Courts of the subjects of the Russian Federation (e.g. supreme courts of the republics; regional – «*krai*,» «*oblast*,» «*autonomous regions*» courts; Moscow and St. Petersburg city courts;
 - Area (district), city courts;
 - Military courts;
 - Arbitration courts (e.g. the Supreme Arbitration Court; arbitration courts of the subjects of the Russian Federation).

Military courts are included in the common legal system. Arbitration courts resolve disputes between juridical persons. Unfortunately, contemporary Russian justice is not independent. First, many judges are very corrupt (e.g. Sungurov, 2000; Timofeev, 2000). Second, many courts are dependent on politicians and the authorities. For example, often the *Basmany* court (i.e. *Basmany*; it is one of a number of districts of Moscow) decides a case in favor of the authorities. And «*Basmany court*» is a common noun now.

Finally, there are so-called «*mirovye sud'i*» (magistracy). They consider more minor cases (e.g. administrative, civil, minor criminal delinquency).

There is the Office of the Public Prosecutor. The goals of this institution are protection of law and order and uniform use of law; defense of the rights and freedoms of people; and defense of the legal interests of society and state. The General Prosecutor is the head of the Office of the Public Prosecutor. There is an Office of the Public Prosecutor in each of the 83 subjects of the Russian Federation, in each region, city, and district. Important functions

of the prosecutor are the oversight of public order and legality, criminal investigation, and prosecution.

The correctional service (Federal Service for the Implementation of Punishment – FSIN) is a department of the Ministry of Justice. Presently, there are 755 correctional colonies, 62 educational colonies (for minors), seven prisons, and 225 jails. The number of convicts is more than 890,000 (May 2009) or 631 per 100,000 population. The prison population is second only after the US.

The problem of an effective social response to crime is especially important for contemporary Russia: on the one hand, currently, it has one of the highest rates of homicide and other serious violent crimes, suicide, alcohol abuse, and corruption in the world. On the other hand, there are old repressive forms of social control («war on crime,» «war on drugs,» and so on) that are not effective. Unfortunately, retributive justice prevails in Russia. Social control of criminality remains very severe in contemporary Russia. The new Criminal Code (CC) of the Russian Federation (RF) from 1996 contains very harsh punishments: death penalty (Art. 59 CC RF), life imprisonment (Art. 57), and deprivation of freedom for 20 to 30 years, depending on the number and timing of crimes committed (Art. 56). There were no such punishments, such as life imprisonment or 30 year sentences, in any previous Criminal Code, including during the Stalin period. Since 1997 there has been a moratorium of the death penalty, but the Russian parliament has not ratified this.

It is necessary to add that while crime-fighting is conducted (with doubtful success) mainly against «street crimes,» the huge layer of «respectable crime» (i.e. white-collar crime) still remains outside the «fields of fight.» When it is dealt with by the police and condemned by the court, «respectable crime» functions as a «scapegoat» to demonstrate the successful «struggle against criminality.» It is known as the problem of selection in criminal justice.

There has been a tendency to reduce alternatives to detention in penal and sentencing practice: the quota of corrective labor without deprivation of freedom has decreased (from 26.4 percent in 1988 to 4.7 percent in 2007); the quota of fines has decreased (from 15.7 percent in 1986 to 12.8 percent in 2007). The imprisonment rate (per 100,000 of the population) in Russia is very high (more

than 625 in 2007). The conditions in penitentiary institutions are terrible. The extremely harsh regimes in secure institutions experienced by those awaiting trial or under a conditional sentence contravene human rights: bad food; the spread of tuberculosis; torture of those awaiting trial/under investigation in so-called «press cells»¹ to procure confessions of guilt; mass beatings, etc. (Gilinskiy, 2006, p. 287). Life in institutions for the deprivation of freedom (prisons and «correctional colonies») is unbearable and the possibilities for «correction» are nil (Moscovskaja Helsinskaja Gruppa, 2003).

Criminology in Russia

Criminology as any science is international, a world science. But it is well known that for many decades Russian criminology existed in conditions of isolation from the world science and under rigorous political and ideological control. Consequently, Russian criminology and the works of Russian criminologists are not well known abroad.

There are five stages in Russian criminology (Gilinskiy, 2009). First was the «pre-Revolutionary» period from the nineteenth century up until 1917. This period included the «origin» of criminological ideas and studies (Radishchev, 1802; German, 1823), and forming of the discipline (Foinitchky, 1889; Duchovskoi, 1897) and its development (with anthropological and psychological contributions by Dril (1846–1910); and sociological contributions by Gernet (1874–1953) and others). The sociological perspective dominated, especially the «multifactor school.» Liberal Russian criminologists come out in defense of crime prevention and opposed the death penalty (see, for example Gernet, 1913). The second period ran from 1917 to the 1920s to 1930s. Old «bourgeois» criminology continued to develop in the new conditions. Studies of the «personality of criminals» dominated in this time period (due to the impossibility of «social causes» in a «happy socialist society»). Many «bourgeois» criminologists were repressed by the end of this period.

The third stage was «Stalin's epoch»: criminology was prohibited de facto, and criminological studies were absent. But there was rudimentary criminological knowledge in criminal law and «criticism» of «bourgeois» criminology.

Fourth was a «stage of revival» from Khrushchev's «Thaw» (1960s) to Gorbachev's «Perestroika» (1980s). In 1963 the Institute for Research of Crime Causes and Crime Prevention (Moscow) was founded; in 1964 the course «Criminology» was included in the educational program of the schools of law. A great many empirical criminological studies were organized in two Russian regions in the 1970s under the leadership of A. B. Sakharov (Sakharov, 1979).

There are two main points of view: an official and legal view, which parallels theoretical and empirical criminology. The West is certain that in the Soviet Union there was only one, official «communist» point of view: crime is the result of the vestiges of bourgeoisie consciousness and the capitalist system. However, during the 1960s in the former Soviet Union a legal «parallel» of theoretical and empirical criminology actively evolved without the Communist party or State approval, accumulating its empirical data step by step, advancing and defending a theoretical explanation, uncommon for the Soviet ideology of a crime as a social phenomenon conditioned by social factors (i.e. social and economic inequality, social conflicts and strain, social and economic conditions, etc.). The concepts of Durkheim, Merton, Sutherland, the Chicago School, labeling theory, and others were all applied to Soviet conditions. Only a few scholars whose work has gradually weakened and destroyed the stereotypes of official ideology and helped to create a national criminology can be cited: Avanesov, Bluvstein, Gilinskiy, Karpets, Khochrjakov, Kogan, Kudrjavitchev, Nikiforov, Sakharov, Spiridonov, Vitsin, Yakovlev, Zabryansky, and others.

The fifth stage corresponds to contemporary times (from the late 1980s). The freedom to teach and carry out research, to foster professional contacts with foreign colleagues, appeared only at the end of the 1980s and in the beginning of the 1990s, thanks to the Gorbachev's Perestroika.

The main topics of contemporary Russian criminology include organized crime, violent crime, corruption, hate crimes, economic crime, drug trafficking, human trafficking, and social control over crime (Gilinskiy, 2006; Gilinskiy, 2009; Luneev, 2005). Main research methods are statistical analyses, surveys of the general population, victims, experts and prisoners, and interviews. Comparative studies are widespread (Gilinskiy, 2000; Paoli, 2001, etc.). Criminologists actively use mathematical methods (factor

analysis, correlation analysis, and others) to analyze the results of research (Ol'kov, 2007; Jusichanova, 2005; Skifskiy, 2007).

Unfortunately, official police statistics are not complete and the dark figure of crime (latent) is very high. Therefore the analysis of latency is an important part of research (Inshakov, 2007).

Statistical data are published online on the site of the Ministry Internal Affairs (MVD) and in the corresponding annual publication «Crime and delinquency, statistical review» of the MVD and the Ministry of Justice. Moreover the full data of the recorded crime and criminals are published in the annual of the Russian Criminological Association under the editorship Prof. A. Dolgova.

The main research institutions are the Research Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow), the Research Institute of the MVD (Moscow), Center of Deviantology (Sociology of Deviance) of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), Saratov's Center of Research of Organized Crime and Corruption, and others.

The trends in recorded crime from 1961 to 2009 are:

- «The rate (per 100,000 inhabitants) of total recorded crimes decreased in 1963, and remained at a low point during Khrushchev's «Thaw» between 1963 and 1965, then rose slowly and steadily between 1966 and 1986. Gorbachev's Perestroika occurred between 1986 and 1988.

In the second year of Perestroika (1987) the crime rate suddenly went down, and it stayed at this lower level in the following year, but from 1989, after the end of the Gorbachev era, the crime rate started a rapid increase, which continued for a five-year period, taking it from 816.9 in 1987 to 1887.8 in 1993; after 1993, the rising trend flattened strikingly, with some further increase in 1999, and brief dip in 2002» (Gilinskiy, 2006, p. 262). The crime rate rapidly increased from 2003 (1,926.2) to 2006 (2,692.3). The later decrease in 2007–9 is very difficult to explain now. The majority of the criminologists think it is a decrease in recorded crime, but not a real decrease of crime. There is great hidden crime, due to non-reporting from the police.

- «A sustained rise in the rate of homicide (including attempts) also started in the late 1980s: the rate increased from 6.3 in 1987

to 21.8 in 1994 and leveled off thereafter» (Gilinskiy, 2006, p. 262), reaching 22.5 in 2002. Later it decreased in 2006–9 to 12.5.

- The trends in rates of other kinds of crime is analogous: it was at a minimum during the Gorbachev period, increasing again from 1994–5, decreasing for a short period, increasing again from to 1999–2003 and decreasing after 2006. The period of the Khrushchev «Thaw» also saw a reduction in the crime rate.

But we must consider the following facts to get an accurate picture that the real number and rate of crime is much higher than official statistical data, similar to other countries. For example, one criminological study shows that on average the rate of actual crime to reported crime during 2001–6 was for homicide 1.40, for grievous bodily harm 1.50, for rape 4.17, for theft 6.56, for robbery 2.25, for assaults with robbery 1.08, for bribery 73.16, etc. (Inshakov, 2007).

Organized crime, one of the main social problems in Russia, has generated primary studies under the direction of Dolgova (2003), Gilinskiy (2003, 2004, 2006, 2009), Kostjukovsky (2004), Ovchinsky (2001), Repetskaja (2001, 2007), and others.

Organized crime is not simply the aggregation of criminal groups and the criminal offences committed by them. It is built into the social system and affects its components, mainly the economy and politics. Organized crime is identified with illegal entrepreneurship, business, production, and distribution of goods and/or services. The formation and development of organized crime is the world process. It is a particular case of better organized management at the subsystem level (economics, politics, etc.). The main characteristics of organized crime as a social institution are the following: long life; stable functioning; performance of certain social functions (i.e. satisfaction of demand for illegal services or goods due to their deficit, job creation, redistribution of means, etc.); the use of work code or certain norms; professional language (slang); and allocation of roles (Gilinskiy, 2009; Gilinskiy and Kostjukovsky, 2004).

The process of institutionalization of organized crime started in Russia (the Soviet Union) from the beginning of the 1960s and finished by the end of the 1970s or the beginning of the 1980s. Russian organized criminal groups widely integrated into international organized crime by the beginning of the 1990s.

Yet the newer tendency is for crime bosses to aspire to make

their activities legal, perhaps by a gradual transition through semi-legal activity, by infiltrating the power structure of legal businesses, with the aid of money laundering. Moreover police structure is now replacing organized criminal groups, likely to, for example, protect drug traffickers.

Violence is an old Russian problem (Tsytsev and Gilinsky, 2004). There are primary studies under the direction of Antonjan (2002), Gilinskiy (2008, 2009), Pobegailo (2008), and others.

The rate of violence is very high in Russia. The official police-recorded homicide rate (per 100,000 population) increased from 6.3 in 1987 to 22–3 in 2001–5. However, the medical statistics (World Health Statistics, 1996; Questions of Statistic, 2004) are more exact than police data, at approximately 10 per 100,000 higher than police data.

The number of crime victims in contemporary Russia is huge. The total number of victims are 1,446,588 persons during 1987–2007. In addition, 25 thousand people are declared missing every year and are never found (MVD RF, 2009). In the military, most of soldiers die due to «violent, unregulated hazing rituals ('dedovshina' [the abuse of power by older soldiers that often takes sadistic forms]), accidents related to military service and suicide» (Gilinskiy, 2006, p. 272).

In addition to violent crimes, such as homicide and assault, other criminal activities are associated closely with the use of violence. For instance, in the climate of «wild capitalism,» violence is viewed as an acceptable means to solving problems between business competitors.

The term «hate crime» first appeared in 1985 (Jacobs and Potter, 1998). There are many manifestations of the hate crimes (i.e. from round oath and vandalism to murder and genocide).

The term «hate crime» is used in two ways. In the broad sense it is all crimes committed with the motive of hate; for example, murder of a hated husband or wife. In the narrow sense it is the crimes committed with motive of national, racial, religious hate, or enmity. This definition is included in some articles of the Criminal Code of the Russian Federation.

There are many hate crimes in Russia and very few registered cases. For example, only 9 cases were registered according to Art. 105, part 2 «l» in 2001; in 2002, 10 cases; in 2003, 11 cases; and in 2004, 10 cases (Babichenko, 2005). Police and those holding power

prefer to qualify these cases as «hooliganism» because it is more «gentle.» The Russian non-governmental organizations announce the following data on victims of hate crime: 2004, 49 people killed, 218 people injured; 2005, 47 people killed, 417 people injured; 2006, 56 people killed, 552 people wounded (Verchovski, 2007, p. 111). Moscow's Office of Human Rights informs that 74 people were killed in 2007 and more than 317 people were wounded.

What is the «ideology» of Russian contemporary Nazis, fascists, and skinheads? It is «Russia is for Russians!», «Migrants go home!», «Fight the blacks!»

Who are the victims of hate crimes? There are citizenry of China and India, Egypt and Cameroon, Uganda and Mali, Israel and Lebanon, Ghana and Senegal, also so-called «persons of Caucasian nations,» Asians, and Gypsies. Most often they are students of the Russian universities or legal and illegal migrants. Hate crimes occur most often in Moscow, St. Petersburg, Voronezh, and the Krasnodar region (i.e. a region in the south part of the European part of Russia) (Verchovski, 2007).

What are the means of hate crimes? Most often there is an unexpected armed attack of a group of skinheads or fascists with knives, bats, or metal rods. They try to kill «foreigners» by a stab to the throat (Gilinskiy, 2009: 233).

There are many definitions of corruption. Perhaps the shortest of them is: «the abuse of public power for private profit» (Wewer, 1994, p. 481). The UNO offers an analogous definition (Resolution 34/169 of the UN General Assembly, 17 December 1979). There are many forms of corruption, such as bribery, favoritism, nepotism, protectionism, lobbying, illegal distribution and redistribution of public resources and funds, [illegal ability to finance of political structures, extortion, allowance of favorable credit (contracts),] the famous Russian «blat» – different services for relatives, friends or acquaintances (Ledeneva, 1998). (*Gilinskiy, 2006, p. 280–1*).

There is corruption in all countries, but the dimensions of corruption are diverse. Corruption, common in Russia, has taken on a total scale in all organs of power and establishments. The Index of Perception of Corruption (from Transparency International) for Russian was 2.7 in 2002, and has decreased to 2.1 in 2008. It is a 147th place from 180 countries. That is, Russia has become more and more corrupt.

The INDEM foundation suggests that the corruption market

was \$319 billion USD in 2005; the data from the General Prosecutor's Office shows \$240 billion USD in 2006. It is 1.5 times more than national budget of the Russian Federation.

Every day different Russian newspapers and magazines publish who (name, position) received a bribe when, and how much money or «service» was involved, and there is no reaction from those in power.

Corruption in contemporary Russia is an element of the political system, a mechanism of the political regime. There are two level corruption forms: «lower» («face to face») and «upper,» the great corruption networks. The study of the INDEM foundation shows that there are extensive corruption networks in the Ministry of Internal Affairs, the Federal Service of Security (FSB) and the State Committee of Customs Service. The military is also very corrupt. Each corrupt network includes three structures: commercial or financial, state officials, and «group of defense» – police, FSB, prosecutor's office (Satarov, 2002).

On the «lower» level, an average bribe (for a policeman, doctor, teacher, and so on) ranges from \$20–120 to \$1,000–5,000 USD per occasion. The dimensions of bribes of corruption networks are greater. There is also another system for calculating the bribe, «otka»; that is to say, the official gets 3–10 percent or 40–60 percent of the total amount of the contract or agreement.

Corruption paralyzes all positive, creative activities. Corruption of police, the prosecutor's office, and judges is particularly dangerous. «Corruption of judges is one of the most powerful corruption markets in Russia . . . Corruption of judges penetrates different corruption networks on a different level of power» (Satarov, 2003).

The Center of Deviantology (Sociology of Deviance) of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences studies organized crime and corruption in Russia. Our respondents (informants) commented as follows on the contemporary situation: «The average businessman is extremely involved in crime . . . One has to bribe for everything . . . one cannot deal with taxation inspection without a bribe . . . A bribe is inevitability in the sphere of business . . . Tax inspection is highly corrupt» (Gilinskiy, 2009: 279). One has to bribe when registering a business, when renting premises from state bodies, when acquiring licenses for their utilization from state bodies, for obtaining low-interest bank

credit, when reporting to tax inspectors when completing customs formalities, etc. Additionally, the amount of the «tariff» for fire-inspection is more than the tariff of the sanitary-inspection, but less than the tariff of the customhouse. But this not only a problem for businessmen. Everybody must bribe in education institutions, in medical institutions, in different administrations, in the police, and so on.

Corruption is the «normal» way to solve problems in contemporary Russia. Corruption is the most serious problem in Russia, because all other problems remain unsolved when anything can be bought and sold.

Human trafficking is a global problem, and all types of trafficking exist in Russia. Moreover, Russia takes first place in the list of the world trafficking (Erokhina and Buryak, 2003). This is no surprise, because there are many poor, unemployed people in Russia, especially women and youth.

Trafficking in the form of forced prostitution of minors occurs in various contexts in Russian cities: on the street (i.e. average age being 16–17 years); on highways (i.e. very young girls, including children of 12–15 years of age); in railway stations, hotels, and clubs (i.e. 14–17 years of age); in «public houses» (i.e. illegal in Russia); through «call services»; and others (Gurvich et al., 2002). In addition, trafficking of children includes those trafficked for pornography and illegal adoption.

The Center of Deviantology of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences studied the commercial sexual exploitation of children in St. Petersburg and Northwest Russia, including Vyborg, Petrozavodsk, and other areas (Gurvich et al., 2002). The main users of children's sex are the «new Russians,» city «authorities» and foreign visitors, particularly from Finland, but also from Sweden, Germany, Norway, and England. Child pornography is the least studied and most highly profitable sphere of the commercial sex trade. The street children are the most vulnerable and sought after for victimization (Gurvich et al., 2002).

Forced labor also has been and continues to be prevalent, particularly for male victims.

Social control over crime is a very important topic in Russian criminology. Social and economic inequality, a criminogenic factor, generates social conflict, dissatisfaction, envy, and deviation

(Gilinskiy, 2009, pp. 380–445). Unfortunately, repressive social control is used to exclude Russian citizens, and occurs through the selection process in the police and criminal justice system, thus increasing the deviance and crime rates. There are many scientific studies of this problem (see, for example, Gilinskiy, 2006; Luneev, 2005).

Conclusion

There is long, yet inconsistent, complex history of Russian criminology dating from the nineteenth century. After Gorbachev's Perestroika, national criminology is penetrating world science. The main topics of contemporary Russian criminology are organized and violent crime, trafficking in persons, hate crimes, and corruption. Rational and effective social control over crime is currently an important reality. Modern Russian criminologists actively co-operate with foreign colleagues, participating in joint exploratory projects.

Based on the research cited in this chapter, this author concludes and/or agrees with other recommendations that it is very important to change the basic strategies of social control:

- ◁ Recognize the irrationality, ineffectiveness of reprisals;
- ◁ Change from retributive justice to restorative justice;
- ◁ Change the strategy of social control from «war» to «peace» or «harm reduction» and «peacemaking» (Pepinski and Quinney, 1991);
- ◁ Search for alternative (non-repressive) measures of social response (e.g., fines, community service, electronic control, etc.);
- ◁ Make crime prevention the priority.

Future research questions

1. The number of crimes reported in official statistics is considerably lower than the number of crimes known to police. What are the reasons for police withholding crime numbers and how can the problem be fixed?

2. What would be effective strategies to encourage the study of white collar crime and corruption by the new generation of Russian criminologists?

3. How is Russian corruption comparable to corruption in other

countries and what makes some aspects of it unique to Russia?

4. How might research be used to prevent hate crime in Russia?

5. Will restorative justice practices need adaptation to the culture and history of Russia?

Note

1 «Press cell» – it is a cell that can be found in all institutions. In such cells prisoners selected by the administration beat, torture, and rape other prisoners to obtain information from them or to make them compliant to the administration.

References

1. Antonjan, J. (2002). *Violent crime in Russia*. Moscow: NII MVD (in Russian).

2. Babichenko, K. (2005). *Discrimination and hate crimes: qualification and prevention*. Doctoral dissertation. St. Petersburg: University of MVD (in Russian).

3. Dolgova, A. (Ed.). (2000). *Corruption and the fight with corruption*. Moscow: Russian Criminological Association (in Russian).

4. Dolgova, A. (2003). *Criminality, its organization and criminal society*. Moscow: Russian Criminological Association (in Russian).

5. Erokhina, L. and Buryak, M. (2003). *Trafficking of women and trafficking of children for sexual exploitation in social and criminological perspective*. Moscow: Profobrazovanie (in Russian).

6. Gernet, M. (1913) *Death penalty*. Moscow.

7. Gilinskiy, Y. (2000). *Analysis of statistics on some forms of social deviation in St. Petersburg from 1980 to 1985*. In H. Leifman and N. Henrichson (Eds.) *Statistics on alcohol, drugs and crime in the Baltic Sea Region*, pp. 175–98. Helsinki: NAD Publication. 37.

8. — (2003). *Organized crime: a perspective from Russia*. In J. Albanese, D. Das, and A. Verma (Eds.) *Organized crime. World perspectives*. Ch. 6; pp. 146–64. NJ: Pearson Education, Inc.

9. — (2004). «Exclusion» as a global problem and social basis of crime, drug abuse, terrorism and other deviance. In *Works of St. Petersburg's juridical Institute of General Prosecutor's Office RF*. N6 (in Russian).

10. — (2006). *Crime in contemporary Russia*. *European Journal of Criminology*, 3(3): 259–92.

11. — (2008). Social violence: theory and Russian reality. *Russian Criminological Outlook*, 2: 224–35 (in Russian).
12. — (2009) *Criminology: theory, history, empirical basis, social control*. 2nd edn. St. Petersburg: Juridical Center Press (in Russian).
13. Gilinskiy, Y. and Kostjukovsky Y. (2004). From thievish Artel to criminal corporation: the history of organised crime in Russia. In C. Fijnaut and L. Paoli (Eds.) *Organised crime in Europe. Concepts, patterns and control policies in the European Union and beyond*. Vol. 4. pp. 181–202. Dordrecht, Norwell: Springer.
14. Gurvich, I., Rusakova, M., Pyshkina, T., and Yakovleva, A. (2002). *The commercial sexual exploitation of children in St. Petersburg and Northwest Russia*. Stockholm: Save the Children.
15. Inshakov, S. (Ed.) (2007). *Latent Criminality in the Russian Federation 2001–2006*. Moscow: UNITY-DANA (in Russian).
16. Jacobs, J. and Potter, K. (1998). *Hate crimes. Criminal law and identity politics*. Oxford, New York: Oxford University Press.
17. Janitskiy, O. (2004). Modern and its waste. *Sociological Journal*, n1–2 (in Russian).
18. Jusichanova, E. (2005). *Modelling of criminogenic processes in the subjects of the Russian Federation*. T'umen: Vector Book (in Russian).
19. Ledeneva, A. (1998). *Russian economy of favours: blat, networking and informal exchange*. Cambridge, London: Cambridge University Press.
20. Lenoir, R. (1974) *Les exclus, un français sur dix*. Paris: Seuil.
21. Luneev, V. (2005) *Criminality XX Century. The world, regions and Russian tendencies*. 2nd Edn. Moskow: Wolters Kluwer (in Russian).
22. *Moscowskaja Helsinskaja Gruppa* (2003). *Position of prisoners in contemporary Russia (2003)*. Moscow: *Moscowskaja Helsinskaja Gruppa* (in Russian).
23. *MVD RF* (2009). *State of crime in Russia*. Moscow: *MVD RF* (in Russian). Newman, G. (Ed.). (1999). *Global report on crime and justice*. NY: Oxford University Press.
24. Ol'kov, S. (2004) *About Profit and Harm of Inequality (Criminological Study)*. *State and Law*, 8: 73–8 (in Russian).

25. — (2007). Analytical criminology. Kazan: Poznanie (in Russian).
26. Ovchinsky, V. (2001). XXI century against Mafia. Moscow: INFRA-M (in Russian).
27. Paoli, L. (2001). Illegal drug trade in Russia. Freiburg i. Br.: Iuscrim.
28. Pepinski H. and Quinney, R. (Eds.). (1991). Criminology as peacemaking. Bloomington: Indiana University Press.
29. Pobegailo, E. (2008). Selected works. St. Petersburg: Juridical Center Press (in Russian).
30. Questions of Statistics (2004). Main social-economic indicators on RF for 1999–2004. Questions of Statistics.9: 73.
31. Repetskaja, A. (2001). Transnational organized crime: characteristics, causes, strategy of control. Irkutsk: IGEA (in Russian).
32. — (2007). Criminal market of Russia. Saratov: Saratov's Center of Study of the Organized Crime and Corruption (in Russian).
33. Russian Federation (1999). Human Development Report. Moscow: UNDP.
34. Sakharov, A. (Ed.) (1979). Methodological and methods questions of the study and prevention of criminality in a largacity. Moscow: Institute of General Prosecutor's Office (in Russian).
35. Satarov, G. (2002). Diagnosis of Russian corruption: sociological analysis. Moscow: INDEM (in Russian).
36. — (2003). Rusty justice. Native Notes, 2 (in Russian).
37. Skifskiy, I. (2007). Violent crime in contemporary Russia: explanation and forecasting. Tumen: Vector Books (in Russian).
38. Sungurov, A. (Ed.) (2000). Civil initiatives and corruption prevention. St. Petersburg: Norma (in Russian).
39. Timofeev, L. (2000). Institutional corruption. Sketch of theory. Moscow: RGGU (in Russian).
40. Tsytsarev, S. and Gilinsky, Y. (2004). The roots of violence in modern Russia: a psychocriminological analysis. In L. Adler and F. Denmark (Eds.) International perspectives on violence. (Ch. 13; pp. 225–40). Westport CT, London: Praeger Publishers.
41. Verchovski, A. (2007). Upper strata and masses of the Russian nationalism. Moscow: Center «Sova» (in Russian).
42. — (Ed.). (2006) Demographic modernization of Russia 1900–2000. Moscow: New Publishers (in Russian).

43. Wewer, G. (1994). Politische korrupcion. Politic-Lexicon. München, Wein: Oldenbourg Verlag.
44. World Bank (2005). World Development Report, 2005. A better investment climate for everyone. Oxford University Press.
45. World Health Organization (1996). World Health Statistics. Annual Report. Geneva: World Health Organization.
46. Young, J. (1999). The exclusive society: social exclusion, crime and difference in late modernity. Sage Publications.

CONTEMPORARY ORGANIZED CRIME IN RUSSIA¹

*Organized crime is a form of social
organization of our society.*

Vladimir Ovchinskiy²

There are many definitions of organized crime given by researchers and specialist such as H. Abadinsky³, J. Albanese⁴, P. Arlacchi⁵, A. Block⁶, D. Smith⁷, but the most appropriate one, which represents more adequately Russian organized crime is the one formulated at the International Seminar on Organized Crime (UN), held at Suzdal, Russian Federation, in October 1991: *organized crime is the functioning of stable, hierarchical associations, engaged in crime as a form of business, and setting up a system of protection against public control by means of corruption.*

Organized crime is not only the «sum of criminal organizations», it is also a complicated social phenomenon which has its influence on the economy and politics of states. The growth of the organization of the criminality is a natural and objective process, being a part of the general development of the social systems, including economy and politics.

The important thing about criminality is that all criminal

1. Опубликовано в: Kego W., Leijonmarck E., Molcean A. (Eds.) *Organized Crime and the Financial Crisis. Recent Trends in the Baltic Sea Region.* Stockholm, 2011, pp.111-126.

2. Vladimir Ovchinskiy – the counselor of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, general-major of police (militia) in retirement, Dr. of Law, Professor.

3. Abadinsky, H. (1994), *Organized Crime.* Chicago, Nelson Hall, 4th edn.

4. Albanese, J. (2000), *Organized Crime: The Mafia Mystique.* In: J. Sheley (Ed.) *Criminology. A Contemporary Handbook.* Wadsworth Publishing Company.

5. Arlacchi, P. (1986), *Mafia Business. The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism.* London, Verso.

6. Block, A. (1994), *Space, Time and Organized Crime.* New York, Transaction Publishers.

7. Smith, D. (1975), *The Mafia Mystique.* New York, Basic Books.

activities arise, exist and develop under certain conditions, the most important of those being:

- ◁ Demand for illegal wares (drugs, arms, etc.) and services (sexual, etc.);

- ◁ Unsatisfied demand for legal wares and services (as it was in USSR);

- ◁ Unemployment and other sources of social exclusion as a base for deviance, including criminality;

- ◁ Deficient tax and customs policy.

- ◁ A criminal organization that builds up its own organized crime system can be defined by the following indispensable characteristics:

- ◁ A stable association of people, designed for long-term activity;

- ◁ The illegal nature of the activity;

- ◁ Obtaining maximum profit as the key goal of the activity;

- ◁ The complex hierarchical structure of the organization with the clear-delimited functions between each level;

- ◁ Corruption used on a large scale to secure and develop criminal schemes;

- ◁ The aspiration to monopolize certain spheres of trade or territories.

The high degree of adaptability and strong vital capacity are also specific characteristics of criminal associations. These features are based on strict discipline and careful selection of members pursued by criminal leaders. Russian criminal organizations usually recruit young, daring and extremely enterprising people.

Organized crime and its trends can be also described through the statistical method. The importance of this approach is even bigger when we try to analyze the interconnection between financial crisis and organized crime and criminality in general.

As we see in the table the criminality was increasing till the financial crisis when the tendency changed. According to the official statistics released by the Russian Ministry of Interior after the beginning of the crisis all parameters of the criminality went down and this evolution still continues.

But there is one important thing that should be taken into consideration when we use the aforementioned information. Unfortunately, the data provided by the official authorities is not as trustworthy as it should be. This requires a special study.

Table 1. Data about crimes committed by criminal organizations (2003-2009) (<http://www.mvd.ru/stats/>)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Reported offences committed by criminal organizations	25671	28161	28611	30209	34814	36601	31643
uncovered members of criminal organizations	10321	10713	10748	11715	11543	10591	10179
uncovered criminal organizations (Art.210 CC RF - Organization of the criminal community)	141	224	244	255	337	325	247

As we see in the table the rate of registered crimes decreased in 1963-1965 (the time of Khrushchev's «thaw») and during the Gorbachev's «Perestroika» in 1986-1988 increased from 816.9 (1987) to 1887.8 (1993) and after a short stable period 1996-1998 increased again to 2700.7 in 2006.

Since 2007 absolutely unexpectedly the rate of criminality drop from 2700.7 in 2006 to 2112.0 in 2009.

Although the general tendency of the criminality during the financial crisis was to decrease (street crimes such as homicide, grievous badly harm, theft etc.), some types of crimes increased (illegal enterprise, smuggling and drug related crimes).

Many experts believe that the reduction is the consequence of the concealment (hiding) of the real statistical data or inadequate record of the reported crimes. But there are also researchers that see this as a part of worldwide change of criminality's dynamic

Table 2. Official data regarding criminality in general reveals the same tendency. Source: Annual «Crime and Delinquency» (1991-2010). Moscow: MVD RF, MJ RF*.

* Crime and Delinquency. Statistical Review (2010).
Moscow: MVD, MJ (in Russian)

Year	Crimes	Rate (per 1000,000 population)	Offenders	Convicts
1983	1,398,239	988.1	1,077,802	809,147
1984	1,402,694	984.4	1,123,351	863,194
1985	1,416,935	987.5	1,154,496	837,310
1986	1,338,424	929.9	1,128,439	797,286
1987	1,185,914	816.9	969,388	580,074
1988	1,220,861	833.9	834,673	427,039
1989	1,619,181	1098.5	847,577	436,988
1990	1,839,451	1242.5	897,299	537,643
1991	2,173,074	1463.,2	956,258	593,823
1992	2,760,652	1856.5	1,148,962	661,392
1993	2,799,614	1887.8	1,262,737	792,410
1994	2,632,708	1778.9	1,441,568	924,754
1995	2,755,669	1862.7	1,595,501	1 035 807
1996	2,625,081	1778.4	1,618,394	1 111 097
1997	2,397,311	1629.3	1,372,161	1 013 431
1998	2,581,940	1759.5	1,481,503	1 071 051
1999	3,001,748	2026.0	1 716 679	1223255
2000	2,952,367	2028.2	1741439	1183631
2001	2,968,255	2045.6	1644242	1244211
2002	2,526,305	1760.5	1257700	859318
2003	2,756,398	1926.2	1236733	767371
2004	2,893,810	2007.2	1,222,504	793,918
2005	3,554,738	2477.6	1,297,123	878,893
2006	3,855,373	2700.7	1,360,860	909,921
2007	3,582,541	2519.0	1,317,582	916,479
2008	3,209,862	2263.6	1,256,199	914,541
2009	2,994,820	2112.0	1,211, 978	882,291

Table 3. Reported crimes in Russia (2005-2009)
(see <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/>)

	2005	2006	2007	2008
Homicides (including attempts)	30362	27039	21895	19740
Grievous bodily harm	57863	51429	47348	45436
Rape (including attapts)	5865	6433	6055	5902
Assault with robbery	63671	59763	45318	35366
Robbery	344440	357302	295071	243957
Theft	1572996	1676983	1566970	1326342
Fraud	179553	225326	211277	192490
Embezzlement	64504	65980	73489	72142
Illegal enterprise	2716	3200	3340	3267
Money laundering	524	631	365	319
Fraudulent Loans	164	181	150	142
Smuggling	4390	6926	6983	7986
Terrorist act	203	112	48	10
Banditism	473	432	38	262
Organization of criminal group	244	255	337	325
Hooliganism	30041	28645	20360	13589
Drug-related crimes	44855	61596	73636	83506
Abuse of power	6941	6634	5852	6055
Exceeding Authority or Official powers	8939	9185	6736	5804
Receiving of bribe	5720	6546	6788	7131
Giving of bribe	4101	4517	4828	5381

(especially in case of homicide). The criminality was constantly growing since 1950's, but this tendency changed in the beginning of the XXI century and the level of committed crimes started decreasing back⁸.

It is also possible that we see in the tables the combined result of real reduction and hiding of a certain amount of crimes.

The best way to analyze and understand the contemporary Russian criminality is to have a look at its short history⁹. One can distinguish several periods in the development of Russian criminality.

The second decade of 1970's – the first decade of 1980's.

It is believed that Russian organized crime in its more or less contemporary shape emerged during this period of time. This was quite a controversial time of small illegal businesses, newly appeared «co-operative societies», speculations («farcovka») and illegal exchange of foreign currency. There were also some cases of big illegal businesses carried out under the protection and with the participation of high positioned Communist party leaders.

The scandals with illegal manufacturing and sale of cotton, fruits, caviar and fish in 1970's and 1980's revealed how strong were the ties between «tenevics» (shady dealers), professional criminals and some communist leaders. There were several investigations that proved the deep involvement of the First Secretaries of the Central Committees of the Communist Party in some Soviet republics (Uzbekistan, Azerbaijan, Moldova, Georgia and Kazakhstan), officials from central of Communist Party and even some high officials from law enforcement bodies.

8. Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) (2010) *International Statistics on Crime and Justice*. Helsinki: HEUNI.

9. Gilinskiy, Y. (1998), *Organised Crime: The Russian and World Perspective*. In: K. Aromaa (Ed.) *The Baltic Region. Insights in Crime and Crime Control*. Oslo: Pax Forlag A/S, 168-182; Gilinskiy, Y., Kostjukovsky, Y. (2004), *From Thievish Artel to Criminal Corporation: the History of Organised Crime in Russia*. In: C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) *Organised Crime in Europe. Concepts, Patterns and Control Policies in the European Union and Beyond*. Springer. Vol. 4: 181-202; Gilinskiy, Y. (2006) *Crime in Contemporary Russia*, *European Journal of Criminology*. Vol 3, 3: 259-292.

The second decade of 1980's – the first decade of 1990's

This period of time was characterized as a stage of consolidation and shaping of Russian organized crime. In the beginning of 1990's there were four criminal communities of «mafia» type in St Petersburg (Tambov, Azerbaijan, Chechen, Kazan gangs), some dozen of criminal associations (such as Kamarov gang) and hundreds of criminal groups. All these organized crime groups were mainly involved in illegal activities such as racketeering, drug trafficking, «protection» of small and middle businesses, prostitution, stealing and reselling of cars, gambling, illegal trading and smuggling of non-ferrous metals over the border. Another area of deep involvement of organized crime was the production of strong alcohol beverages, to be precise, counterfeit beverages. It was a period of time when the shelves in Russian shops were full of «Absolut» vodka, «Napoleon» cognac and «Amaretto» liquor produced in basements.

The Center of Deviantology (Sociology of Deviance) of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences has been involved in a criminological study on the black market, economy and organized crime since 1993. Business in St. Petersburg and other regions of Russia was divided among the criminal communities. Excellently organized informational services enable them to track and monitor all the commercial structures, and the moment when a new commercial structure begins making a profit, it arouses the interest of criminal groups. As one businessman interviewed asserted: «100% of commercial structures are affected by racketeering...»¹⁰.

Racketeering penetrated all the enterprises except those of military-industrial complexes and some foreign firms». One FSB officer (Federal Service Security) told me: «Criminal associations control about 90% of business».

There were two types of racketeering practiced by organized crime groups: money extortion from kiosks and small shops owners (black racket) and racketeering of middle and big commercial enterprises. The latter type had several forms such as payments for «guarding» or debts recovering. In some cases criminal organizations were «protecting» the enterprises in such a

10. Different interviews hereinafter: Gilinskiy, Y. Criminology: Theory, History, Empirical Basis, Social Control. 2nd edn., SPb., 2009, pp. 275-288 (in Russian).

way so that eventually their representatives became shareholders.

Most of the state-owned business enterprises operating in that times, found themselves being «under the protection» of bandits: they were «guarded» by some gang (band) against other gangs and had to pay «tribute» for that and render (obligatory) services. In particular, criminal organization included their «representatives» on councils of directors, boards of business enterprises, organizations and banks. Thus legal and illegal business merged.

Beside the fact that organized crime was flourishing there were created all preconditions for the businessmen to commit crimes, they were almost forced to do that. One had to bribe in almost all cases: when registering business; renting premises from state bodies; acquiring licenses for their utilization from state bodies; for obtaining low-interest bank loans; when reporting to tax inspectors; when completing customs formalities; etc.

One had to conceal revenues, since with that taxation rate amounting to 80-85%, no one could survive in competition with other firms if honestly declaring all revenues.

The rigid normative regulations in some areas of economic activity and the absence of such regulations in other fields resulted in businessmen ignoring the law in some cases, and making their own «laws» in others.

The synthesis of legal and illegal elements in the country's economy engenders such absurdities as fake goods and services.

It is also worth mentioning the growing use of high technologies by criminal organizations in that period. Initially the representatives of Russian criminal world did not pay any attention to new developments in this field, but in a short period of time their attitude was totally changed. There was an increasing number of cases when criminal structures made use of computer technologies to commit different types of crimes, in particular bank frauds. The new developed technologies were also used for the production of counterfeit alcoholic beverages, synthetic drugs production, in car thefts and manufacturing of weapons. The important thing to be stressed is that organized crime groups not only used the products of scientific development but also were attracting and enrolling scientists (chemists, programmers etc.) who where permanently working for criminal purposes.

Drug dealing was believed to be the least visible and well established criminal activity In Russia, during the first decade

of the 90's. This was the direct result of widespread corruption within the law enforcement agencies and public institutions difficult relations and low level of cooperation with countries from where drugs originated.

There are some fragments from the interviews of Dr. Yakov Kostjukovsky (the Center of Deviantology) with representatives of the criminal organizations about their activity.

I. (interviewer): What types of criminal business are most popular?

R. (respondent): I think only for 1994 a half of the whole metal from Russia was illegally exported while the rest of it sold by officials. This was good business! People for two-three months have earned so that hitherto is enough. Truly it was hard work for 25 hours in the day. But the play worthed the candles. Difference in prices here and in Estonia, for instance, was enormous.

Theft and resale of cars is one of the kinds of criminal activity.

I.: Do you get in touch with foreigners?

R.: Yes, of course. We have joint business of cars. It is exchange.

I.: Is that?

R.: Natural. Somebody drive away car here, in St. Petersburg, and car going to Holland, and from Holland also to here... Generally, it is a whole system in Germany, Poland, France, Hungary, Holland and Russia. Just so, it is OK! There is international contact.

Prostitution became quite profitable activity for criminal structures during that time as well, being mainly practiced through massage salons, public saunas and escort firms. This fact provoked a slight transformation of «street prostitution» into the «hotel prostitution». This type of prostitution was persistent in soviet period also, but at much lower scale. All hotels in main cities were divided between criminal gangs, so that each gang was controlling the prostitution in «their» hotels. At the same time, after the collapse of Soviet Union a new type of criminal activity became available for the criminal structures: human trafficking, especially for sexual exploitation.

I.: What about organization of prostitution?

R.: Prostitution in St. Petersburg is already industry. And it happened not yesterday. There are hundreds «kontor» (illegal

agencies of sex service - I.). It is more developed in Moscow... In our city the most expensive women are in pubs, hotels, casinos. Then are «call girls», girls in saunas, girls in «centers of leisure». So...massage salons, make-up salons. Street girls are the cheaper...

I.: And what about children's prostitution?

R.: Sure. This is very expensive. But there are too many drunkards, who are selling their own children. It is possible for a bottle of vodka literally too. If speaking of prostitution in general, certainly, there is male prostitution and gay prostitution too. And males are higher in cost.

I.: What you can say about «business trips»?

R.: Yes, it happens. Moreover girls are not always whores. It can be the team of girls for the striptease work, or for service in general. But they are exported to, for example, to Turkey and they are forced to work as whores. This is their happiness if they can escape. There are usually much bad ends...

The second decade of 1990's – the beginning of 2000's

This is the period of the bloom of traditional organized crime and its gradual penetration into the state structures and business.

Criminal organizations played a very active role during the privatization process. One of our respondents has said: «Their goal is to take under the control the real estate». Using their connections and influence within the state bodies they were always in a possession of information about forthcoming auctions of state properties, shares and stocks. After that, through methods such as threatening and violence they usually were able to convince potential buyers to abstain from any active movements during auctions.

One more specific feature of this period is the arms trade which became quite widespread and profitable activity among Russian organized crime groups. Hard economic conditions in which Russian Army were existing provoked a situation when systemic larceny or «disappearance» of weapons and technologies became a normality in the majority of military units.

The drug market suffered substantial changes by the end of 1990's. Cannabis and poppy straw which use to be the most popular «products» on market were replaced by more exotic for that time heroin and cocaine. These changes were caused by cooperation

that was established between Russian criminal groups and those from the countries where heroin and cocaine were produced.

During that period criminal organizations were different in number and members, influence and types of activities, but all of them had the same essence: illegal entrepreneurship.

Several facts related to organized crime are specific for that period:

- ◁ Organized crime groups managed to establish its influence over 40-60% of enterprise and 60-80% of banks;

- ◁ It was a period of high profit derived from criminal activity;

- ◁ Organized crime groups started to perform some of the law enforcement bodies' functions such as «arbitration», enforcement of rulings (court's decisions), «executive functions» and «protection» («krysha»), etc.

- ◁ Extremely high level of corruption within the administrative and law enforcement bodies at all levels;

- ◁ There were many preconditions for the development of organized crime such as high rate of unemployment especially among young generation, criminal mentality, social anomie and impossibility to prosper do business only with legal methods because of corruption, high taxes;

- ◁ The use of violence at large scale;

- ◁ The strong tendency of organized crime groups to legalize their criminal activities through infiltration into the legal business and state bodies

- ◁ A part of criminal leaders managed to launder their illegally obtained assets and continued with legal or semi legal activities;

- ◁ During this time organized crime and politics got closer to each other.

From the beginning of 2000's till now

It is quite difficult to explain the processes related to organized crime during this period. The easiest way will be to show the answer that was given to me in 2005 by one police officer from the Anti Organized Crime Division when I asked him what he thinks about contemporary Russian organized crime: *“It does not exist.*

There are we, menty¹¹. Now we control all stalls, markets and tochky¹². Today all small trade enterprises, small and middle businesses are under ment's roof. "

Another police officer from the Internal Security Division confirmed that the small and middle businesses are shifting from bandits under the police roof. The biggest problem is that these police officers are involved in criminal activities with the consent and under the control of their bosses. And this is not a problem of one city or region this is a problem of the whole country. Nowadays is believed that Russian police (militia) is an entire organized criminal group (community). There are plenty of reports, articles and on-line publications that reveal the scale of criminal activities and schemes carried on by representatives of Russian law enforcement bodies.

So, militia «protects» for money small and middle businesses as well as drug dealers, criminal leaders and does not do anything to solve the problem of organized crime. Moreover, militia is deeply involved in so called «black raid» through which they are trying to seizure all legal and illegal profitable businesses. The thing that should be mentioned is that during the financial crisis most of small and middle enterprises weakened so that it became even easier for militia to take them under its control. In case of organized criminal groups we have to admit that despite all efforts taken by militia to replace them they still exist. But the majority of them operate depending on or under the «protection» of militia.

An important and very visible feature of Russian organized crime is its striving for getting influence on the state authority (power) with the purpose to improve or secure its criminal businesses. The most often used methods are lobbying, bribery, infiltration of its representatives into the power structures etc.

There are many cases when criminal leaders managed to become mayors of big cities (Gennady Konyahin in Leninsk-Kuzneck city, Vladimir Nicolaev «Winnie the Pooh» in Vladivostok city), deputy heads of local public administration bodies (Alexandr Chabarov, leader of criminal organization «Uralmash» and Sergey Tsapok, leader of criminal organization in Krasnodarsky region). Two last persons also got somehow PhD degree.

11. "Ment" – it is a slang used for police officer .

12. "Tochka" – it is a slang used for places were drugs can be bought.

As it was stated above many organized crime groups operated under the protection and with the help of militia. This offered them the possibility to be active for a long period of time without any legal consequences and punishment. As an example of such «longevity» could serve the criminal groups of Sergey Tsapok in Krasnodarsky region, Kozaev in Sverdlovsky region, Alexandr Trunov in Novosibirsk region and so on.

It is easier to understand the real magnitude of the organized crime problem in Russia by analyzing the «Kushchevskaya case».

Kushchevskaya is a big Cossack's village («stanicha») in Krasnodar Region in Southern Russia. The population in this «stanicha» is more that 35000 people.

On 5 November 2010 a terrible crime was committed in the village of Kushchevskaya in Krasnodar Territory. A farmer, Serever Ametov, was killed in his own house together with other 11 people – his family, including three children, and visitors – died with him. Not long afterwards the police arrested Sergei Tsapok, accusing him of having organized the murders, and several other people of carrying them out. The investigation is ongoing but the evidence is incontrovertible and it is quite clear that the crime was committed by the Tsapok's organized crime group that has been terrorizing the area for a long period of time. Unfortunately this criminal case also says quite a lot about present-day Russian politics and criminal situation.

The counselor of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, general-major of militia in retirement, Professor Vladimir Ovchinsky told to «Moskovsky «Komsomolets newspaper on 25.11.2010 and «Ogonjok» journal on 22.11.2010: «Kushchevskaya case is not an anomaly, but a mirror of the whole organized crime situation in Russia. The heads of law enforcement bodies are constantly reporting about the reduction of criminality, manipulating the statistical data and concealing the real situation in country. The main question is how it is possible that enormous Tsapok's gang has been acting without being touched and punished for so many years? The population of this village was kept in continuous fear as in concentration camp.»

Another example is the Kazbek Kozaev's gang from Berezovsk city, Sverdlovckaya Region. This organized crime group was so powerful that it managed somehow to take under control the

whole city. The depth of the problem was seen only after the slaughter initiated by Kozaev and his gang in one of the cafés in October 2010. During that mass fight Kozaev was deadly wounded by a policeman that was trying to restore the order. The events lead to numerous disturbances which were possible to be stopped only by federal special forces.

There are many other examples that show the incapacity or willingness of Russian authorities to solve the organized crime problem. In most of these cases the cause of ineffectiveness is the strong connections between representatives of power and organized crime groups. Sometimes connections are so strong that state and organized crime seem to be a single whole.

Resuming what was written before we can say that nowadays the criminalization of business combined with economization and politicization of crime takes place in Russia.

In November 19, 2010, the counselor of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, general-major of militia in retirement, Professor Vladimir Ovchinsky mentioned during his interview to Radio «Liberty»: «The situation with organized crime in Russian is critical. In 1990's organized crime groups were just trying to get into the power, but now they are already within the public institutions». Itself the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, Valery Zorkin, stated that «there are all preconditions for the state (Russia) to shift from criminalized to criminal»¹³. Even the President of Russian Federation, Dmitry Medvedev, admitted that one of the biggest problems to be solved is «the direct merging of state structures with criminality»¹⁴.

The afore mentioned opinion is supported by the Chairman of the Central Election Commission of Russian Federation, Vladimir Churov who recently said that «the authorities must stop the attempts of criminal group's representatives to get into the electoral lists of political parties as well as their endeavor to be a part of electoral commissions».

13. Валерий Зорькин, Конституция против криминала, «Российская газета», No. 5359 (280), December 10, 2010, <http://www.rg.ru/2010/12/10/zorkin.html> (accessed March 14, 2010)

14. Dmitry Medvedev's Message to the Federal Assembly of Russia, «Российская газета», No. 5350 (280), December 1, 2010, <http://www.rg.ru/2010/11/30/poslanie-tekst.html> (accessed March 14, 2010)

Although organized crime has all preconditions to flourish in Russia, there is also competition and fight for the spheres of influence between criminal groups. As a result of these disputes Vyacheslav Ivankov «Yaponchik» was killed (September 12, 2009) and Aslan Usayan «Grandparent Hasan» gravely wounded (September 16, 2010).

Conclusion

It is quite difficult (if not impossible) for those who do not live in Russia and do not study this phenomenon to understand Russian organized crime. There is no organized crime in its traditional form. It is an amalgamation of criminal groups, legal and semi-legal businesses, law enforcement bodies that control regions and decide the fate of the whole country. Maybe this is why the impact of financial crisis on organized crime is not so visible in Russia.

References

Abadinsky, H. (1994), *Organized Crime*. Chicago, Nelson Hall, 4th edn.

Albanese, J. (2000), *Organized Crime: The Mafia Mystique*. In: J. Sheley (Ed.) *Criminology. A Contemporary Handbook*. Wadsworth Publishing Company.

Arlacchi, P. (1986), *Mafia Business. The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism*. London, Verso.

Block, A. (1994), *Space, Time and Organized Crime*. New York, Transaction Publishers.

Crime and Delinquency. Statistical Review (2009). Moscow: MVD, MJ (in Russian).

Gilinskiy, Y. (1997), *Organized Crime in Russia: Theory and Practice*, *Security Journal*, 9, 165-69.

Gilinskiy, Y. (1998), *Organised Crime: The Russian and World Perspective*. In: K. Aromaa (Ed.) *The Baltic Region. Insights in Crime and Crime Control*. Oslo: Pax Forlag A/S, 168-182.

Gilinskiy, Y. (1998), *Economic Crime in Contemporary Russia*, *European Financial Services Law*, 5, 60-5.

Gilinskiy, Y. (2002), *Organized Crime: A Perspective from Russia*. In: J. Albanese, D. Das and A. Verma (Eds.) *Organized*

Crime: World Perspectives. NJ: Prentice Hall, 146-164.

Gilinskiy, Y. (2006) Crime in Contemporary Russia, *European Journal of Criminology*. Vol 3, 3: 259-292.

Gilinskiy, Y., Kostjukovsky, Y. (2001), Le crime organisé en Russie. Un état des lieux à Saint- Petersburg, *Cultures et Conflits* 42: 69-93.

Gilinskiy, Y., Kostjukovsky, Y. (2004), From Thievish Artel to Criminal Corporation: the History of Organised Crime in Russia. In: C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) *Organised Crime in Europe. Concepts, Patterns and Control Policies in the European Union and Beyond*. Springer. Vol. 4: 181-202.

Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) (2010) *International Statistics on Crime and Justice*. Helsinki: HEUNI.

Janitskiy, O. (2004) Modern and its Waste // *Sociological Journal*, 1/2 (in Russian).

Smith, D. (1975), *The Mafia Mystique*. New York, Basic Books.

Vishnevsky, A. (Ed.) (2002) *Population of Russia: 2001*. Moscow: University (in Russian).

World Development Report, 2005. *A Better Investment Climate for Everyone* (2004). Oxford University Press.

URL: <http://www.abird.ru/articles/unemployment>

URL: <http://www.nplc.lt/centrov/reng/ren014/ren014.aspx>

URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/>

URL: <http://www.mvd.ru/stats/>

URL: <http://vsekommentarii.com/news/2010/02/16/2039564.htm>

URL: <http://news.mail.ru/incident/4860592/>

TORTURE BY THE RUSSIAN POLICE: AN EMPIRICAL STUDY¹

Abstract

Torture by police in Russia is the subject only of anecdote and rumors, no research exists on the topic. In the absence of such reliable research or official government reports, torture, or the use of excessive force as it is known in the Western world has been poorly understood and its extent largely unknown. This paper reports on surveys conducted by the non-government organization 'Committee Against Torture' (Nizhny Novgorod, Russian Federation) with the support of the John D. and Catherine T. Macarthur Foundation. The surveys were conducted in five regions of Russia: St. Petersburg and Pskov (North-West of Russian Federation), Nizhny Novgorod (Central region), Chita (Siberia) and Komi Republic (North of Russia. A survey of citizens found that an average of 58 percent believed innocent people are tortured by police and four percent of respondents reported experiencing torture at the hands of the police. In two surveys of prisoners, 39 percent of respondents in Chita alleged they had experienced threats or cruel physical treatment by police, and 61 percent of prisoners in Komi alleged they had experienced threats or cruel physical treatment by police. The paper details the types of maltreatment experienced by persons in police detention and emphasizes the need for urgent action to address the problem.

Keywords: police; torture; Russia

Introduction

Scholars recognize that policing is an occupation vulnerable to diverse types of misconduct. Even established advanced democracies have seen major scandals and exposés of police financial corruption, process corruption and violence (Punch, 2003). It is also generally accepted that police in non-democratic

1. Опубликовано в: Police Practice and Research. An International Journal, 2011, Vol.12, N2, pp. 163-171.

and authoritarian states use intimidation, excessive force and torture as routine instruments of law enforcement. New democracies and developing countries are also prone to significant problems of illegal activity by police.

The Russian Federation presents as a prime case of a new democracy emerging from a brutal totalitarian past with major challenges in reconstructing policing along democratic lines (Gilinskiy, 2005; Prenzler, 2002). Strong traditions of deference to police, a culture of secrecy, as well as lack of resources, mean that standard anti-corruption measures are absent, including independent police oversight agencies and advanced professional standards units. There is also a void of research on the problem. Nonetheless, police misconduct, including excessive force and torture, is widely believed to be a very real and disturbing problem in Russia. The scale and impunity for torture and brutality by law-enforcement bodies seriously endanger the life and health, rights and freedoms of Russian people, as well as undermining the foundations of justice, civil society and the state.

Some methods of torture appear to be more widespread in some specific regions of Russia. The problem allegedly became more acute, for example, after the government began its 'crime combat intensification' campaign against rebels in the Chechen Republic in 1994. What we know about these events comes mostly from the media which described different torture techniques used by police in several reports. These techniques include the 'baby elephant' (the use of a gas mask to reduce or stop breathing, sometimes using a gas), 'the swallow' (hanging with ropes), 'crucifixion' (the name is self-explanatory) and 'the envelope' (when the victim is folded like an envelope). New sexual tortures by police include the 'baton spread', involving rape using a police baton (New Newspaper, 2009, p. 12). According to Media accounts, torture has become an everyday practice in Russia.

The *Obschaya Gazeta* ('Common Newspaper') introduced a regular column called 'Torture as Everyday Routine in Russia' at the end of the 1990s, and the *Novaja Gazeta* ('New Newspaper') began a column 'Public Verdict' devoted to the same issue.

A separate problem is torture in penal institutions. Normal conditions of stay in pre-trial remand centers (SIZOs) and in prisons are torturous. Officials in prisons maintain so-called 'pressing huts' – cells where they put suspects who refuse

to incriminate themselves and where other criminals obtain confessions by torture in return for certain privileges. For example, St. Petersburg's newspaper Chas Pik ('Peak Hour') published an article about a pressing hut in the SIZO 'Kresty' ('Crosses') prison in St. Petersburg (Crucifixion, 1998). The 'White Swans' – torture colonies where disruptive are incarcerated – have become notorious. Activists in Russian and international human rights organizations have registered many cases of torture from the complaints of those who escape.

The Russian government has not taken effective measures to prevent police brutality, and the underlying causes of the widespread use of torture have not yet been eradicated. The topic of police torture is not acknowledged by authorities and the only sources are the Media and non-government organizations (NGOs) (see for example Law and its Victims, 2004; Torture in Russia, 1997 & 1998; Torture: Crime without Punishment, 2004; Russian 'Abu-Ghraib', 2004; Russian 'Abu Ghraib-2', 2005).

The widespread use of torture results from a number of factors. Torture is applied to obtain confessions from suspects in SIZOs as well as to punish 'habitual bad behaviors' in prisons. There is a general lack of professionalism of investigators and prosecutors due to low salaries, poor supervision, and better officers moving to business and private security firms. Instead of investigating cases thoroughly and using the objective evidence available, investigators resort to the shortcuts: using threats, fraud, provocation and torture to extract confessions. Torture is also associated with a culture of corruption in which it is considered normal for investigators and prosecutors to take bribes. Higher placed officials also urge the use of torture to solve cases and improve 'clean-up' rates – the percentage of solved cases – an important criterion for evaluating a law-enforcement agency's performance. Furthermore, torture and the use of cruel and inhumane punishments go unpunished. In practice, a law-enforcement officer is almost never criminally prosecuted for using torture. There are also a number of officers with a sadistic orientation who take pleasure in torturing people. Violence and torture are also venerable Russian traditions stretching from the police and gendarmerie of Tsarist Russia to the repressions of the Soviet regime. The final and main cause is the total absence of so-called 'political will' on the part of authorities to stop torture.

It appears then that cases of torture and barbaric treatment are widespread in Russia, and that there is no system of control to protect suspects and citizens from cruelty and brutality by police (Inshakov, 2007, p. 149). It also appears that government policy is not to admit the problem of torture and consequently to take no steps to solve it. Despite the evidence of numerous cases of torture in Russia the number of officially recorded cases of 'coercion to get evidence' (Article 302 of the Criminal Code of Russian Federation) and persons who were actually found guilty of committing a crime are ridiculously small: 33 and 4 respectively in 1999; 12 and 6 in 2000; 19 and 3 in 2001; 18 and 4 in 2002; 2 and 0 in 2003; 4 and 0 in 2004; 7 and 2 in 2005; 4 and 6 in 2006; 5 and 2 in 2007 (Dolgova, 2001, p. 543; Dolgova, 2005, p. 318; Dolgova, 2008, p. 232). Because of the lack of reliable information on police use of excessive force or torture, it was decided to conduct an exploratory study of this type of activity in Russia.

Methods

In order to improve knowledge about the extent and nature of police torture in Russia four separate surveys were devised and implemented in 2005-2006: a citizen public opinion survey, a survey of prisoners, a survey of experts, and a street survey. The surveys were coordinated by the Center of Deviantology of the Sociological Institute in St. Petersburg. The research was conducted for the non-government organization 'Committee Against Torture' (Nizhny Novgorod, Russian Federation), funded in part by the John D. and Catherine T. Macarthur Foundation. For the purposes of the surveys the researchers adopted the definition in Article One of the *UN Convention Against Torture and other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment*:

Torture means any act by which severe pain or suffering, whether physical or mental, is intentionally inflicted on a person for such purposes as obtaining from him or a third person information or a confession, punishing him for an act he or a third person has committed or is suspected of having committed, or intimidating or coercing him or a third person, or for any reason based on discrimination of any kind, when

such pain or suffering is inflicted by or at the instigation of or with the consent or acquiescence of a public official or other person acting in an official capacity.

This definition of torture does not include pain or suffering arising only from, inherent in or incidental to lawful sanctions.

The citizen surveys were carried out by face-to-face interviews at the respondents' homes among adults (>16 years old) in five regions (St. Petersburg, Pskov, Nizhny Novgorod, the Komi Republic, and Chita) using a standardized questionnaire. The questionnaire consisted of two parts: 'A' – for every participant, and 'B' – for those who were physically or psychologically ill-treated in police custody. The surveys were conducted by professional teams of sociologists from the Center of Deviantology of the Sociological Institute headed by Y. Gilinskiy in St. Petersburg, the Service of Social and Marketing Information headed by T. Kuneeva in Pskov, the Institute of Sociology headed by D. Zernov in N. Novgorod, the Transbaikalia Region Agency of Public Communications headed by E. Fedorova in Chita, and the 'Memorial' headed by I. Sazhin in Komi. In total 5,565 people were surveyed, including 2,005 in St. Petersburg, 600 in Pskov, 1,000 in N. Novgorod, 1,101 in Komi and 859 in Chita.

In three of the regions interviews were conducted with an opportunity sample of key informants – or 'experts' – who were willing to be interviewed. In St. Petersburg the interviewees included two lawyers, three police officers, two human rights defenders, one officer of prosecutions, one forensic medical expert and one former criminal. In N. Novgorod the interviewees included four lawyers, four police officers and two officials from the prosecution service. In Chita they consisted of seven prosecution officials, three lawyers, three medical experts, one human rights defender and one judge.

In Komi and Chita prisoners were approached directly by researchers and asked to complete a questionnaire concerning only ill-treatment of suspects. The questions all related to the experience of the suspect before they were convicted and imprisoned. Respondents were not questioned about their experiences in penal institutions in order to ensure their answers were concerned exclusively with their experiences with police. The response rate was 90 percent. In St. Petersburg a street survey

was carried out by researchers approaching pedestrians and asking them to complete a questionnaire. There were 540 total respondents.

Results

1. Opinions amongst citizens

The following results were obtained from the survey of residents in the five regions. On the question of experience of torture by law-enforcement officers in one year alone (2004), the following affirmative responses were recorded: in St. Petersburg 68 people or 3.3% of the respondents, in Pskov 28 people or 4.6%, in Nizhny Novgorod 34 or 3.4%, in Komi 51 or 4.6%, in Chita 39 people or 4.1%. Respondents were also asked if third persons they knew (relatives, friends, colleagues) had been subjected to unlawful and arbitrary torture in 2004. The results were 9.3% of the respondents in St. Petersburg, 7.9% in Pskov, 17.7% in Chita, 12.3% in N. Novgorod and 14.9% in Komi. Additionally, respondents were asked if third persons they knew (relatives, friends, colleagues) had been subjected to torture in 2004 for the purposes of punishment, getting confessions or evidence, or threats. The results were 1.5% of the respondents in St. Petersburg, 1.2% in Pskov, 3.3% in Chita, 0.2% in N. Novgorod and 1.0% in Komi

Respondents were also asked about their general views on police torture. Only 25.5% of the respondents in St. Petersburg agreed with the statement 'innocent people are not being tortured', whereas 51.9% did not agree with the statement. The responses were 36.2% agreed and 47.7% disagreed in Pskov, 16.4% agreed and 58.9% disagreed in N. Novgorod, 16.6% agreed and 64.5% disagreed in Chita, and 15.8% agreed and 68.6% disagreed in Komi. Asked if it was 'most likely that they or their relatives or friends will need legal protection from torture', the affirmative responses were 47.6% of the respondents in St. Petersburg, 46.5% in Pskov, 53.0% in N. Novgorod, 62.6% in Komi and 57.1% in Chita. In St. Petersburg 64.3% of the respondents stated they believed that there were cases of torture in Russia (including 27.9% who believe that cases of torture took place 'systematically'). The results included 56.0% in Pskov (including 26.5% systematically), 64.4% in N. Novgorod (including 35.4% systematically), 72.7% in Komi (including 30.9% systematically) and 54.6% in Chita

(including 20.8% systematically). In most of the regions, police patrol officers and investigation departments were identified as being most involved in unlawful cruel treatment. Less involved were officers of the Federal Security Service, prosecutors (except Komi) and court officials (except Komi).

In most of the regions almost all respondents identified the forms of torture listed in the questionnaire. As shown in Table 1, these included suffocation (including by a gas mask), deprivation (sleep, water, food, natural needs, etc), physically unendurable positions (stretching, tying, handcuffing; hanging, throwing, distention, arm screwing), electricity, beating, immersion in water, fraying nerves using scary sounds and light, cold inhuman conditions, use of cellmates for violence, and cauterization (boiling water, hot objects and cigarette-butts). The most common methods respondents knew about were beating, subjecting people to cold and inhuman conditions, and awkward positions (including hanging, throwing, stretching, arm screwing etc.). Less common were the use of electricity, immersion in water (except Komi, where there are 20 such cases identified), cauterization, and other of forms of torture with the application of boiling water and hot objects resulting in scalding and burns. Respondents also mentioned being threatened with firearms, imprisonment, and physical and sexual violence.

Table 1 about here

The alleged motives for torture identified by respondents are shown in Table 2. The most common motives identified were humiliation, amusement, extortion (of belongings or money), and coercion to force detainees to incriminate themselves or other persons. Less commonly ascribed motives included vengeance and ‘torture for taking part in public protest actions, opposition to authority, appeals against abuses’.

Table 2 about here

2. Views of prisoners

Surveys of prisoners were carried out in two regions: Komi (197 convicts) and Chita (150 convicts). Prisoners were questioned only about torture they had or had not experienced a year before conviction. This condition was essential to exclude answers

dealing with the situation in penitentiary institutions. In Komi, 39.0% of convicts claimed to have been subject to unlawful or unjustified cruel physical treatment or threat of such treatment, including 10.1% who said that mistreatment was 'systematic'. In Chita, the percentage of convicts who said they were subjected to unlawful or unjustified cruel physical treatment or threats of such a treatment was 61.3% (including 21.3% systematically). Furthermore, 40.0% of those interviewed in Komi and 56.7% in Chita said that they had been subjected to unlawful physical pressure in order to confess or incriminate themselves or other persons (or testify against other persons) or to make them refuse to testify.

In terms of methods of physical ill-treatment, physically unendurable positions (stretching, hanging, throwing, handcuffing, etc.) were most prevalent: 29.4% in Komi and 43.4% in Chita. The next most prevalent method was beating: 26.4% in Komi and 44.6% in Chita. The main categories of police torturers were as follows: criminal police and detectives 29.4% in Komi and 42.0% in Chita, prosecution officials 7.1% in Komi and 11.3% in Chita, and senior police personnel 10.7% in Komi and 16.0% in Chita. Prisoners were more aware of cases of torture of other persons than citizens – 21.9% in Komi and 38.0% in Chita – and more claimed to have witnessed torture against other persons – 24.3% in Komi and 38.0% in Chita.

3. Interviews with experts

Interviews with expert informants (n = 35) were carried out in three of the regions: St. Petersburg, N. Novgorod and Chita. The findings are summarized below.

◁ 13 believed that cases of torture took place in single cases, eight from time to time and 11 systematically.

◁ Most experts stated that all categories of people were equally at risk of police torture. Some believed that tramps, homeless people, former convicts, Caucasians, and crime suspects were more likely to become torture victims.

◁ The most significant reason given for the widespread use of torture was the low proficiency level of personnel in law-enforcement agencies: 26 experts talked of the inadequate mentality of law-enforcement agencies and the lack of

professionalism, 24 claimed there was a readiness for violence, 15 stated that impunity was the key cause, and 14 experts blamed the traditions of Stalin's work camps (GULAGs).

◁ In terms of methods of torture, 20 experts believed that torture by suffocation was used; 24 by deprivation (of sleep, air, water etc.); 26 by uncomfortable or unendurable positions (stretching, hanging, throwing, arms screwing); 16 by electricity; 30 by beating; 12 by immersion in water; 26 by psychological pressure to fray nerves (scary sounds and light); 25 by being in cold inhumane conditions; 14 by 25; 24 by using cellmates for torture; 22 by psychological pressure, including threats; and 10 by torture of third parties to get something from their relatives

◁ In terms of motives for using torture, all 35 experts considered coercion to testify as a motive for the use of torture; 19 identified coercion to disclose commercial secrets, classified information, to reject a deal, etc.; 21 for extortion; 19 for vengeance; 24 for humiliation or amusement; 23 because of racial, religious or political intolerance; 13 for taking part in public protest actions, opposition and appeals against abuses.

◁ 31 experts named OMON (police special forces) as the group who most frequently engaged in torture, 20 identified traffic police officers, 29 referred to officers of other special police forces apart from OMON, 17 to patrol officers, 14 to armed guards, 7 to traffic police officers, 30 to investigators, 13 to officers of the Federal Security Service, 8 to prosecutors, 29 to C.I.D. detectives, 28 to prison officers, 30 to cellmates and other third persons, 9 to staff of detoxification centers, and 4 to court ushers.

4. Street opinion poll

As noted above, 549 citizens were interviewed on the streets in St. Petersburg. Of these, 21.3% said they had been subjected to unlawful ill-treatment by law-enforcement officers at least once in their life, and 5.9% in 2005. To the question, 'Who are you afraid of most: criminals or law-enforcement officers?' 11.9% answered law-enforcement officers, 40.9% criminals, and 36.7% both equally. Additionally, 68.7% of respondents felt they were 'fully unprotected' from police brutality (34.8%) or 'partially unprotected' from police brutality (33.9%), while 11.7% felt they were 'quite protected' and only 4.1% 'fully protected'.

Conclusions

As noted above, very little is known about excessive force or torture by the hands of the police in Russia. The present study, although exploratory and limited to selected regions in Russia provides a first glimpse into the opinions of what occurs in police custody. The results of these triangulated studies strongly support the general supposition, outlined above, that torture by police is a serious and widespread practice in Russia. As many as one-fifth of the population claim to have experienced some form of mistreatment by police. Amongst convicted persons who have served prison terms the proportion is much higher – between 39% and 61% depending on the location. Police brutality is known to exist in different countries at different times. But there are sharp distinctions in the scale of this phenomenon and the official reaction to it. In Russia it appears that torture by state law enforcement officials is an entrenched and systematic problem. Torture is carried out for multiple purposes, including as extra-legal punishment, and in order to fabricate evidence by eliciting false confessions and false testimony. This then corrupts the whole legal process. However, it appears that the official policy is to either deny or deliberately ignore the problem. This means that corrupt police can act with confidence that they have impunity from investigation, prosecution and accountability.

The findings from this research underscore the need for concerned groups within and outside Russia to lobby for the implementation of human rights in police procedures. More international pressure needs to be applied to the Russian government to address the problem. There are now well-established model systems for minimizing police misconduct (Prenzler, 2009; Punch, 2000). The prohibition on torture needs to be built into all police codes of conduct, and built into pre-service and in-service training programs. Police departments need to establish internal professional standards departments with a priority mission to eliminate torture. These units need to inspect police facilities, respond to complaints, and use covert methods to ensure compliance with procedural standards. It is also essential that external oversight agencies are established with the resources and powers to investigate citizen complaints, proactively inspect facilities and ensure corrupt police are prosecuted and removed

from service. It is also essential that prosecutors and judges act as a check on police torture by ensuring that evidence coerced from suspects is not allowed to be admitted into trials. Surveys of the kind reported on in this paper should also be conducted at regular intervals to evaluate progress in human rights objectives and the impacts of measures designed to eliminate torture.

References

1. Crucifixion in 'Kresty'-2 (1998). Chas Pik, 4 March (in Russian).

2. Dolgova, A.I. (Ed.) (2001) Rule of Crime, Strategy of Fight and Law. Moscow: Russian Criminological Association (in Russian).

3. Dolgova, A.I. (Ed.) (2005) Organized Crime, Terrorism, Corruption in their Manifestations and Combat with Them. Moscow: Russian Criminological Association (in Russian).

4. Dolgova, A.I. (Ed.) (2008) Extremism and others Criminal Phenomena. Moscow: Russian Criminological Association (in Russian).

5. Gilinskiy, Y. (2005). Police and the community in Russia. *Police Practice and Research: An International Journal*, 6(4), 331-346.

6. Inshakov, S.M. (Ed.) (2007) Latent Crime in the Russian Federation, 2001-2006. Moscow: UNITY.

7. Law and its Victims (2004). 'Kazan': Remedial Center (in Russian).

8. New Newspaper (2009). 10. August (in Russian).

9. Prenzler, T. (2002). Corruption and Reform: Global Trends and Theoretical Perspectives. In T. Prenzler & J. Ransley (Eds.), *Police reform: Building integrity* (pp. 3-23). Sydney: Federation Press.

10. Prenzler, T. (2009) *Police Corruption: Preventing misconduct and maintaining integrity*. Boca Raton FL: CRC Press-Taylor and Francis.

11. Punch, M. (2000). Police corruption and its prevention. *European Journal of Criminal Policy and Research*, 8, 301-324.

12. Punch, M. (2003). Rotten orchards: 'Pestilence', police misconduct and system failure. *Policing and Society*, 13(2), 171-196.

13. Russian Abu-Ghraib: Preliminary report about crisis in GUIN System (2004). Moscow: For Human Right (in Russian).
14. Russian Abu-Ghraib-2 (Bloody Days and Nights of L'gov). Report of the Russian Organization for Human Rights (2005). Moscow: For Human Rights (in Russian).
15. Torture in Russia: 'This Hell made up People' (1997). April. Amnesty International (in Russian).
16. Torture in Russia: Chronicle 1988-1998 (1998) Law. Information Bulletin, N5 (in Russian).
17. Tortures: Crime without Punishment (2004). Nizhny Novgorod: Committee Against Torture (in Russian).

Table 1. Public views about methods of physical ill-treatment by police in Russia (absolute values / %)

Year	St.-Petersburg	Pskov	Chita	Nizhny Novgorod	Komi	Average (all regions)
Total who answered Questionnaire B for those who were physically or psychologically ill-treated by the police	68 100	26 100	31 100	34 100	50 100	209 100
1. Torture by suffocation (including a gas mask)	3 4	3 12	1 3	2 6	3 6	12 6
2. Torture by deprivation (sleep, water, food, natural needs, etc.)	14 21	-	9 29	5 15	20 40	50 24
3. Awkward positions (stretching, tying, handcuffing). Hanging, throwing, distension, arm's screwing.	19 28	10 38	13 42	10 29	29 58	81 39
4. Use of electricity	1 1	-	-	-	14 28	15 7
5. Beating	56 82	17 65	16 52	25 74	25 50	139 67
6. Immersion in water	-	-	4 13	-	20 40	24 11
7. Fraying nerves, scaring sounds, light	24 35	7 27	13 42	7 21	23 46	74 35
8. Being in cold, inhuman conditions	30 44	9 35	13 42	7 21	23 46	82 39
9. Use of third persons (cellmates) for violent	5 7	1 4			18 36	26 12
10. Cauterizations, torture with boiling water, hot objects, cigarette-butts	1 1		1 3		5 10	7 3

Table 2. Public views about motives for physical ill-treatment by police in Russia (absolute values / %)

Year	St.-Petersburg	Pskov	Chita	Nizhny Novgorod	Komi	Average (all regions)
Total, who answered Questionnaire B for those who were physically or psychologically ill-treated by the police	68 100	26 100	31 100	34 100	50 100	209 100
Coercion to confess to a crime, to testify against themselves or other persons (or in favor of others), to make them refuse from testifying	15 22	10 38	14 45	9 26	22 44	70 33
Hostility on the grounds of racial, religions, political intolerance	10 15	5 19	4 13	1 3	22 44	42 20
Vengeance	5 7	-	9 29	2 6	15 30	31 15
Blackmailing, desire to take away belongings, money	53 78	5 19	4 13	9 26	21 24	92 44
Humiliation, amusement	49 72	7 27	17 55	28 82	32 64	133 64
For taking part in public protest actions, oppositions, appeals against abuses	7 10	1 4	6 19	-	21 42	35 17
Other motives	28 41	9 35	8 26	7 21	30 60	82 39

Научное издание

**ДЕВИАНТНОСТЬ, ПРЕСТУПНОСТЬ
И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ
В «НОВОМ МИРЕ»**

Сборник статей

Я. Гишинский

Корректор: И. Жолудева
Верстка: А. Новикова

Подписано в печать 07.12.2012. Формат 70x100 б.
Усл. печ. л. 35,9. Тираж 1500 экз. Заказ № 16544.

ООО «Издательский Дом «Алеф-Пресс»
191119 Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д.27,
литер А, п. 10-Н,
e-mail: info@alef-press.com,
www.alef-press.com.

ISBN 978-5-905966-04-0

9 785905 966040